

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 3–4(28–29)

МОСКВА
2020

ISSN 2079-9160

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалин (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалин (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), А.М. Молдован (Москва), К.М. Мусаев (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), М.З. Улаков (Нальчик), Ф.С. Хахимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Научный редактор: З.Н. Экба (Москва)
Ответственный секретарь: О.Н. Пустогачева (Москва)

Члены редколлегии: А.А. Акматалиев (Бишкек), Т.А. Анিকেева (Москва), Л.Л. Габышева (Якутск), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Б.Т. Койчугев (Бишкек), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), В.Г. Родионов (Чебоксары), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Д.А. Функ (Москва), Т.М. Хаджиева (Москва), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2020
© Российский комитет тюркологов, 2020

№ 3–4(28–29)

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURCOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turcologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Ş.H. Akalın (Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), M. Erdal (Israel), N.Kh. Gadzhiakhmedov (Makhachkala), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isayev (Cheboksary), J. Janhunen (Finland), M.S. Kachalin (Turkey), F.S. Khakimzyanov (Kazan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), I.V. Kul'ganek (Saint-Petersburg), K.M. Minnullin (Kazan), A.M. Moldovan (Moscow), K.M. Musayev (Moscow), A. Róna-Tas (Hungary), N.N. Shirobokova (Novosibirsk), Zh.S. Syzdykova (Moscow), M.Z. Ulakov (Na'l'chik), I. Vásáry (Hungary), N.I. Yegorov (Cheboksary), P. Zieme (Germany), M.Z. Zakiyev (Kazan)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Scientific Editor: Z.N. Ekba (Moscow)
Executive Secretary: O.N. Pustogacheva (Moscow)

Members of the editorial board: A.A. Akmataliyev (Bishkek), T.A. Anikeyeva (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), M.D. Chertykova (Abakan), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), D.A. Funk (Moscow), L.L. Gabysheva (Yakutsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), T.M. Khadzhiyeva (Moscow), B.T. Koychuyev (Bishkek), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), I.A. Nevskaya (Frankfurt), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), M. Ölmez (İstanbul), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), V.G. Rodionov (Cheboksary), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (Moscow), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

The scientific journal "Russian Turcology" is a continuation of the journal "Soviet Turcology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turcology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020

© The Committee of Russian Turcologists, 2020

№ 3–4(28–29)

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ПОЧЕМУ В КЛАССИФИКАЦИИ А.Н. САМОЙЛОВИЧА ЯЗЫК ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ОТНЕСЕН ИМ К ЮГО-ВОСТОЧНОЙ (УЙГУРО-КАРЛУКСКОЙ), А НЕ К ЮГО-ЗАПАДНОЙ (ОГУЗСКОЙ) ГРУППЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ?¹

И.В. Кормушин

г. Москва

Резюме: В настоящей статье делается попытка привлечь внимание тюркологов-лингвистов к малозаметной особенности классификации А.Н. Самойловича, обозначенной нами в заголовке нашей статьи. Впервые А.Н. Самойлович выступил с изложением своей концепции в докладе-статье, зачитанном в декабре 1918 г. на заседании «Радловского кружка» и тогда же опубликованном в г. Петроград под скромным названием «Некоторые дополнения к классификации турецких языков». Хотя, как мы теперь понимаем, это была серьезная перестройка и оснований, и результатов распределения тюркских языков по группам и подгруппам.

Ключевые слова: классификация тюркских языков А.Н. Самойловича, орхоно-енисейская письменность, тюркские междиалектные соответствия по данным «Дивана» М. Кашгари XI в., разбиение тюркских языков по группам и подгруппам.

Как появилась классификация А.Н. Самойловича. Брошюра по упомянутому выше докладу 1918 г. «Некоторые дополнения к классификации...» была переиздана в 1922 г. [Самойлович 1922/2005: 77–87]. Как указал сам автор в обеих редакциях «Некоторых дополнений к классификации...», основания его классификации отличались от аналогичных построений В.В. Радлова и Ф.Е. Корша тем, что А.Н. Самойлович ввел в нее в качестве одного из важнейших критериев распределения тюркских языков, древних и современных, на группы и подгруппы новый признак – инлаутного соответствия звуков $d/\delta \sim z \sim t // y$ (*ïom*) в общетюркских лексемах, типа *adaq/ađaq ~ azaq ~ atax // ayaq* ‘нога’; *qod ~ qoz ~ qot // qou* ‘положи, клади’. В редакции 1922 г. А.Н. Самойлович впервые – в примечании (!), что указывает на новизну по сравнению с редакцией 1918 г., – делает

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ, № 19-012-00161.

ссылку на данные «Дивана» Махмуда Кашгари. Вероятно, А.Н. Самойлович познакомился с содержанием «Дивана» через какое-то время после первой редакции 1918 г., т. е. где-то между 1919 и 1922 гг. Видимо, только после официального окончания Первой мировой войны в Россию стала приходить литература из Турции как страны, противостоявшей Антанте, куда входила Россия. Вот дословно содержание примечание № 8 в публикации 1922 г.: «Некоторые признаки юго-западных наречий приводятся автором XI в. Махмудом Кашгарским в его сочинении «Дивāн лугāt ат-турк», изданном в Стамбуле несколько лет тому назад (*Махмуд Кашгарский, изд. Рифата*): *баран* *вм. барган* (МК I, 35 [DLT, 28]²); *деве* *вм. теве* (МК II, 154 [DLT, 364]); *бен* *вм. тен* ([DLT, 170])» [Самойлович 1922/2005: 81, примеч. 8].

Относительно-хронологическая стратификация классификационных критериев. Близкая к окончательной редакция классификации тюркских языков составила у А.Н. Самойловича к 1926 г., когда он опубликовал в Бюллетене орг. комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда (2. Баку, 1926) статью «К вопросу о классификации турецких языков» [Самойлович 1926/2005: 88–91]. Скорее всего, это первоначальный проект доклада, которым должен был открываться съезд, но на съезде А.Н. Самойлович сделал доклад более общего характера: «Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков». Здесь же, в статье «Бюллетеня», он вносит «некоторые дальнейшие уточнения», фактически ранжируя классификационные признаки в порядке относительной хронологии их осуществления в далеком и менее далеком прошлом.

Первое по древности деление исходного состояния тюркской семьи языков произошло на две группы: *p*-группа (булгарская) и *з*-группа (все остальные турецкие языки и наречия). В делении семьи на *p//z1*-группы А.Н. Самойлович следует за работой Н.Н. Поппе «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам», в которой доказывается, как пишет А.Н. Самойлович, что «чувашский и булгарский языки восходят не к “пратурецкому” языку (группы-з), а к общему предку этих двух отдельных основных групп» [Самойлович 1926/2005: 91].

Второе классификационное деление – на две подгруппы внутри *z1*-группы: первая – *д*-подгруппа (с подразделениями *д-т-/z2-*) – уйгурская, или северо-восточная; и вторая – *ж*-подгруппа – в ней все остальные тюркские наречия.

Третье классификационное деление – внутри *ж*-подгруппы: падение/сохранение *з* в середине слов, отдел типа *калан* – туркменский, или огузский, иначе юго-западный; и отдел типа *калган* – все остальные наречия.

Формально-логический парадокс классификации А.Н. Самойловича. Таким образом, согласно процитированным раскладам, «памятники орхоно-енисейской и уйгурской письменностей не дают, – по мнению А.Н. Самойловича, – достаточных доказательств в пользу существования основных различий между языками

² В нашем российском издании «Дивана» Махмуда Кашгари, 2010–2016 гг., мы считали более целесообразным как для читателей, так и для пишущих давать ссылки не на страницы какого-либо издания (которые у всех издателей разные), а на уникально единый для всех изданий номер страницы оригинала рукописи «Дивана»: от с. 2 до с. 638, благо в американском издании Данкова/Келли и последнем турецком издании Эрджиласуна/Аккоюнлу эти номера везде указываются (прим. авт.).

этих двух письменностей...». Это – во-первых. Во-вторых, «... предки современных юго-западных языков ... вопреки неоднократно высказывавшемуся мнению, отнюдь не могут возводиться непосредственно к языку енисейско-орхонской письменности, ибо, несмотря на некоторые общие им явления, тому препятствуют основные признаки» [Самойлович 1922/2005: 80–81]. Конечно, под «основными признаками» А.Н. Самойлович подразумевает наличие в памятниках звука *d* из второго классификационного деления, тогда как живые огузские языки по этому критерию показывают альтернативный звук *j*.

Между тем, известно, что орхонские памятники отражают историю народа *türk* в период конца VII – первой половины VIII вв. в рамках существовавшего Второго Восточно-тюркского каганата. Уйгурские племена в конце VII в. были завоеваны и включены в состав каганата, но постоянно восставали против этой зависимости и воевали с тюрками. Пока в конце концов в 744 г. уйгуры, разгромив тюрков, не положили конец двухвековому существованию тюркских каганатов. Несмотря на заявление Моян-чора, победителя последнего тюркского кагана Озмыш-тегина, что *türk bodun anta inxaru yoq bolti* ‘народ тюрков с той поры перестал существовать’ (МЧ 10), тюрки не были уничтожены совсем. Их остатки откочевали на Сыр-Дарью, где основали государство огузов. В X в. они приняли ислам. В первой половине XI в. огузы начинают массовое движение на запад. Второй волной приходят тюрки, которые в 1299 г. создают государство османов, разросшееся в XV–XVI вв. до могущественной империи. По результатам Первой мировой войны Османская империя (вместе с тремя другими империями – Германской, Австро-Венгерской и Российской) рухнула, и в пределах Анатолии и небольшой области в Европе (Восточная Фракия) осталась Тюркская (= русск. Турецкая) Республика, 80% населения которой считают себя тюрками (турками).

Сохранение турецким языком на протяжении тысячелетия *j*-признака свидетельствует о том, что этот признак был в тюрко-огузском диалекте, как и предполагал В.В. Радлов [Radloff 1911: 305; Radloff 1912: 427], изначально, с момента распада не-булгарской группы на тюрко-кыпчакско-уйгурский отделы, или подгруппы. Следовательно, сочетание признаков из йот-подгрупп могло иметь место только в рамках формирования литературного языка на смешанной основе. Причем хотя господствующим этносом, использующим этот язык, были тюрки, и язык назывался тюркским, судя по массовому применению *d*-признака, в основу этого гибридного литературного языка был положен карлукско-уйгурский диалект. Тюрко-огузские элементы заменяли уйгурские в случае специфичности последних, чтобы по возможности максимально тюркизировать текст.

Литература

- Кляшторный 2003 – Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2003. {S.G. Klyashtorny. The History of Central Asia and monuments of runic writing. – Saint-Petersburg: Philological Faculty of Saint-Petersburg State University, 2003.}
- Кононов 1980 – Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. {A.N. Kononov. Grammar of the language of the Turkic runic monuments of the VII–IX centuries. – Leningrad: Nauka, 1980.}
- Самойлович 1922/2005 – Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Петроград, 1922. – Цит. по: Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: Восточная

- литература РАН, 2005. – С. 77–87. {*A.N. Samoylovich*. Some addenda to the classification of Turkic languages. – Petrograd, 1922. – As in: *Turkic linguistics. Philology. Runic Inscriptions*. – Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2005. – PP. 77–87.}
- Самойлович 1926/2005 – *Самойлович А.Н.* К вопросу о классификации турецких языков. – Баку, 1926. – Цит. по: *Тюркское языкознание. Филология. Руника*. – М.: Восточная литература РАН, 2005. – С. 88–92. {*A.N. Samoylovich*. On the classification of Turkic languages. – Baku, 1926. – As in: *Turkic linguistics. Philology. Runic Inscriptions*. – Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2005. – PP. 88–92.}
- Таскин 1984 – *Таскин В.С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – Москва: Наука, 1984. – С. 398–487. {*V.S. Taskin*. Materials on the history of ancient nomadic peoples of the dōnghú group. – Moscow: Nauka, 1984. – PP. 398–487.}
- Тенишев 1997 – *Тенишев Э.Р.* Тюркоязычных письменных памятников языка // Языки мира / Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 35–46. {*E.R. Tenishev*. Languages of Turkic written monuments // *Languages of the world / Turkic languages*. – Moscow: Indrik, 1997. – PP. 35–46.}
- Maḥmūd al-Kāshgharī 1982 – Compendium of the Turkic dialects (*Dīwān Luḡāt at-Turk*) / Edited and translated with introduction and indices by Robert Dankoff in collaboration with James Kelly. – Part I. – Harvard University Printing Office, 1982.
- Radloff 1911 – *W. Radloff*. *Alttürkische Studien. IV* // *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ* (Bulletin of the Imperial Academy of Sciences), 1911. – С. 305–326. (In German.)
- Radloff 1912 – *W. Radloff*. *Alttürkische Studien. V* // *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ* (Bulletin of the Imperial Academy of Sciences), 1911. – С. 427–452. (In German.)
- Vovin 2019 – *A. Vovin*. Groping in the dark: the first attempt to interpret the Bugut Brāhmī // *Journal Asiatique*. – Vol. 307. – Num. 1 (2019).

WHY A.N. SAMOYLOVICH CLASSIFIED THE LANGUAGE OF THE ORKHON-YENISSEI MONUMENTS AS A SOUTH-EASTERN (UGHUR-KARLUK) AND NOT THE SOUTH-WESTERN (OGHUZ) GROUP OF TURKIC LANGUAGES?

I.V. Kormushin

Moscow

Summary: This article discusses an attempt to capture the attention of linguists (mainly, turkologists) to a barely noticeable feature of the A.N. Samoylovich's classification, listed in the title of this paper. A.N. Samoylovich presented his conception for the first time in December 1918, during the congress of the «Radloff's Circle» and in the publication, modestly entitled as «Some addenda to the classification of Turkic languages». But, as we know nowadays, it was a very deep reconstruction of the criteria, as well as the results of sorting of Turkic languages into groups and subgroups.

Key words: classification of the Turkic languages by A. N. Samoilovich, Orkhon-Yenisei script, Turkic interdialectal correspondences in the data of Maḥmūd al-Kāshgharī's «*Dīwān ...*» of the XI century, classification of Turkic languages into groups and subgroups.

Kormushin Igor Valentinovich – Ph.D. in philology, Professor, Chief Research Scientist of Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; e-mail: igorkormushin@yandex.ru.

К ПОЗНАНИЮ НЕРАСШИФРОВАННОГО ПИСЬМА¹

И.Л. Кызласов

г. Москва

*Памяти Ербулата Акижановича Смагулова (1952–2019),
большого ученого, человека светлой души и крепкого духа*

Резюме: Среди руноподобных надписей Азии есть три до сих пор не расшифрованные письменные системы, продолжающие интересовать тюркологов: одна представлена древними письменами на чаше из кургана Иссык (Казахстан), другая – шестью средневековыми надписями ачикташского алфавита в городах Средней Сырдарьи (Казахстан) и на близлежащих землях Узбекистана и Кыргызстана, третья – родственным им по облику знаков южноенисейским письмом Южной Сибири и Монголии. Возможности изучения нерасшифрованного письма в многоалфавитном пространстве возникают в свете социоскрипторики, разработанной В.В. Вертоградовой. Время существования, общественный статус и религиозная принадлежность таких нечитаемых письменных систем Средневековья устанавливается, прежде всего, благодаря учету мест нанесения выполненных ими надписей и их соседства с читаемыми написаниями.

Ключевые слова: нерасшифрованные письменности, иссыкская письменность, ачикташская письменность, южноенисейская письменность, мировые религии.

Недешифрованные надписи Казахстана и Средней Азии

Иссыкское письмо. Пятьдесят лет назад, в 1969 г., Кималь Акишевич Акишев начал и через год закончил раскопки кургана Иссык. Как хорошо известно, они привели не только к знаменитым находкам редкостного по художественному совершенству обрядового убранства Золотого человека, но и к обнаружению в погребении IV–III вв. до н. э. таинственного письменного памятника – граффити на серебряной чаше [Акишев 1971].

Прочтение двух свободно размещенных на фиале резных строк поныне загадочно. Лучшая публикация надписи [Акишев 1978: 54, 55, фото 70] показывает, что в прорисовку исследователями нередко включаются царапины, не относящиеся к письменным знакам. Помимо того, сравнительное палеографическое изучение убеждает, что иссыкские знаки не имеют системного сходства с пись-

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания АААА-А18-118011790092-5 «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований».

менами, известными как тюркские руноподобные алфавиты (рис. 1). Накопленный тюркологией опыт свидетельствует: *основывать прочтение любой отдельно взятой надписи на поверхностном сходстве единичных элементов ее букв с орхонскими или енисейскими рунами ошибочно.*

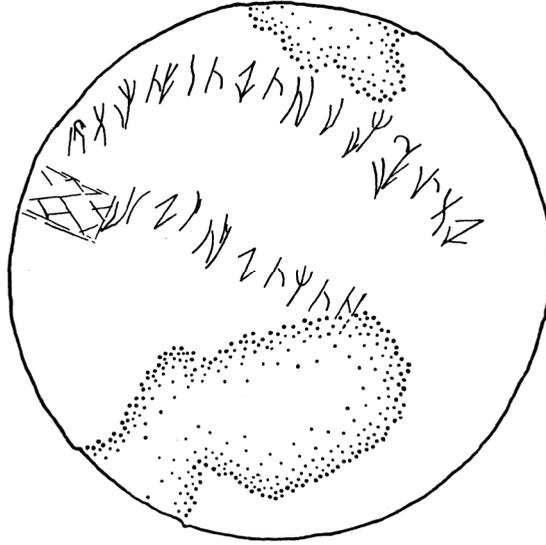

Рис. 1 – Надпись на чаше. Курган Иссык. По К.А. Акишеву.

Безнадежность подбора внешних аналогий для прочтения неизвестных письменных знаков доказана долгим и бесплодным периодом дешифровки самих енисейских рунических надписей, длившимся более 170 лет – с 1721 по 1893 гг. Лишь когда В. Томсен и В.В. Радлов занялись постижением *внутренних особенностей* азиатских рунических текстов, было понято звуковое назначение их знаков.

Согласно приведенному Кималем Акишевичем коллективному мнению ленинградских востоковедов И.М. Дьяконова, В.А. Лившица и С.Г. Кляшторного [Акишев 1978: 59, 60] уже в конце 1970-х гг. было ясно, что надпись иссыкской чаши принадлежит к архаичной форме неведомого письма.

К тому времени, помимо иссыкских граффити, было известно не менее 6 выполненных этим алфавитом надписей. По данным В.А. Лившица, оно было распространено на территориях современных Северного Афганистана, Южного Узбекистана и Южного Таджикистана вплоть до VI–VII вв. н. э. и некогда служило одной из трех официальных письменностей Кушанского царства [Лившиц 1976: 165, 166, прим. 14; 1978: 84–87; ср.: Дьяконов 1979: 224, прим. 73а]. Мне уже приходилось обращать внимание исследователей на эти данные, предоставляя подлинные древнейшие свидетельства применения тюркскими народами рунической письменности [Кызласов 1998а: 71, 72].

Однако, вопреки методическому опыту, накопленному тюркской рунологией за три века, прошедших с 1721 г., и наперекор уже имевшимся конкретным историко-культурным данным, касательным палеографии иссыкской надписи, попытки прочтения ее по-тюркски продолжались в течение всех 50 лет, прошедших со дня ее находки. Они предпринимались многими авторами, подчас высокими

знатоками в области тюркского языкознания. Выделю крупных тюркологов, искренние усилия которых методически закономерно оказались тщетными. В этих поисках с особой ясностью проступает внешне парадоксальный вывод: *для обоснованных прочтений здесь недостаточно глубоких лингвистических познаний, особую роль играет понимание истории культуры того общества, надписи которого привлечены к исследованию* [Ünel 2019: 172–210, историография]. Неудачный исследователь первоисточников, подлинный классик отечественной науки Александр Николаевич Гаркавец несколько раз издал по-русски, казахски и турецки свое прочтение иссыкской надписи [URL: <https://independent.academia.edu/AlexanderGarkavets>]. Увы, эпиграфика степной зоны как той, так и последующей эпохи не знает сосудов с поминальными надписями, совершенными при погребении.

В постижении литературных памятников Средневековья давно и правильно принято изучение жизненного пути автора и исторических условий создания его произведения. Мне трудно понять, отчего этот многократно отточенный в науке подход исключается из рассмотрения столь многоопытными исследователями при их обращении к эпиграфическим памятникам. Отчего высокоцитируемые по своим реальным заслугам тюркологи отступают от этих единственно верных научных приемов, как только дело касается любых руноподобных граффити, будь то иссыкская серебряная чаша или камнеписные енисейские эпитафии. В эпиграфике поиск прочтений даже достоверно читаемых графических систем не может быть свободен от учета исторических реалий и сфер письменной культуры, существовавших в конкретных обществах.

К началу нового века, помимо иссыкской надписи, наука знала уже около 30 образцов этой неизвестной письменности, некогда входившей «в многоалфавитное пространство древней Бактрии» [Вертоградова 2002]. Изучение явления привело Викторину Викторовну Вертоградову к выдвижению новой дисциплины, изучающей роль разных письменных систем в жизни одного общества и тем выявляющей историко-культурную информативность конкретного, пусть и недешифрованного письма. Эта научная область получила весьма удачное наименование *социоскрипторики*. Не имея намерения останавливаться здесь на всех проблемах, связанных с иссыкской надписью, отсылаю читателей к основным трудам Викторины Викторовны из приводимой ею библиографии [Вертоградова 1995; 2002; 2018].

Захватывая 8–10 веков непрерывного развития (общая ныне принятая дата – IV–III вв. до н. э. – V–VI вв. н. э.), приведшего к поэтапному бытованию трех ее алфавитных разновидностей, эта загадочная письменность в Кушанской империи занимала место и во внутренней сакральной практике буддийских монастырей, и в государственной сфере, одно время выступая на равных с двумя иными алфавитными системами – бактрийской и ххароштки. Сам факт использования в обеих указанных областях («скрипторорождающих центрах») первично чуждого для древней Бактрии письма указывает на его высокий социальный и религиозный авторитет в обществе изначального применения.

Таковые конкретные культурные обстоятельства, выраженные в сосуществовании и социальном соподчинении применявшихся алфавитов, ныне склонили исследовательницу к мнению о кочевнической, юэжжуйской сословной принад-

лежности неизвестного письма – мысли, высказанной Э.В. Ртвеладзе в 1998 г. и соотносимой с историческими и лингвистическими аргументами Ю.Н. Рериха (1963 г.) и Вяч. Вс. Иванова (1967 г.) в пользу вхождения в юэчжийскую общность и в верхи кушанского общества тохарского компонента [Вертоградова 2002]. Полагают, что графические истоки неизвестного письма могут быть арамейскими.

Для методики работы с любыми недешифрованными письменностями исключительно важно установление социальной позиции и культурного контекста окружающих их читаемых письменных памятников, как это было сделано В.В. Вертоградской для поздних образцов «иссыкского алфавита». Его применение встречено как на дву- и трехязыких (двух- и трехалфавитных) государственных памятниках, так и на тех, что были найдены вместе и, следовательно, в идеологическом единстве с индийскими надписями в буддийских монастырях Термеза. Среди последних, в частности, встречена двухалфавитная (неизвестное письмо и кхароштки) надпись votivного содержания².

Ачикташское письмо. Опыт, полученный при изучении надписи на иссыкской чаше, весьма полезен при изучении недешифрованных ачикташских и южноенисейских писмен, немногочисленные ныне памятники которых известны науке лишь в пределах средневекового восточнотюркского мира. Согласно палеографическим характеристикам, они относятся к евроазиатскому классу руноподобных алфавитов и имеют совершенно самостоятельное в отношении Южной Сибири и Центральной Азии западное происхождение, никак не зависящее от орхонского, енисейского или таласского алфавитов [Кызласов 1994: 42–73, 279–318].

В Южном Казахстане и на соседних землях Узбекистана и Кыргызстана таковыми являются поныне загадочные строки, нанесенные ачикташским письмом на специальную палочку для письма (А 1), трижды на глиняные сосуды (А 3, А 4, А 6) и дважды на скалы (А 2, А 5). Археологические даты всех шести памятников, судя по слоям залегания, укладываются в конец VII–VIII и IX–X вв. [Кызласов 1990: 131–141, рис. 36–38, табл. XXI–XXIII; 1994: 56–62, 214–215, 279–284, рис. 7, а, 8, е, табл. XVIII, XIX, XXI–XXIII; 2013а; Смагулов 2009: 208, рис. 4; 2011: 319–321, рис. 79, 80; 2017: 138–143, рис. 58–60; Смагулов, Ержигитова 2009: 227, 228, рис. 1; 2013: 96–99, рис. 11; Рогожинский 2010: 322, 333, рис. 2]. Особо показательно, что наиболее поздняя часть надписей, начертанная на керамических сосудах, как в процессе их использования после изготовления и обжига (рис. 2), так и сразу после формования еще по сырой глине (рис. 3), представляет собой довольно пространные начертания, сделанные в две и три строки, что, несомненно, указывает на грамотность населения, в том числе ремесленников-гончаров, т. е. на широкое и привычное распространение письменной культуры в обществе.

Находки, сделанные в раннесредневековых Саурани (Каратобе) и Ясах (Туркестане, Культобе), значимы и в ином отношении. Они принадлежат к развитой городской культуре IX и X вв., которая в тот период была связана со священным для ислама арабским письмом. Тем не менее, руническая ачикташская письменность продолжала существовать в мусульманизированных присырдарьинских

² Вотивный < votus – лат. ‘посвященный богам’.

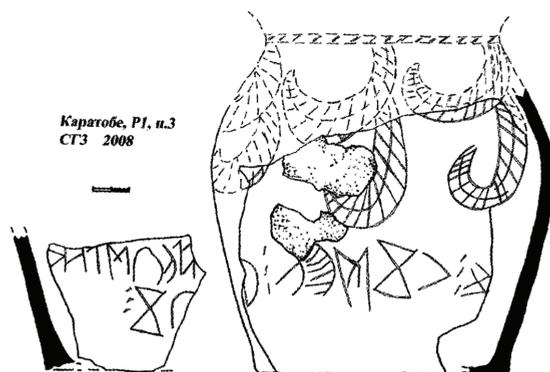

Рис. 2 – Ачикташская надпись на частях сосуда. Реконструкция. Городище Карато́бе (древний г. Сауран). По Е.А. Смагулову.

Рис. 3 – Ачикташская надпись на сосуде. Городище Кюльто́бе (древний г. Ясы). По Е.А. Смагулову.

городах не менее столетия после арабского завоевания края, произошедшего в первой половине VIII в. Думается, что это явление объясняется только *длительным предшествующим существованием ачикташских рун и значительным их социальным (и, следовательно, религиозным) авторитетом в местном обществе*. Обнаружение названных письменных памятников – несомненное крупное открытие в изучении прошлого Казахстана и Средней Азии.

В этом отношении ситуация, наблюдаемая на Средней Сырдарье, в общем типологическом плане вполне сопоставима с той, что зафиксирована археологией Среднего Поволжья. В эпоху Хазарского каганата и Волжской Булгарии в этой части Восточной Европы существовало руноподобное кубанское письмо, принадлежащее к той же евроазиатской алфавитной группе, что и ачикташская азбука [Кызласов 1994: 15–78]. Несмотря на предпринятые в последнее время недюжинные усилия, всецело оправданные с лингвистической стороны, из-за неучтенных внеязыковых обстоятельств – как палеографических, так и историко-культурных (социоскрипторных) – эту кубанскую письменность (как и родственную ей донскую) все еще приходится считать недешифрованной.

Сегодня особенно значимо, однако, что кубанское письмо, по крайней мере меж второй третью IX и первой четвертью X вв., имело официальный статус, поскольку применялось при чеканке самобытной серебряной монеты [Кызласов

2012; Кулешов 2013: 41; ср. Кулешов 2009а; 2009б]. Бытовало оно вплоть до XII в., если не до рубежа XII и XIII вв., и так же, как ачикташские руны, продолжало применяться гончарами для сакральных надписей на еще необожженных глиняных сосудах. Высокий социальный статус кубанской письменности проявился в ее применении при производстве особо редкой формы столовой посуды – триподов, предназначенных для торжественных, парадных трапез в городах Волжской Булгарии, мусульманизированных не позднее середины X в. Такие находки, датировка которых ныне уточнена, сделаны при раскопках Биляра – одного из трех крупнейших городов страны домонгольского времени, имевшего одну из самых больших мечетей Восточной Европы [Кочкина 1985: 77–79, рис. 3, 4; Кызласов 1994: 274, 275; 2000: 11–13, рис. 3, 4; 2012: 226, 232]³.

Кроме доказанного палеографического родства ачикташского и кубанского письма, объясняемого общностью происхождения, их объединяет и историко-культурная ситуация: обе эти руноподобные системы в раннем средневековье применялись в тюркоязычных государствах. Новые археологические и эпиграфические материалы, связанные с ачикташской письменностью, позволяют относить ее поздние памятники к огузскому населению [Смагулов 2017: 142; но ср. 2011: 23, 26]. Возможность раннего датирования надписи А 3 (Алтын-асар) оставляет пока вероятность восприятия сырдарьинскими огузами субстратной письменной культуры кангаро-печенежского круга [Кызласов 1994: 215]. Следовательно, и расшифровывать эти письма наиболее вероятно с использованием тюркских языков. Какую лингвистическую группу привлекать в отношении надписей ачикташского алфавита, сказать трудно. В случае с кубанским письмом – это может быть чувашеведение.

Нерасшифрованные надписи Южной Сибири и Монголии

В условиях открытого ландшафта в этом регионе были выделены лаконичные камнеписные надписи, выполненные поныне нерасшифрованным южноенисейским руническим письмом [Кызласов 1988; 1990: 80–128, рис. 19, 20, 22–35, табл. XV–XVIII, XXVII; 1994: 42–56, 65–73, 174, 217–222, 289–318, рис. 3–6, 8, табл. XV–XVII, XXI–XXIII]. Эта новая для науки письменность стала известна по 18 памятникам из 10 местонахождений. С тех пор археологические полевые работы увеличили общее число известных надписей до 28, найденных в 14 пунктах. В пределах Южной Сибири и Центральной Азии оно отмечено на Среднем (Хакасия) и Верхнем Енисее (Тува), на Катунь (Горный Алтай) и в долине Больших озер (Монголия). Палеографические характеристики этого письма указывают на

³ На рунических дирхемах размещены имитации арабских надписей, что в данном случае указывает на социальную подчиненность арабицы кубанскому письму, которым выполнены легенды. Длительное существование кубанской письменности в болгарских столичных центрах противостоит высказанному В.С. Кулешовым хазарскому определению этой монетной чеканки. Геральдические знаки на монетах и седьярском сосуде не совпадают с графикой отметок на известных ныне хазарских подражаниях дирхемам. Для определения верха и низа тамг на рунических монетах материала недостаточно, поэтому их не следует именовать двузубцами и трезубцами.

его родственность среднеазиатскому ачикташскому и восточноевропейским донскому и кубанскому алфавитам Хазарского каганата и Волжской Булгарии.

Несмотря на относительную малочисленность, известные материалы доказывают, что южноенисейские надписи ко времени их появления в IX–X вв. были новы и чужеродны для обитателей Саяно-Алтайского нагорья и Монголии, к тому времени уже не одно столетие практиковавших классические енисейские и орхонские письмена. Повсюду строки южноенисейской письменности вторичны, нанесены на культовые объекты раннего Средневековья, почитавшиеся местным населением: на скальные поверхности с уже имевшимися изображениями (рис. 4), на вертикально установленные камни более ранних курганных захоронений [Кызласов 1994: Ю 11; 2018, Ю 20/1,2], на стенки тюркских поминальных оградок VI–VIII вв. [Горбунов и др. 2015: рис. 11, 12, 21–24, Ю 23] и на стоявшие внутри них стелы [Кызласов 1994: Ю 12, Ю 13, Ю 15 – Ю 17; 1998б].

Для понимания историко-культурного положения этих надписей особую значимость имеет систематическое их соседство с читаемыми граффити енисейского письма. Носители двух разных рунических систем Саяно-Алтая – местной енисейской и пришлой южноенисейской – почитали одни и те же горные и курганные святыни. Смежность южноенисейских и енисейских строк, отмечавшаяся ранее для Сулекской (рис. 4, 5) и Туранской писаниц Хакасии (Ю 1 – Ю 4, Ю 19) [Кызласов 1994: рис. 39; 2007: 110, 111, рис. 1, 3; Миклашевич 2018: 28, 29, рис. 2, 1, 3, 1, 2], теперь также встречена на утесе Бичикту-Боом и на ручье Карбан на Средней Катуни (рис. 6) (наблюдения автора 2001 и 2006 гг.) и на р. Хар-Салаа на Монгольском Алтае (рис. 7) [Кубарев 2009: 163, № 444]. Тем самым, подкреплен вывод об одновременности бытования енисейского и южноенисейского письма, нижний предел которого, вероятно, приходится на IX в.

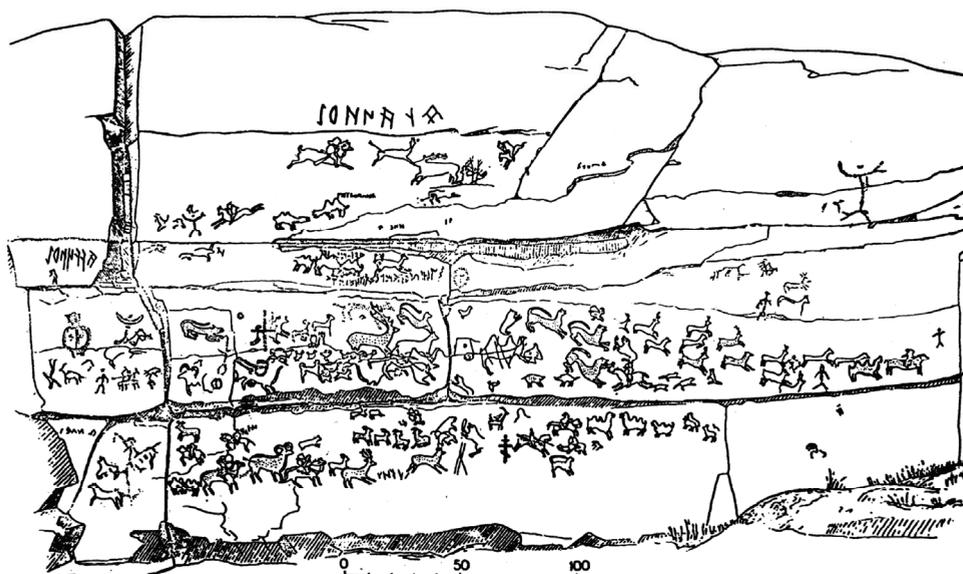

Рис. 4 – Общий вид Сулекской писаницы. 1887 г. Размещение двух енисейских и четырех южноенисейских надписей. По Н. Appelgren-Kivalo.

Рис. 5 – Южноенисейские надписи Ю 3 и Ю 4. Сулекская писаница. 1887 г.
По Н. Appelgren-Kivalo.

Рис. 6 – Соседство южноенисейской (Ю 18) и енисейской надписей.
Скала на р. Карбан. 2006 г. Прорисовка автора

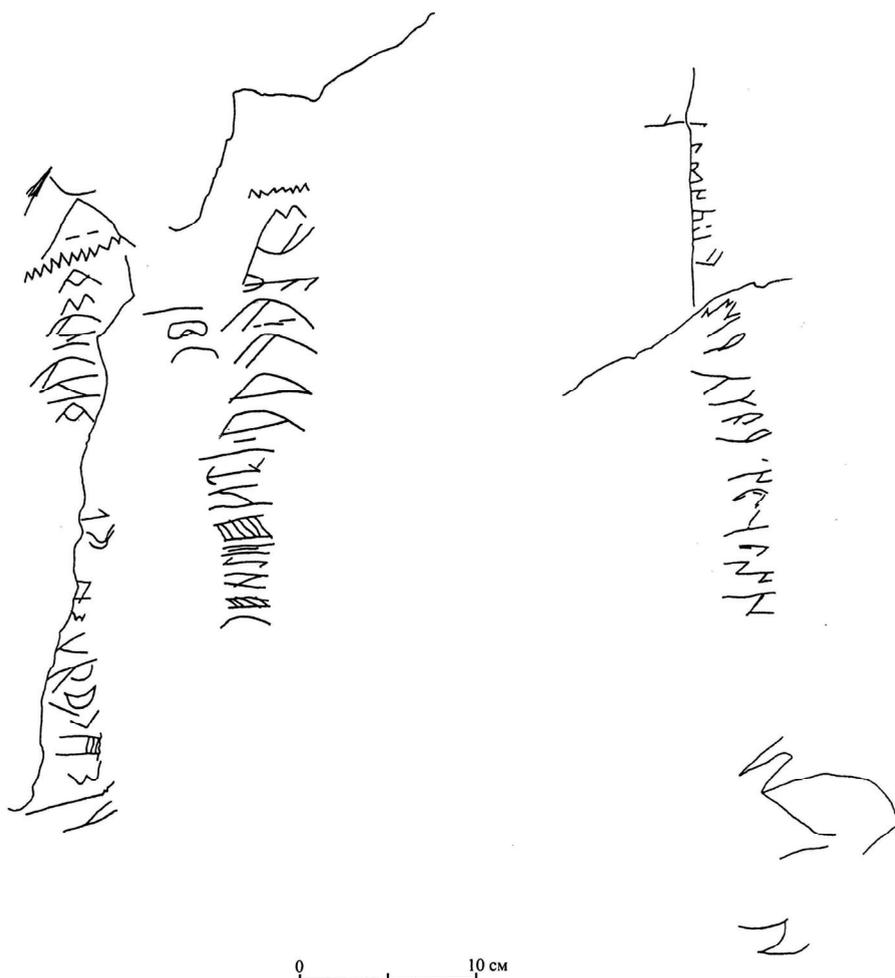

Рис. 7 – Соседство енисейской и четырех южноенисейских надписей (Ю 22/1-4).
Граффити на р. Хар-Салаа. По В.Д. Кубареву.

Наскальные надписи аборигенного енисейского письма носили сакральный характер: содержали молитвы либо отмечали свершившийся акт обращения к богу [Кызласов 2001а; 2001б; 2003; 2014]; скопления таких граффити указали местонахождения монастырей [Кызласов 2004]. Эта письменная культура принадлежала манихейству – из пришлых мировых вероучений лишь оно одно использовало руны в качестве своего религиозного письма. Ранее об этом говорило содержание рунических рукописей Восточного Туркестана [Габен фон 1986: 170, 171 и библиография], ныне – наскальных начертаний Саяно-Алтая и выявленное воздействие орфографических норм манихейского письма на енисейское руническое правописание [Кызласов 1997; 1999а]. При религиозном определении надписей опорой также служат обнаруженные и раскопанные в Хакасии манихейские храмово-монастырские комплексы [Кызласов Л.Р. 1998].

Соседство енисейских и южноенисейских наскальных надписей устанавливает факт существования общих мест нагорных молений местных и пришлых гра-

- Акишев 1978 – *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с. {*K.A. Akishev. Kurgan Issyk. The art of the Sakas of Kazakhstan.* – Moscow: Iskustvo, 1978. – 132 pp.}
- Вертоградова 1995 – *Вертоградова В.В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе. Проблемы дешифровки и интерпретации. – М.: Вост. лит., 1995. – 160 с. {*V.V. Vertogradova. Indian epigraphy from Kara-Tepe. Decryption and interpretation problems.* – Moscow: Vostochnaya literatura, 1995. – 160 pp.}
- Вертоградова 2002 – *Вертоградова В.В.* Неизвестное письмо в многоалфавитном пространстве древней Бактрии // Петербургский Рериховский сборник. Вып. 5. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. – С. 129–148. {*V.V. Vertogradova. Unknown writing in the multi-alphabetic space of ancient Bactria // Petersburg Rerich collection. Issue 5.* – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2002. – PP. 129–148.}
- Вертоградова 2018 – *Вертоградова В.В.* Миграции в регионы древней Бактрии с IV в. до н. э. по IV в. н. э. и социокультурная дистрибуция алфавитов (к проблеме социоскрипторики) // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018. – С. 237–244. {*V.V. Vertogradova. Migration to the regions of ancient Bactria from the 4th century BC to the 4th century AD and sociocultural distribution of alphabets (to the problem of socioscriptories) // From the Bronze Age to the Digital Age: the phenomenon of migration in time.* – Barnaul: Publishing house of Altai University, 2018. – PP. 237–244.}
- Габен фон 1986 – *А. фон Габен.* Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1986. – Вып. I. – С. 159–190. {*A. von Gabain. The culture of writing and printing of ancient Turkic peoples // Foreign Turkology.* – Moscow: Nauka, 1986. – Issue I. – PP. 159–190.}
- Горбунов и др. 2015 – *Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч.* Продолжение исследования тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2. – С. 72–89. {*V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin, N.N. Seregin, A.N. Mukhareva, Ch. Munkhbayar. Continuing the study of Turkic enclosures in the territory of Mongolian Altai // Theory and practice of archaeological research.* – 2015. – No. 2. – PP. 72–89.}
- Дьяконов 1979 – *Дьяконов И.М.* Комментарии // И. Фридрих. История письма. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1979. – С. 211–229. {*I.M. Dyakonov. Comments // I. Friedrich. History of writing.* – Moscow: Nauka. Glav. red. vost. lit., 1979. – PP. 211–229.}
- Кочкина 1985 – *Кочкина А.Ф.* Рунические надписи на керамике Биляра // Советская тюркология. – 1985. – № 4. – С. 73–80. {*A.F. Kochkina. Runic inscriptions on Bilyar's ceramics // Soviet Turkology.* – 1985. – No. 4. – PP. 73–80.}
- Кубарев 2009а – *Кубарев В.Д.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009а. – 420 с. {*V.D. Kubarev. Petroglyphs of Shiveet-Khairkhan (Mongolian Altai).* – Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2009. – 420 pp.}
- Кулешов 2009б – *Кулешов В.С.* «Рунический дирхам» из Козьянковского клада // Acta Archaeologica Albaruthenica. – Минск: I.P. Логвинаў, 2009б. – Vol. V. – С. 105–111. {*V.S. Kuleshov. «Runic dirham» from the Koz'yankovskiy hoard // Acta Archaeologica Albaruthenica.* – Minsk: I.P. Logvinov, 2009. – Vol. V. – PP. 105–111.}
- Кулешов 2009 – *Кулешов В.С.* «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазарской геральдики? // Семинар «Геральдика – вспомогательная дисциплина». – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. – 8 с. {*V.S. Kuleshov. «Runic Dirham»: A New Source for the History of Khazar Heraldry? // Seminar «Heraldry is as an auxiliary discipline».* – St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2009. – 8 pp.}
- Кулешов 2013 – *Кулешов В.С.* О типологическом и хронологическом соотношении хазарских рунических дирхамов и монет абхазского царства IX в. // Нумизматические чтения 2013 года. Материалы докладов и сообщений. – М.: Триумф принт, 2013. – С. 40–42. {*V.S. Kuleshov. On the typological and chronological relations between the Khazar runic dirhams and the coins of the Abkhazian kingdom of the 9th century // Numismatic Readings 2013. Conference proceedings.* – Moscow: Triumph print, 2013. – PP. 40–42.}
- Кызласов 1988 – *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 108–140. {*I.L. Kyzlasov. New runic writing of Southern Siberia // Archeology of Gorny Altai.* – Gorno-Altai, 1988. – PP. 108–140.}

- Кызласов 1990 – *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. – М., 1990. – 179 с. {*I.L. Kyzlasov. Ancient Turkic runic writings of Eurasia. Paleographic analysis. – Moscow, 1990. – 179 pp.*}
- Кызласов 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Наука, 1994. – 327 с. {*I.L. Kyzlasov. Runic scripts of the Eurasian steppes. – Moscow: Nauka, 1994. – 327 pp.*}
- Кызласов 1997 – *Кызласов И.Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1997. – Т. L., fasc. 1–3. – С. 163–184. {*I.L. Kyzlasov. Varieties of ancient Turkic runic spelling. Reflection of the Manichean written culture in the monuments of the Yenisei and Orkhon writing // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. – T. L., fasc. 1–3. – PP. 163–184.*}
- Кызласов 1998а – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // *Российская археология.* – 1998а. – № 1. – С. 71–83. {*I.L. Kyzlasov. Materials for the early history of the Turks. II. The oldest evidence of writing // Russian archeology. – 1998. – No. 1. – PP. 71–83.*}
- Кызласов 1998б – *Кызласов И.Л.* Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдегей (Факты вторичного использования древнетюркских оградок VI–VIII вв. в раннем Средневековье) // *Древности Алтая. Известия лаборатории Горно-Алтайского государственного университета.* – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998б. – № 3. – С. 143–165. {*I.L. Kyzlasov. Results of excavation of funeral fencings at the Edegey River (The evidence of reusing Old Turkic fencings of the 6th–8th centuries in the early Middle Ages) // Antiquities of Altai. – News of laboratory of the Gorno-Altaysk State University. – Gorno-Altaysk: GASU Publishing House, 1998. – No. 3. – PP. 143–165.*}
- Кызласов 1998в – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // *Российская археология.* – 1998в. – № 2. – С. 68–84. {*I.L. Kyzlasov. Materials for the early history of the Turks. III. The oldest evidence of writing // Russian archeology. – 1998. – No. 2. – PP. 68–84.*}
- Кызласов 1999 – *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // *Вопросы тюркской филологии.* – М., 1999. – Вып. IV. – С. 85–112. {*I.L. Kyzlasov. Spelling signs of Manichean runic inscriptions // Questions of Turkic philology. – Moscow, 1999. – Issue IV. – PP. 85–112.*}
- Кызласов 2000 – *Кызласов И.Л.* Руническая эпиграфика древних болгар. I. Кубанские надписи на двух сосудах // *Татарская археология.* – 2000. – № 1–2. – С. 5–18. {*I.L. Kyzlasov. Runic epigraphy of the ancient Bulgarians. I. Kuban inscriptions on two vessels // Tatarian archeology. – 2000. – No. 1–2. – PP. 5–18.*}
- Кызласов 2001а – *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем Средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // *Древние цивилизации Евразии. История и культура.* – М.: Восточная литература РАН, 2001а. – С. 243–270. {*I.L. Kyzlasov. Change of worldview in Southern Siberia in the early Middle Ages (Ideas of monotheism in the Yenisei inscriptions) // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. – Moscow: Vostochnaya literatura of RAS, 2001. – PP. 243–270.*}
- Кызласов 2001б – *Кызласов И.Л.* «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // *Средневековые древности евразийских степей / Археология восточно-европейской лесостепи.* Вып. 15. – Воронеж: ВГУ, 2001б. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov. «Doing good, sow humanity» (Manichean missionaries at the Altai peaks) // Medieval antiquities of the Eurasian steppes / Archeology of the Eastern European forest-steppe. Issue 15. – Voronezh: Voronezh State University, 2001. – PP. 111–129.*}
- Кызласов 2003 – *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М.: Гуманитарий, 2003. – 112 с. {*I.L. Kyzlasov. News of the Turkic runology. Issue I. Yenisei inscriptions on the Yalbak-Tash mountain (Gorny Altai). – Moscow: Humanitarian, 2003. – 112 pp.*}
- Кызласов 2004 – *Кызласов И.Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // *Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова.* – М.: Русаки, 2004. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov. Manichean monasteries in Gorny Altai // Antiquities of the East. Collected articles devoted to the 80th anniversary of professor L.R. Kyzlasov. – Moscow: Rusaki, 2004. – PP. 111–129.*}

- Кызласов 2007 – *Кызласов И.Л.* Рунические надписи горы Туран на Среднем Енисее // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып. 5. – С. 106–114. {*I.L. Kyzlasov.* Runic inscriptions of Mount Turan on the Middle Yenissei // Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia. – Gorno-Altai: AKIN, 2007. – Issue. 5. – PP. 106–114.}
- Кызласов 2008 – *Кызласов И.Л.* К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – С. 451–463. {*I.L. Kyzlasov.* To clarify the initial positions of studying and saving scribbles // Man, adaptation, culture. – Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2008. – PP. 451–463.}
- Кызласов 2012 – *Кызласов И.Л.* Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа / Сб. группы по археологии Кавказа ИА РАН. Вып. 1. – М.: Тauc, 2012. – С. 226–246. {*I.L. Kyzlasov.* Silver coins with the legends of the Kuban runic writing // Problems of the archeology of the Caucasus / Collection of the Group on the Archeology of the Caucasus of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Issue 1. – Moscow: Taus, 2012. – PP. 226–246.}
- Кызласов 2013а – *Кызласов И.Л.* Характер и значение находок рунических надписей на Сырдарье // Хабарлары / Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2013а. – № 3. – С. 164–173. {*I.L. Kyzlasov.* The nature and significance of the runic inscriptions finds on the Syrdarya River // Khabarlary / News of the National Academy of Sciences of the Kazakhstan Republic. Social sciences and humanities series. – Almaty, 2013. – No. 3. – PP. 164–173.}
- Кызласов 2013б – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I. // Российская тюркология. – 2013б. – № 1. – С. 79–90. {*I.L. Kyzlasov.* The religious nature of the Yenissei writing. I. // Russian Turkology. – 2013. – No. 1. – PP. 79–90.}
- Кызласов 2013в – *Кызласов И.Л.* Руническое письмо на скалах: сибирские корни обряда и его распространение в Средней Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. – Самарканд, 2013в. – С. 116–121. {*I.L. Kyzlasov.* Runic writing on the rocks: Siberian roots of the rite and its distribution in Central Asia // Cultural transfer at the crossroads of Central Asia: before, during and after the Great Silk Road. – Samarkand, 2013. – PP. 116–121.}
- Кызласов 2014 – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. II. // Российская тюркология. – 2014. – № 1. – С. 52–61. {*I.L. Kyzlasov.* The religious nature of the Yenissei writing. II // Russian Turkology. – 2014. – No. 1. – PP. 52–61.}
- Кызласов 2018 – *Кызласов И.Л.* Надписи на стеле Копёнского чаатаса (Хакасия) // Урало-алтайские исследования. – 2018. – № 1. – С. 23–32. {*I.L. Kyzlasov.* Inscriptions on the stele of the Kopenky chaatas (Khakassia) // Ural-Altai studies. – 2018. – No. 1. – PP. 23–32.}
- Кызласов Л.Р. 1998 – *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1998. – № 3. – С. 8–35. {*L.R. Kyzlasov.* Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia // Bulletin of Moscow University. Series 8. History. – 1998. – No. 3. – PP. 8–35.}
- Лившиц 1976 – Лившиц В.А. Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. – М.: Наука, 1976. – С. 163–169. {*V.A. Livshits.* Inscriptions from Dilberdzhin // Ancient Bactria. – Moscow: Nauka, 1976. – PP. 163–169.}
- Лившиц 1978 – Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология. – 1978. – № 4. – С. 84–98. {*V.A. Livshits.* On the origin of ancient Turkic runic writing // Soviet Turkology. – 1978. – No. 4. – PP. 84–98.}
- Миклашевич 2018 – *Миклашевич Е.А.* Наскальные изображения горы Туран на Среднем Енисее // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 1. – С. 24–39. {*E.A. Miklashevich.* Rock carvings of Mount Turan on the Middle Yenisei // Theory and practice of archaeological research. – 2018. – No. 1. – PP. 24–39.}
- Рогожинский 2010 – *Рогожинский А.Е.* Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы: Принт-С, 2010. – С. 329–344. {*A.E. Rogozhinskiy.* New finds of monuments of ancient Turkic epigraphy and monumental art in the south and east of

- Kazakhstan // The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. – Almaty: Print-S, 2010. – PP. 329–344.}
- Смагулов 2009 – Смагулов Е.А. Продолжение исследований стратиграфии Древнего Саурана // Отчет об археологических исследованиях в 2008 году по государственной программе «Культурное наследование». – Алматы: [б.и.], 2009. – С. 204–209. {E.A. Smagulov. Continuation of studies of the stratigraphy of Ancient Sauran // Report on archaeological research in 2008 under the state program «Cultural inheritance». – Almaty, 2009. – PP. 204–209.}
- Смагулов 2011 – Смагулов Е.А. Древний Сауран. – Алматы: АБДИ Компани, 2011. – 436 с. {E.A. Smagulov. Ancient Sauran. – Almaty: ABDI Company, 2011. – 436 pp.}
- Смагулов 2017 – Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. – Алматы, 2017. – 314 с. {E.A. Smagulov. Ancient Turkestan: strokes for a historical portrait. – Almaty, 2017. – 314 pp.}
- Смагулов, Ержигитова 2009 – Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования древнего Саурана // Хабарлары / Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2009. – № 1. – С. 226–243. {E.A. Smagulov, A.A. Erzhigitova. Studies of the ancient Sauran // Khabarlary / News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social sciences and humanities series. – Almaty, 2009. – No. 1. – PP. 226–243.}
- Смагулов, Ержигитова 2013 – Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги археологического изучения. 2011–2012 гг. // Хабарлары / Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2013. – № 3. – С. 82–100. {E.A. Smagulov, A.A. Erzhigitova. The citadel of ancient Turkestan: some results of an archaeological study. 2011–2012 // Khabarlary / News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social sciences and humanities series. – Almaty, 2013. – No. 3. – PP. 82–100.}
- Appelgen-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. – Helsingfors: K. F. Puromies Buchdruckerei A.-G., 1931. – 119 S.
- Kyzlasov 2016 – I. Kyzlasov. Inscriptions rupestres runiques. De la Sibérie à l'Asie centrale et au Kazakhstan // Asie centrale. Transferts culturels le long de la route de la soie. – Paris: Vendémiaire, 2016. – PP. 301–307.
- Ünel 2019 – Ünel O. The Issyk and Khanum Inscriptions Revisited // Ural-altaische Jahrbücher. Neue Folge. – 2019. – T. 27. – PP. 172–210.

UPON THE ISSUE OF UNDECRYPTED WRITINGS

I.L. Kyzlasov

Moscow

*In memory of Erbulat Akizhanovich Smagulov (1952–2019),
a great scientist, a person of a bright soul and a strong spirit*

Summary: Among the rune-like inscriptions of Eurasia, there are four still undeciphered writing systems that still continue to be of interest of turkologists: the first is represented by an ancient inscription on a bowl from the Issyk burial mound (Kazakhstan), the second – by six medieval inscriptions of the Achiktash alphabet in the cities of the Middle Syrdarya river (Kazakhstan) and in the neighboring lands of Uzbekistan and Kyrgyzstan, the third – related to them in the appearance of characters in the South Yenisei script of South Siberia and Mongolia. The possibilities of studying undeciphered writing in a multi-alphabetic space arise in the light of sociocryptics created by V.V. Vertogradova. The time of existence, social status and religious affiliation of such unreadable writing systems of the Middle Ages are established primarily by defining the places where the inscriptions were made and their proximity to the readable writings.

Key words: undeciphered writings, Issyk writing, Achiktash writing, South Yenisei writing, world religions.

Kyzlasov Igor Leonidovich – Prof. Doctor in history, Leading Researcher at Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences; e-mail: kyzlasovil@mail.ru.

ОНОМАСТИКА

БАШКИРСКИЕ ТОПОНИМЫ УТАГАН И ИХ ОТНОШЕНИЕ К СВЯЩЕННОЙ ГОРЕ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ÖTÜKÄN

З.Г. Аминев

г. Уфа

Резюме: В статье рассматривается вопрос о вероятности происхождения башкирских топонимов *Утаган* от названия священной горы древних тюрков *Ötükän*. Выдвигается гипотеза о том, что названные топонимы связаны с доисламскими верованиями тюркоязычных племен, вошедших в состав формирующегося древнебашкирского этноса. Автор отмечает, что топонимы *Утаган* встречаются на территории расселения племенного объединения *табын*, происхождение которого связано с древними уйгурами. Рассмотренный автором комплекс этнографических материалов позволяет сделать вывод о древних связях населения Южного Урала и Саяно-Алтая.

Ключевые слова: топонимы, племенное объединение *табын*, древние уйгуры, караски, древнетюркские надписи, божество Яйык, культ гор.

На Южном Урале, на территории Республики Башкортостан в Абзелиловском, Бураевском и Кармаскалинском районах имеются несколько населенных пунктов, называемых «Утаган». По мнению башкирских исследователей, все вышеназванные топонимы происходят от антропонимов [Словарь 1980: 161]. Не оспаривая выводы этих авторов, мы в свою очередь предполагаем, что связь с антропонимами в данном случае, скорее всего, явление вторичного порядка, а первоначальное значение этих топонимов должно было быть совершенно иным. Все эти названия, прежде чем превратились в антропонимы и топонимы, первоначально отражали доисламские верования тюркоязычных племен, вошедших в состав формирующегося древнебашкирского этноса. На это указывают наши материалы, собранные в ходе экспедиций в башкирское Зауралье. Прежде всего необходимо отметить, что все эти топонимы *Утаган* находятся в местах обитания родов, принадлежащих к башкирскому племенному объединению *табын*, происхождение которых этнографы связывают с древними уйгурами. Данный факт имеет очень существенное значение в контексте исследуемой темы. Ведь древнетюркское название священной горы *Ötükän*, с которым мы пытаемся связать башкирский *Утяган* (*Утэгэн*), связано с историей древних уйгур.

Аминев Закирьян Галимьянович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: zakirjan_g@mail.ru.

Ötükan несколько раз упоминается в древнетюркских надписях в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука. Кроме этого, слово *Ötükan* как наименование лесистой местности или гор в районе обитания древних уйгур в бассейне реки Селенги упоминается в уйгурской рунической надписи, относящейся к VIII в. Эта надпись выбита на так называемом «Селенгинском камне», обнаруженном близ небольшого озера Шинеусу, в районе водораздела рек Орхона и Селенги и, как предполагают исследователи, поставлена одному из уйгурских или огузских каганов.

В Туве известным тюркологом Л.П. Потаповым был обнаружен целый комплекс географических терминов, упоминаемых в древнетюркских надписях вместе с *Ötükan* [Потапов 1963: 290]. В частности, в Туве ученым был выявлен горный хребет, до сего времени называемый тувинцами *үтүгөн*. На современных картах этот хребет зафиксирован как Кхуку-Тайга. Разночтение между местным названием и официальным объясняется тем, что данный горный массив для тувинцев был священным и очень почитаемым, в силу чего запрещалось произносить его название в присутствии посторонних. Поэтому для геодезистов, картографов, являющихся для местного населения чужими, истинное название горного хребта осталось неизвестным [Потапов 1957а: 112].

Л.П. Потапов обосновывает гипотезу о том, что этот горный хребет в Туве и есть тот самый древний *Ötükan*, который упомянут в орхонских надписях, и считает, что родина древних тюрков *Ötükan* находилась в Восточных Саянах – там, где еще во времена древних тюрков жили носители этнонима туба (дубо) – охотники, рыболовы и собиратели [Потапов 1957б]. Разбирая все варианты толкования этого слова, Л.П. Потапов, вслед за Б.Я. Владимирцовым [Владимирцов 2005: 841–844], пришел к выводу, что древнетюркское *Ötükan* являлось названием горного хребта, находящегося на территории обитания древних тюрков и получившего толкование как «божество земли» [Потапов 1957а: 106–117].

Если у тюркоязычных народов Саяно-Алтая и у монгольских народов культ *Ötükan*, зафиксированный еще в древнетюркскую эпоху их истории, сохранился до наших дней и исследуется, то у тюркоязычных башкир божество или культ *Ötüken* ~ *Ötügen* ~ *Ötükan* никем из ученых не зафиксирован. Видимо, ко времени появления у исследователей интереса к древним верованиям и поверьям башкир, этот шаманский культ у них был уже основательно забыт. Тем не менее, как нам кажется, некоторые отголоски о наличии в далеком прошлом у предков башкир каких-то связей с *Ötükan* сохранились.

Во время этнографической экспедиции в Баймакский район Республики Башкортостан, недалеко от ныне исчезнувшего башкирского аула Гадельша, рядом с рекой Туяляс (башк. *Төйәләс*) нами было зафиксировано название горы Этюкан (*Әтүкән*), название которой, как нам кажется, имеет прямое отношение к священной горе древних тюрков *Ötükan*. Впервые о горе *Әтүкән* я услышал от прекрасного знатока местных преданий Юмагулина Рашита Мавлетдиновича, 1944 г. р., известного в башкирском Зауралье охотника и защитника природы, впоследствии трагически погибшего от рук браконьеров. Зная Р.М. Юмагулина как отличного знатока своих родных гор, я частенько заглядывал к нему домой, чтобы узнать или уточнить то или иное название местности. Во время одного из посещений я показал Рашиту Мавлетдиновичу фотографии центральноазиатских *Обо* и попросил его вспомнить, не встречал ли он подобные сооружения у себя в горах.

Р.М. Юмагужин сообщил, что таких сооружений в горных отрогах Ирандек очень много и что называются они «*караскы*»¹. Он обещал мне показать самый большой «*караскы*», который он когда-либо встречал в горах Ирандека. Этот «*караскы*», по его словам, находился на скалистой вершине горы *Әтүкән*, рядом с небольшой горной рекой Туяляс (*Төйәләс*) и недалеко от места, где раньше располагался выше упомянутый, уже исчезнувший башкирский аул Гадельша. Тогда я не сразу обратил внимание на название горы, меня больше заинтересовали *караскы*, наличие которых у башкир я предполагал и искал их. В детстве я наблюдал, как старые башкиры из д. Идельбай при восхождении на вершину горы читали молитвы и втыкали в щели скал пучки конских волос, или же укладывали на скальные выступы в горах камни. По истечении некоторого времени на перевале или на вершине горы разрозненными, разновременными усилиями этих стариков как бы произвольно, само собой возникало сооружение, напоминающее центральноазиатское *Обо*. Сооружение, которое мне показал Р.М. Юмагужин, действительно, было внушительных размеров. Даже после того, как его частично разобрали, он выглядел (в 80-е гг. XX в.) высотой около четырех метров. К сожалению, сейчас этого *караскы* уже нет: разобран предприимчивыми жителями близлежащих населенных пунктов на стройматериалы.

Согласно свидетельству Р.М. Юмагузина и выходцев из аула Гадельша, на вершине этого *караскы* до того, как его начали разбирать, был воткнут довольно длинный кол, куда местные жители привязывали разноцветные лоскутки тканей. По легенде, распространенной среди местного башкирского населения, со скалистой вершины этой горы *Әтүкән* якобы бросилась вниз и погибла девушка, которую отец насильно хотел выдать замуж за старого местного бая (богача). При падении девушка успела крикнуть «Атакай» (башк. 'отец, батюшка, папенька'). С тех пор и стали люди называть гору «Атакай». Со временем название изменилось на *Әтүкән*. Хотя в этой башкирской легенде нет ничего, что указывало бы на какие-либо древние верования, а название горы не совсем сходится с названием священной горы *Ötükän*, тем не менее, нам кажется, что башкиры в наименовании своей горы сохранили в чуть измененном виде название тюркской священной горы *Ötükän*. Выявленные нами отдельные топонимы горного хребта Ирандек, которые находятся рядом друг с другом и тем самым составляют как бы единый комплекс, дают нам возможность связать их названия со священной горой *Ötükän* ~ *Ötüken* ~ *Ötügen* ~ *Üdägän* древних тюрков. В частности, название протекающей недалеко реки Туяляс (башк. *Төйәләс*) – не простое созвучие с названием древнетюркского племени *төйәләс*, это разные фонетические варианты одного и того же слова. Тут необходимо с сожалением отметить, что по вине русскоязычных геодезистов и картографов, река Туяляс переименована на русский лад в Худолаз, хотя местные башкиры свою реку до сих пор называют по старинке *Төйәләс*.

В памятниках в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука область или страна *Ötükän*, где впоследствии поселился Тоньюкук, связывается с местами кочевий конфеде-

¹ *Караскы* называются сооружения, сложенные из камней в виде колонн, столбов или маленьких куч и горок, достигающие в высоту нескольких метров, досл. переводится как «стража».

рации *теле* или *токуз-огузов* [Потапов 1963: 290]. Племена *теле* сыграли крупную роль в истории древнетюркского каганата (VI–VIII вв.). К этим *теле* древнетюркских времен восходят алтайские роды *телеу*, *тёёлёс*. У алтайских *тёёлёс* сохранились предания, что когда-то их земли простирались до Урала [Дьяконова 2001: 113]. Недалеко от мест, где течет башкирская река *Төйгәләс* и возвышается гора *Әтүкән*, в Абзелиловском районе РБ проживают башкиры рода *телеу*, этногенетические корни которых, по мнению Р.Г. Кузеева, так же как и у алтайских *телеу* и *тёёлёс*, связаны с древнетюркским каганатом и *теле* [Кузеев 1974: 266, 267].

Другая гора, находящаяся рядом с *Әтүкән*, носит название «*Камаган*». Это название напоминает нам наименование «Капаган» древнетюркских орхонских надписей. Чуть дальше от этих гор, но уже на западном склоне горы Ирандек находится местность *Туба* и населенный пункт с тем же названием. Местные башкиры название *Туба* произносят как *Дуба*. Этот башкирский термин *Туба (Дуба)* идентичен, как нам кажется, этнониму «*туба*» («*дубо*») – самоназванию народа, жившего в Восточных Саянах [Потапов 1957б; Вайнштейн 1970: 218–222]. Через населенный пункт *Туба (Дуба)* в Башкирии протекает река *Сапсал*, название которой является фонетическим вариантом топонима *Шапшал* на Алтае: *Шапшал (Чашал, Шыпшаа, Тендишели)* – хребет, система *Челушмана*, а также кирг. соответствие *шапшаал* кокту ‘непроходимый горный овраг’; см. также *Шапшаал-Даба (Чаптал-даба)* – гора, хребет, система *Сайлюгена*, букв. ‘непроходимый горный перевал’ от монг. *даваа(н)* ‘горный перевал’ [Молчанова 1979: 348]. Здесь же рядом течет небольшая река *Саксай*, имеющая свою тезку на Алтае *Саксабай (Сакса-бай – З.А.)* – река, правый приток *Катуни*, а также населенный пункт *Усть-Коксинского района* [Молчанова 1979: 281]. Чуть южнее, там же у подножия горы *Ирандык*, находится башкирский аул *Мрас (башк. Мрәс)*.

Одна из южных вершин горного хребта *Ирандек* носит название «*Байкара*», где у маленькой речушки с тем же названием в 30–50-е гг. XX в. добывали золото. Как известно, одно из родовых подразделений тувинцев также носит название «*байхара*» [Дулов 1951: 64]. Чуть южнее от горы *Байкара* на территории нынешнего *Хайбуллинского района РБ* течет река *Тулыбай (Тулы-бай – З.А.)*, первая часть названия которой напоминает название реки *Тола*, отмеченной в древнетюркских надписях рядом с *Ötükän*. Название «*Баймак*», который носит город и одновременно районный центр Республики Башкортостан, где зафиксированы все вышеперечисленные природные объекты (*Әтүкән, Төйгәләс, Камаган, Түбә/Дүбә, Байкара, Сапсал, Саксай, Мрас*), имеется также в далекой от Южного Урала *Туве*. Рядом же параллельно к хребту *Ирандек*, восточнее течет река *Урал*, которая до пугачевского восстания называлась *Яйык*, и башкиры до сих пор эту реку так и называют. Известно, что одно из главных божеств тюрков *Саяно-Алтая* имеет идентичное название – *Яйык*.

Специалистами-топонимистами давно замечено, что народ, переселяясь на новое место, уносит с собой и старые, привычные названия местностей и дает их природным объектам уже на новой родине. Поэтому, вполне можно предположить, что топонимы башкирского Зауралья *Әтүкән, Камаган, Төйгәләс, Түбә (Дүбә), Мрәс, Байкара, Тулы-бай, Баймак, Яйык, Саксай, Сапсал* являются свиде-

телями былых связей между древнетюркскими племенами Центральной Азии и предками башкир.

Мы не можем достоверно утверждать, считали ли предки зауральских башкир свою гору *Этукан* священной. Для этого у нас пока нет достаточно данных. Некоторым указанием на священность горы Этюкан (*Этукан*) и связь ее с культом гор может служить *караскы*, сооруженный на ее вершине. *Караскы* является глухим отголоском доисламского культа гор у тюркоязычных предков башкир. В башкирском Зауралье до наших дней он сохранился в виде реликта как один из способов сакрализации освоенного человеком пространства. Со слов информаторов, такие сооружения в настоящее время складывают пастухи. Сами же пастухи, сооружающие *караскы*, не смогли объяснить их предназначение, ссылаясь на традицию – так делали до них старики. Опрос русских местных жителей, проживающих среди башкир, показал, что *караскы* делаются только башкирами. Тщательный опрос чуть ли не всех взрослых жителей близлежащих к *караскы* башкирских аулов позволил нам установить, что *караскы* сооружались только духам гор и Земли-воды (*тау һәм ер-һыу эйәләренә*) и только на своей территории. Как сообщила информатор М. Баймухаметова из д. Баиш Баймакского района РБ, раньше *караскы* складывали не только пастухи, но и *дивана* (юродивые бродячие дервиши – З.А.), которые объясняли это тем, что каждая местность имеет своих духов-владык (башк. *эйәләр*), которым требуется возведение таких каменных сооружений. Она слышала все это еще в юности, до Великой Отечественной войны от *диваналар*, которых раньше до войны у них в округе было очень много, которые возводили сами, требовали и от других возведения таких *караскы*. Другой информатор С.С. Хайбуллин, 1923 г. р., башкир рода бурзян из аула Татлыбай, этого же района, сообщил то же самое, добавив, что раньше до Великой Отечественной войны старики каждый год весной поднимались на вершину гор, где стояли *караскы* и совершали жертвоприношение: резали барашков, читали молитвы из Корана. Этот же информатор пояснил, что каждая местность имеет своего *эйә* ‘хозяина-владыку’. *Караскы*, сооружаемые на вершинах гор башкирами, видимо, семантически близки с воздвигаемыми алтайцами *каракишы* – сооруженными из камней знаками, которыми они отмечали свои родовые земли и пастбища [Полосьмак 1994: 14]. Таким образом, башкирское *караскы* и алтайское *каракишы* идентичны по своему функциональному назначению, а сами названия созвучны. Перемещение звуков [с] и [к] местами можно объяснить метатезой: такая закономерность весьма характерна для башкирского языка, в особенности его диалектов, например, *азбар* / *абзар* (‘сарай’), *тукта* / *тутка* (‘стой’) и т. п. В современном литературном башкирском языке слово *караскы* в первоначальном значении ‘стража’ уже не применяется, а используется только в значении ‘чучело, пугало’, которые ставят в огородах и садах для отпугивания птиц от грядок. Этимология слова *караскы* восходит к слову *карау* ‘смотреть, наблюдать, охранять’. В этом значении данное слово в варианте *каракишы* бытует и у соседей башкир – в казахском, каракалпакском и в других тюркских языках, где оно означает ‘стража, стражник’. Поэтому с полным основанием можно сказать, что башкиры, воздвигая на вершинах гор *караскы*, посвященные духам их родовых местностей, и совершая вблизи них жертвоприношения, надеялись получить от

них покровительство в виде надежной охраны своей родовой территории. С этой же целью у монголов, бурят и тувинцев использовались *обо*. По этому поводу специалист по монгольским народам Н.Л. Жуковская пишет, что *обо* сооружались из камней в виде кучи, колонн, столбов на перевалах, вершинах гор с целью заручиться сакральной поддержкой того сонма духов, которым была подведомственна территория данного человеческого коллектива [Жуковская 1986: 128]. Аналогичный способ сакрализации пространства путем воздвижения каменных сооружений, повторяющих по форме монгольский *обо*, алтайский *каракишы* или башкирский *караскы*, зафиксирован в Средней Азии, у этнически близких башкирам тюркоязычных каракалпаков [Есбергенов 1984: 362–366; Лобачева 2004: 129]. Здесь можно высказать предположение, что *караскы* функционально близки четырем батырам из башкирского эпоса «Урал батыр» – Яйык, Нугуш, Идель, Сакмар, которые, подобно древнеиндийским локапалам, защищали башкирскую землю по четырем сторонам света. Как повествуется в эпосе, этих четырех братьев их отец Урал посылает помогать людям и защищать их от враждебных сил, и эти батыры становятся «владыками» / *эйәләр* (от *эйә* ‘владыка, хозяин’ – З.А.) четырех сторон света [Аминев 2005].

В записанной Л.П. Потаповым у тувинцев легенде говорится, что местные жители при молениях свою гору *үтүҗен* называли «отцом» [Потапов 1957а: 112]. Как было сказано выше, в башкирской легенде про гору *Әтүкән* девушка, бросившаяся с вершины этой горы, также крикнула «Отец, Батюшка!». Очень даже возможно, что таким образом она обращалась не конкретно к своему отцу, а к духу священной горы.

Разбирая весь комплекс выявленных им материалов в Саяно-Алтае и Туве, связанных с *Ötükän*, Л.П. Потапов пришел к выводу, что «значение этого материала для этнической истории тувинцев очень велико» [Потапов 1959: 115] и что это является серьезным основанием для того, чтобы не только утверждать этногенетическую связь современного населения Тувы с древними тюрками, но и определить на современной географической карте ряд древнетюркских собственных географических названий [Потапов 1963: 289–291]. Точно так же вышеперечисленные материалы по башкирам с большой долей вероятности указывают на участие некоторых древнетюркских племен в этногенезе башкирского народа, от которых и остался в наследство топоним *Утаган* (*Үтәгән*).

Данная проблема требует своего дальнейшего исследования. Мы не можем с точностью утверждать, что обнаруженная в башкирском Зауралье гора *Әтүкән* и есть тот самый священный горный массив *Ötükän* древних тюрков, которому они поклонялись. В то же время весь рассмотренный нами комплекс топонимов и сохранившийся культ горы в виде *караскы*, а также обнаруженные соответствующие им параллели в Саяно-Алтайском крае дают нам основания говорить об очень древних связях между населением Южного Урала и Саяно-Алтая.

Литература

- Аминев 2005 – Аминев З.Г. Космогонические воззрения древних башкир. – Уфа: Башлингвоцентр, 2005. – 140 с. {Z.G. Aminev. Cosmogonic views of ancient Bashkirs. – Ufa: Bashkir Linguocenter, 2005. – 140 pp.}

- Вайнштейн 1970 – *Вайнштейн С.И.* Этноним Тува // Этнонимы. Сборник статей. – М.: Наука, 1970. – С. 218–222. {*S.I. Weinstein.* Ethnonym «Tuva» // Ethnonyms. Collection of articles. – Moscow: Nauka, 1970. – PP. 218–222.}
- Владимирцов 1929 – *Владимирцов Б.Я.* По поводу древнетюркского Ötüken üjš // Доклады Академии наук СССР. Серия «В». – № 7. – Л., 1929. – С. 133–135. {*B.Ya. Vladimirtsov.* Concerning the ancient Turkic Ötüken jış // Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Series «V». – No. 7. – Leningrad, 1929. – PP. 133–135.}
- Владимирцов 2005 – *Владимирцов Б.Я.* Работы по монгольскому языкознанию. – М.: Вост. лит., 2005. – 950 с. {*B.Ya. Vladimirtsov.* Works on Mongolistics. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. – 950 pp.}
- Дулов 1951 – *Дулов В.И.* Пережитки общинно-родового строя у тувинцев в XIX – начале XX вв. // Советская этнография. – 1951. – № 4. – С. 57–76. {*V.I. Dulov.* Remnants of the communal-clan system among Tuvans in the 19th–early 20th centuries // Soviet ethnography. – 1951. – No. 4. – PP. 57–76.}
- Дьяконова 2001 – *Дьяконова В.П.* Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск: Юч-Сумер, 2001. – 221 с. {*V.P. Diyakonova.* Altaians (materials on the ethnography of Telengits of Gorny Altai). – Gorno-Altaysk: Yuch-Sumer, 2001. – 221 pp.}
- Есбергенов 1984 – *Есбергенов Х.* «Обо» в Каракалпакии и их этнографические параллели // Фольклор, литература и история Востока. – Ташкент: Фан, 1984. – С. 362–366. {*Kh. Yesbergenov.* «Obο» in Karakalpakstan and their ethnographic parallels // Folklore, literature and history of the East. – Tashkent: Fan, 1984. – PP. 362–366.}
- Жуковская 1986 – *Жуковская Н.Л.* Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. – М.: Гл. ред. Восточ. лит., 1986. – С. 118–134. {*N.L. Zhukovskaya.* Space and time in the worldview of Mongols // Myths, cults, rituals of the peoples of foreign Asia. – Moscow.: Ch. ed. East. Lit., 1986. – PP. 118–134.}
- Кузеев 1974 – *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974. – 576 с. {*R.G. Kuzeyev.* Origin of Bashkir people. – Moscow: Nauka, 1974. – 576 pp.}
- Лобачева 2004 – *Лобачева Н.П.* Этнографический экскурс из экспедиционного прошлого // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2002. – М.: Наука, 2004. – С. 128–132. {*N.P. Lobacheva.* Ethnographic excursion from the expeditionary past // Field research of the Institute of Ethnology and Anthropology. 2002. – Moscow: Nauka, 2004. – PP. 128–132.}
- Молчанова 1979 – *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. – 397 с. {*O.T. Molchanova.* Toponymic dictionary of Gorny Altai. – Gorno-Altai Department of Altai Book Publishing House, 1979. – 397 pp.}
- Полосьмак 1994 – *Полосьмак Н.В.* «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1994. – 127 с. {*N.V. Polos'mak.* «Vultures guarding gold» (Ak-Alakhin burial mounds). – Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1994. – 127 pp.}
- Потапов 1957а – *Потапов Л.П.* Новые данные о древнетюркском Ötükan // Советское востоковедение. – 1957. – № 1. – С. 106–117. {*L.P. Potapov.* New data on the ancient Turkic Ötükan // Soviet Oriental Studies. – 1957. – No. 1. – PP. 106–117.}
- Потапов 1957б – *Потапов Л.П.* Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1957. – 308 с. {*L.P. Potapov.* Origin and formation of the Khakass people. – Abakan: Khakass Book Publishing House, 1957. – 308 pp.}
- Потапов 1959 – *Потапов Л.П.* Некоторые итоги работ Тувинской экспедиции // Советская этнография. 1959. № 5. С. 109–122. {*L.P. Potapov.* Some results of the work of the Tuva expedition // Soviet Ethnography. – 1959. – No. 5. – PP. 109–122.}
- Потапов 1963 – *Потапов Л.П.* О народе Бёклийской степи // Тюркологические исследования. – М.–Л., 1963. – С. 289–291. {*L.P. Potapov.* About the people of the Bökli steppe // Turkological studies. – Moscow–Leningrad, 1963. – PP. 289–291.}
- Словарь 1980 – *Словарь топонимов Башкирской АССР.* – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. – 200 с. {*Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR.* – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1980. – 200 pp.}

BASHKIR TOPONYMS «UTAGAN» AND THEIR RELATION TO THE SACRED MOUNTAIN OF ANCIENT TURKS ÖTÜKÄN*Z.G. Aminev**Ufa*

Summary: The article examines the question of the probability of the origin of the Bashkir toponyms «Utagan» from the name of the sacred mountain of the ancient Turks Ötükän. The hypothesis is put forward that the named toponyms are associated with the pre-Islamic beliefs of the Turkic-speaking tribes that were part of the emerging ancient Bashkir ethnos. The author notes that the «Utagan» toponyms are found on the territory of the settlement of the Tabyn tribal association, the origin of which is associated with the ancient Uighurs. The complex of ethnographic materials considered by the author allows us to make a conclusion about the ancient connection between the population of the Southern Urals and the Altai-Sayan region.

Key words: toponyms, Tabyn tribal association, ancient Uighurs/Uyghurs, Karasky/qarasqy, ancient Turkic inscriptions, Yayik (deity), cult/worship of mountains.

Aminev Zakiriyän Galimiyanovich – PhD Candidate, senior researcher of Institute for History, Language and Literature, Ufa scientific centre, Russian Academy of Sciences. E-mail: zakirjan_g@mail.ru

ИЗ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

М.Д. Каракетов

г. Москва

Резюме: В статье рассматриваются названия дней недели и месяцев, ряд религиозных терминов карачаевцев и балкарцев, а также связанные с ними приметы, обряды и поверья. В основу календаря карачаево-балкарского народа положены их восприятие и мироощущение, многовековые наблюдения за положением светил (солнца, луны, звезд) и счисление по ним времени, отражение идеи времени в мифологии и религии.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, ономастика, христианство, календарная обрядность, месяц, неделя, народные приметы.

Календарь карачаевцев и балкарцев, как и других народов мира, явление сложное, включающее в себя не только накопленные знания о природе, но и разнообразные пласты, которые наслоились в ходе развития их обрядово-культурной жизни и этнической истории.

В статье рассматриваются источники формирования распространенного и ныне календаря карачаево-балкарского народа, где отражены его мировосприятие и мироощущение, многовековые наблюдения за положением светил (солнца, луны, звезд) и счисление по ним времени, а также характеристики циклического и фенологического календарей, имевших место на различных стадиях социально-экономического развития общности и важных с точки зрения жизнеобеспечения людей в сезонное время.

Хотя карачаево-балкарский календарь был объектом изучения многих исследователей, но до сих пор остаются вопросы по происхождению и реконструкции ряда названий месяцев и дней недели, а также сопровождающих их обрядов. Следует отметить, что если названия дней недели в обществах (баксанском, бензегиевском, дуутском, картджуртском, учкуланском, холамском, хурзукском, чегемском, малкарском) карачаево-балкарского народа звучат одинаково, то часть месяцев различаются как по названию, так и по их характеристике.

1. Названия дней недели

Карачаево-балкарская неделя *ыйыкъ*, по имеющимся данным, с давнего времени была семидневной. Такое устройство недели, восходящее, скорее всего,

Каракетов Мурат Джатдаевич – доктор исторических наук, профессор; e-mail: mdkaraketov@yandex.ru.

к христианству, отразилось и в его характеристике – *дждети кюнлюк* букв. ‘семи-дневный’, ср. древнерусский термин *седмица*.

1.1. Первый день недели называли *баш кюн* букв. ‘головной начальный день’ (понедельник). Согласно представлениям, в этот день *открываются врата семи небосводов – дждети кёкню эшиклер и ачылган кюн* (‘день открытия дверей семи небес’). Также считали его благоприятным для начала работы, кроме шитья или ткачества, но полагали, что, как правило, в этот день волки нападают на скот [КБФ: 418].

1.2. Второй день *Гюрге-/Геурге-кюн* – Гюрге/Геурге (вторник). Название возводится исследователями к имени св. Георгия Победоносца. В этот день не рекомендовали собираться в путь, он будет неблагоприятным (*джолгъа чыкъмаз кюн* букв. ‘в дорогу не выхода день’), или нельзя было начинать работу (*иш башламаз кюн* букв. ‘работы не начинания день’), в том числе начинать строительство дома, посадки деревьев, поскольку Гюрге-кюн считали «жадным» на все начинания [КБФ: 418]. Также говорили: «*Гюрге кюн тонгуз да силкинмейди джылан да тешигинден чыкъмайды*» букв. ‘В Гюрге день даже свинья не встрепенется, и змея из своей норы не выползет’. Этот день почитали особо, считая, что «*Гюрге кече аушханлагъа, ёлгенлеге ол дуньяда соруу джокъ*» букв. ‘В вечер на день Гюрге с перешедших [в иной мир], умерших на том свете спроса [суда] нет’ или «*Гюрге кече аушханланы джанлары ыстырыуну сыйлы джолларына тюбейдиле*» букв. ‘В Гюрге день ушедших души потустороннего мира (*ыстырыу*) святые дороги встречают’.

Последние поверья, так же как приметы о неблагоприятном исходе в случае, если человек собирается в путь в этот день, скорее всего, восходят к византийской традиции, согласно иконографии которой св. Георгий изображался стоящим с отрубленной головой в руках [Мифологический словарь 1991: 146]. Мотив смерти и оживания, связанный с данным образом, вероятно и отразился в поверьях карачаевцев и балкарцев. Этому могло способствовать не только распространение религиозной литературы на греческом языке среди карачаевцев и балкарцев [Джуртубаев 1991: 176], но и существование поддерживавшего подобные представления религиозного института.

1.3. Третий день – *Барас/Бараз кюн* (среда), название этого дня возводимо к имени Великомученицы Параскевы (Пятницы). В среду *ийнеге халы сууругъа ырысламыш этмек гына кюн* букв. ‘вдевания в иглу запрет делания малый день’, а саму Барас почитали, как покровительницу шитья и исцеления. В ряде паремий отражена связь Барас-кюн с Байрым-кюн (пятницей): «*Байрым кюн бла Барас кюн кийим бичмезликде эгечлик тутадыла*» ‘День Байрым и день Барас в запрете на шитье как сестры держатся’; «*Барас кюн Байрым кюнню этегинден тутуучанды*» ‘Барас кюн держится за подол одежды Байрым кюн (показывает, что младше Байрым кюн)’.

Согласно приметам, дабы не впасть в немилость Бараз-кызы, следовало остерегаться иглы: «*Бараз кюн ийнени кёолунга алсанг Бараз-кызын чакъырырсан, Бараз кызын чакъырсанга адам ачыр*» ‘Если в день Бараз возьмешь в руку иглу, то Деву Бараз призовешь, а если Деву Бараз призовешь, то человек пострадает’.

В среду девушкам запрещалось выходить на улицу, чтобы не заболеть, также необходимо было в доме спрятать или убрать из видного места все иглы, пряжу,

наперстки. В этот день девушки просили бога, чтобы все больные выздоровели, а здоровые не заболели. Кроме запрета на шитье в этот день не приветствовалось «переносить» кош, зимовник из одного места в другое, также считали нерадостным, когда в новолуние в среду родился ребенок [КБФ: 418–419]. Обозначение среды именем Параскевы (Пятницы) у карачаевцев и балкарцев возможно относится к дню Параскевы Великого поста.

Приметы о запрете на шитье в среду напоминают аналогичные христианские поверья других народов, в частности славян [Чичеров 1957: 59].

1.4. Четвертый день *Орта кюн* – срединный день (четверг). О нем говорили: «*Байрым кюн кече Ыйых кюннге джол ачылады*» ‘В вечер с четверга на пятницу к воскресенью открывается путь’. При этом в этот день полагалось *аўхарис-джаўхарис этмек* букв. ‘делание аўхарис-джаухарис’ (см. Примечание 8), во время которого помогали искупаться старикам, больным, собирались вечером на коллективные молитвы. Термин *аўхарис-джаухарис* для информанта не понятен, кроме указания, что так называли обряд. В вечер с четверга на пятницу (*Байрым кюн кече*) старались устраивать свадьбы.

1.5. Пятый день *Байрым кюн* (пятница), название которого связывают с именем Богородицы Марии, относили к тяжелым – *къыйын кюн*, запрещались увеселительные мероприятия. В *Байрам кюн* (пятницу) нельзя было заниматься шитьем, как и в *Барас кюн* (среду) [КБФ: 419]. Запрет на указанное занятие в *Байрым кюн*, как и в среду *Барас кюн*, определение этих дней названными сестрами, позволяет возвести данное понимание, а также караимские, крымчакские и адыгские обозначения среды – Малой Параскевы день, а пятницы – Большой Параскевы день или день Параскевы, к христианскому источнику.

О нем говорили: «*Байрым кюн Байрым бийчени джюрюгенинден джер джыйырылган этеди*» букв. ‘В день Байрым от княгини Байрым ходьбы земля съезживается [страдает]’.

Согласно приметам, в этот день нельзя было заниматься полевыми работами, так как считали, что пользы от такой работы никакой, или съешь пищу из неприкрытой посуды, то дом начинает «плескаться», т. е. может остаться пустым. Скорее всего, накрывание посуды с поминальной пищей и напитками напоминает христианские поминки. К поминальной обрядности можно отнести также следующее предание: «В Карачае в прошлом в начале весны в день *Байрым кюн* ходили молиться в *Дом Байрым*. В этот день резали скотину, их жир бросали в огонь, считая, что поскольку могилы нартов охраняют сорок ангелов, то запах от горящего жира становится для них пищей» [КБФ: 55]. Домом Байрым карачаевцы называют Шоанинский храм X–XI вв.

С принятием ислама иногда используется другое название пятницы – *джума кюн* с уточнением, что это праздник для мусульман *байрам кюн*.

1.6. Шестой день *Шабат кюн* (суббота). Данному дню посвящены следующие приметы: *хар адамны ичкерисине джыйыгучанды шабат кюн* букв. ‘каждого человека внутрь дома загоняющий шабата день’; *ишни адамладан къызгъанган шабат-кюн* букв. ‘работу по отношению людей жадничающий день шабата’ [Каракетов 1995: 77]; *Чоппа той-оюн боллугъун билдирмек кюн* букв. ‘день вести о начале праздника Чоппа’ (см. ниже); *кийим бичмезлик кюн* ‘день, когда нельзя за-

ниматься кроем одежд'; *ши башламаз кюн* 'день, когда нельзя начинать работу' (1)¹ [о других приметах см.: КБФ: 419].

По словам одного из лучших знатоков обрядово-культурной жизни карачаевцев и балкарцев Абуллаха Адильгериевича Кипкеева (1900 г. р., с. Маруха, Карачаево-Черкесская Республика): «*Сыйлы шабат кюн ыйых кюнню кечесине айланса керти дуниягъа Аллахны ахлусу асыралгъан джерини мамукъдан болсун, деб, биз ангыламагъан сёзле къошуб, тилекле тилегендиле: "Къамта Аууыз, Къамта Лезирме, Къамта Дырел..."*» 'Святого Шабата переход в вечер Воскресенья молились с непонятными словами: "*Къамта Аууыз, Къамта Лезирме, Къамта Дырел...*". В связи с упоминанием Святой Субботы и *асыралгъан джер* 'места погребения' можно предположить, что в рассказе говорится о страстной седмице.

1.7. Седьмой день *Ыйых-кюн* – Святой день (воскресение). Другое его название *Тейри кюн* 'Божий день'. Считалось, что *Тейри эшик ачылыучанды Ыйых кюн* 'День, когда открываются Божьи двери [врата]'. Иногда дети в воскресенье состязались в мастерстве: *Ыйых кюн Чыйрыхчы-оюн ойнау* букв. 'Ыйых день в Чыйрыхчы-игру состязание'. При этом шло как бы отделение одной возрастной группы от другой (*бир биринден айырыу* 'друг от друга отделение').

Ыйых кюн нередко называют *базар кюн* 'базарный день'.

Наряду с приведенными названиями дней недели существует и другая система счисления. Например, Ахтауова Байдымат Алиевна (1904 г. р., аул Учкулан) вместе с Гебеновой Мамурхан Эльбуздуковной (1906 г. р., аул Учкулан) во время научной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1990 г. сообщали причитания 151-летней (возраст определен информантами) Гитче-амма (3), в которых приводится ныне не существующее счисление дней недели:

келуученди биринчи шабат 'приходящий первый шабат';

аны ызындан, асхай бара экинчи шабат 'за ним, прихрамывая, идущий второй шабат';

мингин къылды ючюнчю шабат 'мингин (?) молился третий шабат';

шабатлыкъны тутуучанды бурул шабат 'гнев держащий буланый шабат';

джайузладан аўуз джабхан, шабаты тутхан бэлляча шабат барас шабат 'от джайузов рот закрывающий (постящийся?), шабата держащий колыбельный (белляча) шабат барас-шабат (по разъяснению информантов – день поста)';

джаўумлагъа кюч беруучю уллу шабат 'дождям силу дающий большой шабат';

чарх одайы Тейри шабат бир шабат – 'колесное (букв. колесное [беспорядочное, хаотическое, бесконечное, с *чарх одайы* близок другой термин *чарх заман* букв. 'колеса время', т. е. время хаоса]) время Божий шабат, единый шабат'.

Данные названия сопровождаются словами: «*Кёб джашадым, кёб да кёрдюм, алай а джашаум бир эшикден кириб бир эшикден чыкъгъанча кёрюндю*» 'Много я жила, многое повидала, но вся жизнь моя показалась как будто я в одну дверь вошла, а из другой вышла', т. е. *сколько не живи, а пожить еще хочется*.

Безусловно, существуют и другие характеристики дней недели, но в данном случае приведены представления балкарцев и карачаевцев, указывающие, хотя и

¹ Цифры в скобках указывают номер примечания, список которых приводится в конце статьи.

непрямо, но на *христианские*, в основном *греко-византийские* истоки происхождения их названий как по семантике, так и отчасти по звучанию.

Они же имеют много общего с адыгскими, грузинскими, караимскими, крымчакскими, осетинскими, чувашскими названиями (3) и, скорее всего, восходят к периоду христианизации их предков со стороны Византии.

К такому выводу можно прийти при анализе не только раннехристианских преданий, отразившихся в характеристике балкарцами и карачаевцами дней недели, но и адаптированных библейских, в том числе ветхозаветных сюжетов, ярко проявляющихся как в фольклоре, так и обрядово-культурной жизни карачаевцев и балкарцев (4).

2. Названия месяцев

Христианское наследие отразилось также и в названиях месяцев (5), которые в различных обществах Балкарии и Карачая имели некоторые особенности, скорее всего вызванные наибольшим почитанием христианских святых в одних и меньшим в других обществах, или, возможно, мы имеем дело с диалектными обозначениями христианских праздников, Пасхи и поста, что, в свою очередь, затрудняет в точности определить, какие их именованья относились к названиям месяцев, а какие были связаны с их характеристиками.

К сожалению, редко кто из живущих карачаевцев и балкарцев знает иные названия месяцев, кроме принятых в современном обществе. Подобная ситуация сказывается и на их счислении, отражается и на их количестве.

2.1. Год у карачаевцев и балкарцев начинал месяц *башил ай*, который, как и в юлианском календаре, соответствует 22 декабря – 22 января и относим к имени св. Василия, дню поминовения, который падал на начало Нового года в Васильев вечер 31 декабря и в Васильев день 1 января. В честь него выпекались праздничные ритуальные пироги в форме полумесяца *башила/басила бёрекле* [Шаманов 1989: 26].

2.2. – 2.3. Интересны и последующие после *башил ай* карачаевские названия двух месяцев – *аууэзну-ал-айы* (начальная [часть] месяца *аууэз* – вторая четверть января – начало февраля) и *аууэзну-арт-айы* (конечная [часть] месяца *аууэз* – февраль–март). Возведение названия указанного месяца к тюркскому слову *аууэз* ‘рот’ [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 458] требует уточнения.

Многие христианские религиозные термины подверглись смысловой адаптации и процессу перевода их на карачаево-балкарский язык, что очевидно по названиям начала поста *аууэз-джабылгъан* букв. ‘закрыть рот’ – заговенье и его конца *аууэз-ачхан* букв. ‘открыть рот’ – разговение. С принятием ислама они были заменены терминами *ораза джабылгъан* и *ораза ачылгъан* соответственно. Следует отметить, что подобная характеристика поста восходит к христианству, поскольку простое замещение *аууэз* на *ораза* дает не совсем корректный перевод (букв. ‘воздержания закрытие и воздержания открытие’), что говорит о не до конца адаптированной форме (в данном случае заимствованных из персидского) мусульманских терминов.

Аууэзну-ал-айы, судя по сохранившимся приметам и некоторым обрядам, заканчивается приготовлением к празднованию весны, а с завершением указанного

месяца *аууузну-арт-айы* наступает полноценный новый год в марте [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 460]. Данные обозначения были связаны с Великим постом, и в этом аспекте их следует понимать как карачаизированную форму греческого термина *ἅγιος* ‘святой’. На это косвенно указывают и другие названия этих месяцев: *сыйлы аууузну айлары* ‘почитаемого святого месяца’ или *сыйлы аууузну кыыш чилле кюнлери* ‘почитаемого святого морозные дни’, т. е. зимние святочные дни. За месяц до *Аууузну-арт-айы* незадолго до наступления марта в воскресенье распевали песни: *Чоппа, Чоппа Аууузай Хырыса Хан Хырыса, Хырыса бийчеге тюбе Хырыса, Аууузай Хырыса Хан Хырыса* (примерный букв. пер. ‘Чоппа, Чоппа Аууузай Хырыса Господин Хырыса, с княжной Хырыса встречайся, Аууузай Хырыса Господин Хырыса’). Смысл песни утерян, но, судя по всему, мы имеем дело с молитвой, обращенной к святому Хырыса. По окончании песнопений угощали друг друга пирогами, приговаривая «*Аууз ачылырыны аллында келген ыйых кюн кечмек этдириученди*» букв. ‘Рга открывающего идущее воскресенье заставляет прощать’. Скорее всего, балкарские калядки «Озай» [КБФ: 87–88] также связаны с *Аууузай*.

Карачаевские названия *аууузну-ал-айы* и *аууузну-арт-айы* в Балкарии замещали на *Байрым айы* и *Тотурну ал айы* ‘Первый месяц Тотура’ (6). Последнее балкарское название, согласно В.Ф. Миллеру, представляет собой христианский культ Феодора Тирона (Тирского). Правда, в Карачае говорили «*Аууузну-ал-айы Байрым бийчени сыйлысын кёрмек, Чоппа той-оюнларына оноу этмек айды*» ‘Начальный Месяц Ауууза – это время, когда отдавали дань Госпоже Байрым и готовились к празднованию Чоппа’. Подобное понимание (связь *ауууз* и *Байрым*) не оставляет сомнений, что *ауууз* – это греч. *ἅγιος* ‘святой’.

Следует добавить, что в месяц *аууузну-арт-айы* с наступлением весеннего равноденствия проводили торжества *лийсан-джауум чакъырыу* букв. ‘лийсан дождь вызывание’ с молитвенным обращением к Богу, Тейри: «*Тейри, кюнню анасына тюбештир*» букв. ‘Тейри (Бог) [дай возможность] солнцу с матерью встретиться’.

2.4. Следующий, четвертый по счету месяц карачаевцы называют *Байрым айы* (редко *Байрыче ай*), который возводим к имени Богородицы. В этот месяц, который падал на конец марта-апрель, красили яйца, называя их *Къуанч гаккы – Байрым-гаккы* букв. ‘Яйцо радости – яйцо Байрым’. Яйца понимались как весть о грядущем «рождении» новой жизни, весны или *джыл къайытхан заман* ‘возврата (здесь. возврата начала) года время’. *Байрым гаккы*, к примеру, разбивали о мост перед переносом по нему княжны служанками на плечах. Кроме того, при болезни лошади также об ее ноги разбивали яйцо с аналогичным названием и мыли ноги и части тела специальным соленым раствором.

С *Байрым* были связаны поверья и приметы, а также обряды детского цикла. Например, если у ребенка в колыбели появлялась привычка сосать пальцы, то старшие говорили, что он «просит молока у *Байрым*» (*Байрымдан сют тилейди*). Когда младенец засыпал на груди матери при кормлении его молоком, говорили, что «на груди у *Байрым* он вырастет величиной в птичку» (*Байрымны къойнунда джыбычыкъ тенгли бир ёсер*). К ней же обращались со словами «*Байрым бийче*» ‘Госпожа *Байрым*’ и «*Алан-къызы – Байрым-къыз*» ‘Аланская Дева – Дева Мария’ [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 445].

Ей посвящено немало святилищ *Байрым-таш*, и, судя по рассказам карачаевцев и балкарцев, христианских религиозных молитвенных строений (часовен, церквей), которые имелись во всех обществах Карачая и Балкарии [Шаманов 1989: 14, 17]. К культовым местам в лунную ночь доставлялись ритуальные подношения Байрым – пища (хлеб, масло, яйца и др.). Наряду с такими дарами, возносились молитвы «за счастье новорожденного» [Иваненков 1912: 29–39]. Карачаевцы в пятницу в «день Марии» (*Байрым кюн*) водили молодуху в общинное святилище, носящее ее имя.

2.5. Пятый месяц назывался у карачаевцев *Луккул/Никкол/Мыккол ай*, а у балкарцев *Никкол ай*. Названия говорят сами за себя. Правда, *Луккул ай* падал и на конец пятого месяца, а *Никкол ай* на его первую половину: «*Луккул джар деученд, Никкол кьрау беруученд*» ‘Луккул джар (?) говорит, а Никкол иней дает’ (7). Ряд авторов *Луккул* возводят к карачаево-балкарскому термину *луккур* ‘колеснообразная часть сохи’, поскольку этот месяц имел аналогичное название. В то же время в силу того, что в мае христиане поминают Луку (евангелиста), то, скорее всего, связь *Луккул* с термином *луккур* следует считать преждевременной, и в этом аспекте данное совпадение можно отнести к простому созвучию, тем более, что полевые работы в Карачае и Балкарии начинались в марте–апреле.

2.6. Следующий месяц, который охватывал часть мая и часть июня, называли чаще *Хычабан ай*, *Хычаман ай*, реже *Хычауман айы* или *Шырлы ай* [Каракетов 1995: 77].

2.7. С наступлением летнего солнцестояния (*джай кюн кьайытхан*), 21–22 июня, связывали ‘открытие двери (врат) Тейри’ (*Тейри эшиги ачылыу*). С этого дня начинается седьмой месяц, который считался периодом дождей и гроз (*бузачар кёзюу* ‘период бузачар’). У карачаевцев он называется *Элия ургъан ай* букв. ‘месяц удара Элии’ (название возводимо к ветхозаветному пророку Илие) или, по фиксации Р.Т. Хатуева и И.М. Шаманова, *Элия ай* [Хатуев, Шаманов], у балкарцев – *Бий-Аш-Керги ай* (св. Георгия) [Ковалевский 1880: 193].

Эпитетом месяца, который падает на июнь–июль, является *Бий-Гюргени айы* иногда у карачаевцев или, еще реже, в основном среди учкуланцев, жителей Учкуланского общества, *Ауууз-Гюрге айы*. Аналогичное название местности сохранилось около кварталов Долаевых и Байчоровых в указанном обществе – *Аууузгюргэ-гылдыран* ‘домик (скорее всего, часовня или церковь) Аууузгюргэ’.

Зафиксированное М.М. Ковалевским в 1880 г. название часовни в Чегеме *Алтын аш Герги* букв. ‘Золотой святой Герги’ или *Ашкырги* [Ковалевский 2006: 174], скорее всего, имеет общий источник с *Аууузгюргэ-гылдыран*.

2.8. Следующий месяц был привязан к солнцевороту и рассматривался как ‘возвращение солнца в объятия матери’ (*кюн анасыны кьоюнуна кьайытыу*). Именно в конце этого месяца, 17 июля, начинался сорокадневный период летнего чилле (*джай чилле*) – наиболее теплых и сухих дней года [Ёзденлени 2004: 89–90]. Его называли *Тейри эшиклери ачылыучан ай* ‘Месяц открытия Божьих врат’. Он падал на вторую половину июня и захватывал июль – начало августа. Его разбивали на две части, первую называли *Абыстолла айы / Абустолла ай* ‘Месяц Апостолов’, тогда как вторую, охватывавшую конец июля – август – *Абыстол / Абустол айы* ‘Месяц Апостола’. В связи с этими названиями вызывает интерес примета, согласно которой именем Мата (Матвей) лучше нарекать в *Абыстол*

айы, что дает основание сделать предположение о связи *Абустол* с апостолом Матфием/Матвеем, которого поминают в августе, а *Абыстолла* – с празднованием 29 июня апостолов Петра и Павла [Абаев 1957: 51] или двенадцати апостолов.

Связанные с апостолом балкарские названия месяцев *Абыстолну биринчи/ал айы* ‘Апостола первый/начальный месяц’ и *Абыстол экинчи/арт айы* ‘Апостола второй/конечный месяц’ падали на конец года.

2.9. Следующий месяц обозначает название конца лета – начала осени *Къыркъар ай*. Согласно сообщению жительниц аула Карт-Джурт Гокка Нанчыковны Карамурзиной (1892 г. р.) и Апалистан Расуловны Габиевой (1927 г. р., запись 1990 г., Институт этнографии АН СССР), в этот месяц проводился праздник, называемый *аууз джабылгъынчын Къыркъар-той этмек ай* букв. ‘до закрытия рта (до разговения) Кыркара празднества проведения месяц’, во время которого ходили с флагами, чертили на камнях кресты и прикладывали эти камни ко лбу. После окончания праздника начинали обряд с привязыванием на рога быка двух лет разноцветных ленточек, посвящая его Луккулу (*Луккулнукъу* ‘Луккула или принадлежащий Луккулу’ или *Луккулгъа аталгъан* ‘названный Луккула’), и водили его по селу. Именно в эти дни старались украшать стены, полы домов разноцветными войлочными коврами, заниматься ремеслом, а мусульмане чистили настланные на полы мечетей ковры.

Описание данного обряда позволяет сопоставить название этого месяца с именем христианского св. Квирикия, известного и гагаузам *Kirikaskör günü* ‘День святого мученика Кирика’ [Гагаузы 2011: 365], праздники с использованием предметов ярких цветов посвящались ему в июле. Да и название месяца, иногда встречающееся как *Къыркъарлада биченликге чыгъыу* ‘выход на сенокос в Кыркарах’ (букв. ‘много кыркаров’, по смыслу – великий Кыркар, так же как *Чоппалада той-оюнла* букв. ‘в Чоппах празднества’, т. е. в великий Чоппа), также приводит к подобному выводу. Кроме того, согласно сведениям информанта Д.М. Джуккаева (1886 г. р., аул Учкулан), этот месяц называли *Эсеб этиучю Къыркъар ай* ‘С думой о былом Кыркар месяц’.

2.10. Следующий месяц в Карачае был назван *Къыркъ-ауууз-ай* ‘Месяц Сорока Ауууз’. Последний день этого месяца карачаевцами и балкарцами почитался особо как время разговенья – *аууз ачхан/ачар* (букв. ‘открытие рта’, первое слово данного словосочетания после принятия ислама было вытеснено термином *ораза ачылгъан заман* букв. ‘время открытия рта’). В этот день начинались заботы (*джауъариагъа тюшмек*) по приготовлению особой постной пищи (*джёнкюне аш*), которую приносили рано утром к молитвенным местам с просьбой о том, чтобы указанные места сохраняли свою силу, идущую от небожителя, приговаривая при этом *джёнкюне аш хопайны бурнун бузар* ‘пища собаке нос разобьет’, т. е. пища эта не может быть осквернена никем.

Название *Къыркъ-ауууз-ай*, скорее всего, связано с почитанием Сорока Севастийских Великомучеников (ср. гагаузское поминовение *Kirk ayoz* ‘Сорок святых’ [Гагаузы 2011: 359]). По данным В.И. Абаева, карачаевское *Къыркъауууз ай* падает на январь [Абаев 1949: 286]. Наличие подобной фиксации может привести к выводу, что в Карачае существовали два *Къыркъ ауууз ай*. В то же время первый известен по характеристике месяца *Аууузну арт айы: Аууузну арт айы эт-дженин Къыркъ аууузну кюнлеринде табады* букв. ‘Аууузну арт айы свою родню

Кырк аууза днях находит' (8), т. е. в днях Сорока святых. Здесь следует все же говорить о поминовении Сорока мучеников, а не о названии месяца.

В карачаево-балкарской календарной обрядности встреча Нового года иногда совпадает с древнехристианской традицией и падает на март (карач. *Аууузну арт айы*). Поэтому в народе говорили, что «*Къыркъар айны ауиханы Къыркъ аууузланы чакъырыр*» 'Месяца Къыркъара окончание призывает Къыркъ аууузов', т. е. Сорока святых, грядущую после зимы весну.

Карачаевцы и балкарцы придавали цифре *сорок* большое значение, как и, например, гагаузы, связывая при этом ее с *сабан чыпчыкъ* 'полевой птичкой', т. е. жаворонком. Говорили «*къыш доуул кетди сабан чыпчыкъ келди*» букв. 'зимняя (снежная) буря ушла, жаворонок пришел'. Наступление весны отмечали в марте: готовили сорок хлебцев в форме разных фигурок, куколок, иногда с головками птиц, приговаривая при этом: «*къыркъ ауууза аууузну арт айына таянсала къыркъ хамбалятдюу эт – сабан чыпчыкъ келир, деб*» букв. 'если къырк ауузы склонятся к [месяцу] аууузну арт айы, то выпеки сорок куколок с тем, чтобы прилетел жаворонок'. Хлебцы раздавали детям, считая, что кто отведаст их, тот будет обладать невероятной силой и возвеличится в будущем до неба, указывая при этом, что «*мартха сабан чыпчыкъ дерт тутады*» 'жаворонок держит на март мечь' и скоро быть весне. В карачаево-балкарских словарях *сабан чыпчыкъ* передается на русский язык в значении «трясогузка», чему не соответствуют не только название, но и место обитания данной птицы, а также посвященные ему распевы, обряды, приметы [Малкондуев 1996: 86–87].

Причину того, что карачаевцы словом *Къыркъ ауууз* называют осенний месяц, предстоит исследовать и далее, но сравнение В.И. Абаевым его с празднованием, например, Рождества у осетин (ср. *цыппурс/цаппорса* 'праздник зимнего цикла земледельческого календаря', который возводится к числу сорок [Дзадзиев, Дзуцев, Караев 1994: 197; Абаев 1957: 323]) вряд ли продуктивно.

Карачаево-балкарский термин *ауууз/ауц/аш* (ср. осетинск. *уас*), возводимый лингвистами к индоевропейскому источнику [Абаев 1989: 26–28], мог появиться в Балкарии, Карачае и Осетии с распространением христианства и восходит к греческому источнику (ср. гагауз. *ауоз* 'святой') [Гагаузы 2011: 100]. При этом следует заметить наибольшую близость к оригиналу *ἀγιος* карач. *ауууз* с учетом частого выпадения в карач.-балк. языке согласного *з* в инлауте (ср., например, *джыйырма* 'двадцать' при общетюрк. *йыгырма*). Будучи непонятным для его носителей, он вполне распознается через календарь и календарную обрядность [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 458–459], например, по молитвам, обращенным к *Тотуру* – «*Тотур таида – Аш Тотур таида*» 'на Тотура (букв. камне) святилище – на Святого Тотура святилище' [Малкондуев 1996: 70].

2.11. В следующий по счету месяц *Къач ай* (карач.) начинались празднества, посвященные *Байрым-бийче* 'Байрым княгине, зд. богине'. Ей приносили жертвы, испрашивая у нее потомство. Собранные исследователями гимнические песни, молитвы, прославляющие ее и обращенные к ней, исполнялись в начале года и в *Къач ай*. Эти данные позволяют предположить происхождение слова *къач*, которым обозначается осень и дух (например, *джерни-къачы* 'дух земли', *ташны-къачы* 'дух камня', *юйню-къачы* 'дух дома', *сууну-къачы* 'дух воды, реки' и т. д.), от названия креста – *къач* (ср. адыгск. *къащ*, армянск. *хач*, крымско-татарск.

къач, татарск. кач, турецк. *haç*, чувашск. *хуç, хоç* и др.). К этому подвигает также факт отсутствия в других тюркских языках подобного обозначения осени.

В первый осенний месяц *Къач ай* в Карачае совершали обряд поминовения умерших (*кюрюней-чөгюм*), посещали их могилы и молились иногда всю ночь. По сообщению упомянутых информантов А.Р. Габиевой и Г.Н. Карамурзиной (аул Карт-Джурт), в этот же месяц посещали местность *Къылиан аягъы* (часть селения Карт-Джурт), где находились разрушенные каменные дома, один из которых называли *Никкол клисасы*, а другой – *Байрым клисасы*. Около *Никкол клисасы* совершались молитвы от стихийных бедствий (9). Торжества называли *Никкол той-оюн* [Хапаев 2013: 297].

В *Къач ай* завершались основные сельскохозяйственные работы. Это отмечалось празднеством *Чоппа (Чоппа-Той-Оюн)* (9). Приготовления к нему начинались в конце сентября [Шаманов 1971: 116]. Во время его завершения обращались к богу со словами «*Тейри Чоппа Хан Чоппа*» ‘Господь Чоппа, Владыка Чоппа’, то же было распространено в Балкарии [Малкондуев 1996: 104–105].

Названия осенних месяцев нередко связывали с охотой, что отражается в их эпитетах – *Апсатыны ал айы* ‘Начальная часть месяца Апсаты’ и *Апсатыны арт айы* ‘Конечная часть месяца Апсаты’, а также *Луккулну ызы тюшген ай* букв. ‘Луккула следа падения месяц’ (8).

Апсаты во многих преданиях выступает как божество – покровитель животных, особенно оленей, а также воинов и охоты, появляется перед людьми, охотниками иногда в образе оленя.

Народная «семантика» весьма близка иконографии святого Евстафия Плакиды, почитаемого в христианском мире как покровителя охотников, а также христианским преданиям, согласно которым Евстафий во время охоты встретил оленя с сияющим между рогов золотым крестом, заговорившего голосом Иисуса Христа [БЛДР 2004: 11–27].

Къач ай в Балкарии называли *Эт ыйыкъ ай* ‘месяц мясной недели’. В последнее воскресенье месяца *Къач ай* начиналось воздержание от «мясной» трапезы, в этот же день на зиму впрок заготавливали вяленое мясо, готовили колбасы. При этом в Карачае считали, что «*Аўуз джабылырыны аллында келген ыйых кюннге эт ыйыкъ айны джабхан кюн дегендиле*» букв. ‘Идущее перед закрытием рта воскресенье называли днем закрытия месяца мясной недели’. Скорее всего, данное название связано с христианской *мясопустной неделей* до Великого поста, который христиане отмечали в конце года.

Конец месяца *Къач ай* называли *Элия айны ачыу/джалауу джабылмыш кюнлери* ‘Илии месяца злобы/вреда (*джалау*) закрытия дни’. Эти дни известны также под названием *Элия айы* ‘Месяц Илии’, которое исследователи возводят к ветхозаветному пророку Илие. Его имя можно встретить в нартском эпосе [Нарты 1994: 582–584], в честь него проводились и специальные обряды [Джуртубаев 1991: 131–134; Каракетов 1995: 85–86], к нему же обращались во время грозы. На правом берегу реки Уллу-Хурзук имелось святилище *Элия-таш* [Хапаев 2013: 425].

2.12. Последний месяц, называемый также карачаевцами *Эндреуюк ай*, возводим к имени Апостола Андрея Первозванного. Первые девять дней декабря назывались *Эндреигни аман кюнлери* ‘Эндреига ненастные дни’ или *Эндреигни джибиулери* ‘Эндреига мокроты’, а затем наступали дни *токълу тоймаз тогъуз*

кюнле ‘девять ненастных для барашков дней’ (с 10 по 18 декабря). Среди жителей Учкуланского общества Карачая иногда можно зафиксировать иное звучание этого названия – *Эндирейилле айы* и объяснение – *джыл Эндирейилледе аушады/къайтады* ‘год сходит в Эндирейил’, *Эндрейилни кьоргъазин кюнлерини къачы* ‘Эндрейила солнцестояния дней дух’ (7).

В завершении следует отметить, что христианская терминология охватывает не только карачаево-балкарский календарь, но и иные пласты лексики языка: *гаухамла/хаугамла/хоугамла* ‘жрец’ (ср. ивр. *хаханим* ‘кантор’) [ср. по: Хапаев 2013: 283, 285], карачаевское диалектное *шекел[ь]* ‘образ, вид’, *шекелли* ‘образный’ [ТСКБЯ 2005: 982], допускаемое ивр. *шекель* ‘мера веса золота и серебра’, *бабас* и *къарт-бабас* ‘священник’ (греч. *папас* ‘священник, поп’), *клица* ‘церковь’ (греч. *эклесийа*), *сынты клицасы/сынты* ‘синодальный храм’ (греч. *синодос*, ср. гагаузск. *синтэ*, а также название возвышенности, храмовой горы и селения в Карачае), *ауууз/аус/аш* ‘святой’ (греч.), *ауууз гожан* ‘священная роща’, *чиркау* ‘домовая церковь’ и др. [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 466, см. глоссарий].

В связи с этим обращает на себя внимание близость христианской календарной терминологии и обрядности балкарцев и карачаевцев с караимской и крымчакской, что дает основание для исследования распространения на Северном Кавказе христианства из Византии через Крым. На это указывает также христианская архитектура центральной части Кавказа, близкая крымской [Пищулина 2012: 97–115]. Скорее всего, путь христианского миссионерства из Крыма вполне мог повлиять на календарную терминологию раннесредневековых народов западной и центральной частей Северного Кавказа, а возможно, и на генеалогические предания части карачаево-балкарской и осетинской (дигорской) элит, производивших своих предков из Крыма.

Примечания

1. Информант: Бибердова-Каракотова Сония (Хаулат) Джагафаровна, 1933 г. р., с. Маруха, Карачаево-Черкесская Республика.

2. Приведенное высказывание приписывают также Кушай-амма Узденовой, которая, по рассказам ее правнука Каракотова Джагафара Дадиановича (1906/7–1988), прожила 127 лет (скончалась в начале XX в.).

3. Для сравнения представляется важным привести названия дней недели средневековых и современных народов, которые наиболее близки как по происхождению, так и по языку карачаевцам и балкарцам. В «Codex Bezae Cantabrigiae» (нач. XIV в.) кроме субботы – *сабат* остальные названия дней недели персидского происхождения, тогда как в памятнике «армянских» куман – *шапат* – суббота, воскресенье – *йихкун*, понедельник – *йихпаишкун*, вторник – *нагары* (верное – *nögärikün*), среда – *ханкун*, четверг – *кичайнакун*, пятница – *айнакун* [Хафуз 1993: 90–92]. Чувашские: *тунти кун* ‘понедельник, день спуска с горы (?)’, *ытлари кун* ‘вторник, день, когда садятся на коня верхом’, *юн кун* ‘среда, кровавый день’, *кёснерни кун* ‘четверг, младший день’, *эрне кун* (из персид.) или *мйнарни кун* ‘пятница, большой недели день’, *шамат кун* ‘суббота’, *вырсарни кун* ‘воскресенье’, букв. *вырьс эрни* ‘русская пятница’ [Федотов 1962: 245–259]. Данные названия также имеют ту же числовую характеристику, но совпадает только название субботы. Караимские: *йух баш кун* ‘понедельник’, букв. ‘после святого головной день’, *орта кун* ‘вторник,

срединный день’, *къан/хан кун* ‘среда, кровавой день’, *кичейнэ кун* ‘четверг, малый день’ или как в тракайском диалекте *Кичи Бараски кун* ‘Малый День св. Параскевы’, *айнэ/эйнэ кун* ‘пятница’ или как в тракайском диалекте *Бараски кун* ‘День св. Параскевы’, *шаббат кун* ‘суббота’, *йух кун* ‘воскресенье’ или как в тракайском диалекте *йегуэв*. Крымчакские: *йух [баиш] кун* ‘понедельник’, букв. ‘после святого головной день’, *орта кун* ‘вторник, срединный день’, *къан кун* ‘среда, кровавой день’, *кичкинэ кун* ‘четверг, малый день’, *айнэ/эйнэ кун* ‘пятница’, *шаббат кун* ‘суббота’, *йух кун* ‘воскресенье’ [Тюркские народы Крыма 2003: 409–411]. Следует отметить, что караимские, причем тракайские, названия обнаруживают по семантике и названиям близость с адыгскими: понедельник – *блыпэ/блыщхэ* ‘начальный’, вторник – *гьубдж/гьубж*, среда – *бэрэскэжый* ‘Малая Параскева’ / кабард. *Бэрэжый*, четверг – *мэфэку* ‘срединный’, пятница – *Бэрэскэишу* ‘Большая Параскева’ / кабард. *Мэрэм*, суббота – *мэфзакъу* или *шэмбэт* / кабард. *цэбэт*, воскресенье – *тхэмахуэ/тхэаумаф* ‘Божий день’. Осетинские: *кьюырисер* ‘понедельник’, букв. ‘голова недели’ / дигорск. *авдисар*, *дыццэг* ‘вторник, второй [день]’ / дигорск. *Геуаргибон*, *сертыццэг*, *ртыццэг* ‘среда, третий [день]’, *цыттарам* ‘четверг, четвертый [день]’, *Майрэмбон* ‘пятница’, букв. ‘Майрым, день Мариам’, *с[и]абат* ‘суббота’, *хуыс[ц]аубон* ‘воскресенье, Божий День’ [Абаев 1957: 322, 378; Уарзиати 2007: 36].

4. В карачаево-балкарской версии нартовского эпоса прослеживается контаминация домонотеистических воззрений и ветхозаветных преданий о сотворении из праха земного первого человека Адама, в качестве которого в мифах и эпосе выступает Даует (Дебет или Деуэт, имя которого по звуковому облику имеет близость с ветхозаветным Давидом), рожденный из чрева покровительницы земли Джер-Тейриси, на которой был женат бог неба Кёк-Тейриси. Правда, в некоторых мифах встречаются сюжеты, более близкие к библейским преданиям: так, нарты, новые люди, разделявшиеся на сословия и кланы, появились из рода Ноева. Реконструкция адаптированных ветхозаветных преданий о происхождении человека дает следующее антропогоническое звено: Человек (Адам) рожден из чрева земного – имя его Ной, или Дебет. У последнего 19 сыновей, как и у ветхозаветного царя Давида, жену Дебета зовут Батчальгу [Нарты 1994: 302–306, 361–363, 396–399, 643], что соответствует имени последней жены Давида – Батшева (ср. караимское Батчыва [Хафуз 1993: 127]). Деуэт/Дебет является первым металлургом и кузнецом (ср. царь Давид слыл покровителем кузнецов), он же женит своих сыновей, начиная с младшего (ср. царь Давид женил своих сыновей начиная с младшего). Можно также предположить, что имя одного из сыновей Давида Шовав было переосмыслено и он выступает в эпосе как его внук под именем Шауай/Шевай. В связи с фактом существования иудейской терминологии в фольклоре и религиозном мировоззрении карачаево-балкарского народа можно допустить преемственность аланской и хазарской обрядово-культурных систем, на что указывает сообщение в анонимном кембриджском документе: «И пришли воевать [против хазар] царь Азии и Тур... и Пайнила (печенег. – авт.) и Македона (византийцы. – авт.); только царь алан был подмогою [для хазар, так как] часть их соблюдала иудейский закон» [Коковцов 1996: 614]. В большинстве версий нартовского эпоса других народов Кавказа подобные сюжеты или отрывочны, или вовсе отсутствуют, что дает основание отнести их к карачаево-балкарской эпической специфике.

5. Приведем реконструкции карачаево-балкарского народного календаря, проведенные рядом авторов на основе материалов, собранных ими за последние сто с лишним лет. Согласно материалам Н.И. Кириченко, карачаевский календарь состоял из следующих 12 месяцев: осенние – *кач ай*, *кыркауз ай*, *баишиль ай*; зимние – *андреиг ай*, *аузну-ал ай*,

аузну-арт ай; весенние – *луккул ай, хычабан ай, джайны ал ай, джайны арт ай*; летние – *элия ай, кюзью ал ай, кюзью арт ай* [Кириченко 1897]. Исследователь И.М. Шаманов, суммируя сведения авторов XIX–XX вв. и свои материалы, приводит следующие данные: 1. *башил ай* (у обоих народов); 2. *байрым ай* (балк.) и *аузну ал айы* (карач.); 3. *тотурну ал айы* (балк.) и *аузну арт айы* (карач.); 4. *тотурну арт айы* (балк.) и *байрым ай* (карач.); 5. *хычауман ай* (балк.) и *хычаман ай* или *шырлы ай* (карач.); 6. *Никкол ай* (балк.) и *Луккул ай* (карач.); 7. *бий Аш-керги ай* (балк.) и *Элия ай, бий Гюрге ай* или *джайны ал айы* (карач.); 8. *Байрым ай* (балк.) и *джайны арт айы* или *Абыстолла ай* (карач.); 9. *кьыркьар ай* (у обоих народов), *Бий-Бетдир ай* или *кюзю ал айы* (карач.); 10. *кьыркь ауз ай, эт ыйыкь ай*; 11. *Къач ай* (скорее общее название. – авт.), *Абустолну биринчи айы* (скорее балк. – авт.), *Ауз-Герги ай* (скорее карач. – авт.), *Элияла ай* (скорее карач. – авт.); 12. *Эндреук (Андреиг) ай, Абустолну экинчи айы* [Шаманов 2014: 458–459]. Саид Шахмурзаев, известный просветитель, поэт, один из выдающихся знатоков карачаево-балкарского фольклора и этнографии, непосредственно касался структуры народного календаря. В поэтическом сборнике, куда вошли его избранные произведения, приведены следующие названия месяцев: 1. *Башил айы*; 2. *Байрым айы*; 3. *Тотурну ал айы*; 4. *Тотурну арт айы*; 5. *Хычауман айы*; 6. *Никкол айы*; 7. *Элия айы*; 8. *Кьыркьар айы*; 9. *Кьыркь ауз айы*; 10. *Эт ыйыкь айы*; 11. *Абустолну ал айы*; 12. *Абустолну арт айы* [Саид Шахмурза 2006: 66–105]. В карачаево-балкарско-русском словаре, изданном в 1989 г., названия месяцев выглядят таким образом: *Башил ай* – январь; *Байрым ай* – февраль; *Ауузну ал айы* или *Тотурну ал айы* – март; *Ауузну арт айы* или *Тотурну арт айы* – апрель; *Хычаман* или *Хычауман* – май; *Луккур* или *Луккул ай*, или же *Никкол*, или *Луккол ай* – июнь; *Джайны ал айы* ‘начальный месяц лета’ или *Элия ай* – июль; *Джайны арт айы* ‘последний месяц лета’ или *Кьыркьар ай* – август; *Кьыркьаууз ай* или *Кюз ай* – сентябрь; *Кюзю арт айы* или *Эт ыйыкь ай* – октябрь; *Къач ай* или *Абыстол/Амыстол ай* – ноябрь; *Эндреуок* или *Андреийиг ай*, или *Абыстолну арт айы* – декабрь [КБРС: 805].

6. Тотур в мифологии выступает покровителем волков, который мог наслать их на отары непутевого пастуха, разорить хозяина скота. Охотники, отправлявшиеся на промысел в горы, обращались к нему с различными просьбами, а возвращаясь с удачного промысла, считали своим долгом жертвовать в честь него возле камней Тотура (*Тотур ташла*) часть добычи (*уча*). В этнографии фиксируются ритуальные обращения к Тотуру [Шаманов 1974: 311, 313; Джуртубаев 1991: 120–122]. Если основываться на этнографических и фольклорных материалах, то возникает проблема с возведением Тотура только к Федору Тирону. В Карачае Тотур поминается дважды в феврале и марте. При этом он выступает как покровителем волков, так и воинов, огня. Эти данные дают основания для выводов о почитании в Карачае двух христианских святых – Федора Тирона (покровителя волков) и Федора Стратилата (покровителя воинов). Подобное представление карачаевцев и балкарцев, скорее всего, имеет византийский источник, согласно иконографии которого оба они изображаются вместе и поминаются в феврале и марте. В Баксанском ущелье фиксируется местность Тёбен Тотур ‘Нижний Тотур’, в Чегемском ущелье – Тотур аууз ‘балка Тотура’, а также руины церкви Аш-Тотур ‘Св. Тотур’, в Хуламском ущелье есть село Тотур эл, крепость Тотур кала в местности Тотур тёбе ‘холм Тотура’. Известной местностью с именем Тотура является также святилище Тотур-Тёбе, расположенное на небольшой скальной возвышенности Тотур-къая между Хумарой и Каракентом. На этом месте имелось небольшое деревянно-каменное сооружение Тотур-Къала, около которого путники должны были, если кто на коне или на арбе, спешиться, распороть полы

своего платья или одежды с тем, чтобы Тотур не направил своих волков на их стада, а также принести подношения хлебом [Малкондуев 1996: 70–71; Хапаев 2013: 355–356].

7. Запись 1990 г., информант: Ахтауова Байдымат Алиевна, 1904 г. р., аул Уччулан, Карачаево-Черкесская Республика.

8. Запись 1990 г., информанты: Гокка Нанчыковна Карамурзина, 1892 г. р. по сообщению родственников, аул Карт-Джурт; Ахтауова Байдымат Алиевна, 1904 г. р., аул Уччулан.

9. Несмотря на то что география использования имени Чоппа в обрядовом пространстве Северного Кавказа и Закавказья ограничена Осетией (Цоппай), Балкарией (Чоппа), Кабардой (Шопа, Чоппа), Карачаем (Чоппа, Шоппа) и Абхазией (Чаупар, Чопа), в обрядово-культурной жизни абхазов, кабардинцев, осетин, а также ногайцев он не осознается божеством, а используется в припеве к обрядовой пляске или она сама так называется [Абаев 1957: 314–315]. Среди абазин, западных адыгов, народов Дагестана, ингушей и чеченцев его бытование не обнаружено. В связи с тем, что автор этих строк ранее возводил термин «чоппа» к ирано-тюркскому, а ряд авторов к кавказскому источнику [Каракетов 1995: 36–56], следует отметить, что исследования функции данного божества в обрядово-культурной жизни балкарцев и карачаевцев дают основания еще раз вернуться к вопросу о его происхождении и рассмотреть через призму христианского наследия. Весь комплекс известных нам материалов свидетельствует о стабильном характере образа Чоппа – это связь с началом жизни, громом, молнией, урожаем, плодородием, рождением. Еще в 1914 г. карачаевцы сообщали Г.Ф. Чурсину, что Чоппа «был... богом, к которому обращались во всех случаях жизни» [Чурсин 1925: 57]. Он и ныне весьма хорошо сохраняется в религиозной лексике (*Чоппа-Тейри* – Чоппа-Бог, *Чоппа-Улакъ* – агнец Чоппы, *Чоппа-түйюрлюк* – молельный дом Чоппы, *Чоппа-къачы* – дух Чоппы, *Чоппачакъ-гюттю* – хлебца Чоппачакъ, *Чоппа-теричик* – шкурка Чоппы, *Чоппа-милек* – молитва Чоппа, *Чоппа-Ёчю* – дар Чоппы [Каракетов 1995: 17, 78–86], *Чоппа-джёрме* – колбаса Чоппы [Малкондуев 1996: 36], *Чоппагъа барыу* – танец Чоппы, *Чоппа-Той/Чоппа-Той-Оюн* и др.). Среди старшего поколения еще до недавнего времени можно было услышать гимнические песни, молитвы, сохранялась память об обрядах с обязательным жертвоприношением козленка, о существовании в немалом количестве всенародных, сельских и родовых святилищ (*Чоппа ташы*, *Чоппа түйюр* и др.). В многочисленных молитвах его называли «После Бога (Тейри) Ты Бог» (*Тейриден сора Сен Тейри*) или «Сын Тейри Чоппа-Бог» (*Тейри-улу Чоппа Тейри*) [Каракетов 1995: 84, 96]. Его имя произносилось «Еле, Еле... Елляри-Чоппа/Шоппа», а также рядом с Арирей: «*Арирей-айтат, Шоппа джыр-лайт*» ‘Арирей говорит, Шоппа поет’, с Дауле – Богом Земли. Он же показывается летом старцем с седой бородой – *Къарт Чоппа* и младенцем зимой – *Къорла Чоппа*, который олицетворяет совесть людей, к которому обращались во всех случаях жизни, ему же устраивали празднество весной, подготовку к которому начинали во второй месяц, а весть о его начале проводили в субботний вечер в день *Байрым-кюн* ‘пятницу’ или в вечер на воскресенье [Каракетов 1995: 344]. Согласно Ф.А. Урусбиевой и автору данных строк, Чоппа выступает продолжением культа Байрым, или *Чоппа-Той/Чоппа-Той-Оюн* – Праздник Чоппа, как правило, проводили в месяц *Байрым-ай* ‘месяц Байрым’. Также вечером с субботы на воскресенье около камней с крестами собирались пожилые женщины и прикладывались лбами к ним, называя их *къач*, затем они ели своеобразные лепешки *зул-гюттю* и оставляли на камнях крашенные яйца. Родовые, семейные святилища называли *Чоппалгъан-Къайюр-Ташы* (?) или в прошлом, до принятия ислама, согласно данным В.П. Невской, каждый *тукум* (фамилия) имел свою священную гору *Чоппа-Къая*

(место поклонения [Каракетов 1995: 52–53, 326; КБФ: 39–40, 44–45] или святилище). Интересны также торжества с жертвоприношением козленка Чоппа около сосны, священного дерева в Карачае Джуртда Джангыз Терек, которое почиталось как Древо Господа Бога (*Тейрини Терегу*) с тремя ответвлениями по стволу. К Древу, согласно преданиям, приезжала грузинская царица Тамара (*Тамар-бийче*), с именем которой сохранилось название крепости Тамар-кала, а также название пещеры, горы и местности Тамара [Хапаев 2013: 337]. Женщины проводили обряды около одного ответвления, которое доходило до земли, обращаясь к богу о потомстве, называя его *Тейрини къачы* ‘Дух Божий’, а мужчины подвешивали за ноги козленка *Чоппа-улакъ* на другую ветвь. Ветви сосны, называя *Тейрини хыры терегини бутагъы* букв. ‘Бога хыры (?) дерева ветви’, хранили до нового года. Почитание христианами вечнозеленого дерева как «рождественского», каковым являлась сосна Джуртда Джангыз Терек, согласно исследованиям, восходит к домотеистическим культам [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 631]. В то же время запрещалось сажать сосну, особенно одну в пределах огорода, двора, считалось, что это навлечет на семью несчастье. Самым большим торжеством считали Месяц открытия врат Тейри (*Тейри эшик ачылыу*). И стар и млад собирались около молитвенного дома в *Къылиан аягъы*. Согласно информантам, его назвали *Генджасан – Тейри юю* ‘Дом Тейри’ на Кубани, в котором все молитвы сбывались [КБФ: 54]. О церкви в местности Къылиан сообщал и А.С. Фиркович в 1849 г., отмечая, что «недалеко от аула Карт-юрт [верное – Къарт-Джурт] есть остатки древней крепости или храма с надписями, [которую] туземцы называют Каля-калу» [Фиркович 1857: 387], т. е. Къылиан-Къала.

Ритуальные действия в Чоппа-Той – начало оповещения в вечер на субботу или в субботу о начале празднования с объяснением, что в этот день происходило вздутие огня Тейри в огромном стволе дерева, которое именовали *Чоппайыр* [Каракетов 1995: 145] – позволяют взглянуть на некоторые элементы культа Чоппа на основе христианского наследия. Перед началом празднества впереди кузницы стелили ослиный чепрак, а на него волчью (редко бычью) шкуру, на которой проводили обряд облачения проводника торжеств и начинали игрище *чѣпѣлѣу-оюн* [Каракетов 1995: 145]. Представляется, что в этом обряде сохранились языческие ритуальные пляски готских воинов в волчьих шкурах [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 493], которые были восприняты в Византийской империи и воспроизводились в рождественский праздник. Схожесть карачаево-балкарских торжеств Шоппа, Чоппа, редко Чуппур, проводившихся ранней весной, в середине лета и осенью [Каракетов 1995: 144, 309] и, например, осетинского праздника Цыппурс, приуроченного к Рождеству [Дзадзиев, Дзугцев, Караев 1994: 197; Абаев 1958: 323], позволяет исследовать их связь с известным в древнейших памятниках грузинского языка (*šoba-*) и ныне в Грузии, в Верхней Сванетии обозначением Рождества – Шоба. Согласно Г.А. Климову, термин «шоба» переводится из грузинского *šw-* родиться с учетом чередования по аблауту *e/o* в древнекартвельском языке. Автор также отмечает близость его основы с индоевропейской **su-/seu-* ‘родать’ [Климов 1964: 214–215; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 878]. В старокартвельском календаре термином «Кристе+шобистве» обозначен декабрь, при этом празднование Шоби, Шоба или Христие Шоба – Рождества называют также Алило – Аллилуя. Возможно, сюда же осетинско-карачаево-балкарское *Цыппурс/Чуппур/Чоппайыр*, вряд ли имеющее отношение к цифре сорок, как это предполагает В.И. Абаев (см. выше). В средневековой Грузии, как и во всем древнехристианском мире, во время Рождества приносили в жертву агнца (ягненка или козленка) [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 878]. Все обряды, связанные с Чоппа в Карачае, сопровождаются жертвоприношением

козленка *Чоппа-улакь* букв. ‘Чоппы козленок (Агнец Чоппы)’, которого перед закланием заставляли бляеть, что можно сравнить с раннехристианскими обрядами, проводимыми перед Рождеством Христовым. То же самое обнаруживается и в осетинском празднике Цыппурс – в Рождество, когда приносили в жертву ягненка или козленка. Данное именование обнаруживается и в использовании слов *Эллери/Эллири* или *Элдери/Алдари* в молитвах (*Эллири-Чоппа*, *Элдери-Чоппа*, *Алдари Цоппай*), которые, скорее всего, связаны с древнетюркским обозначением снятого чулком шкуры козленка *Eldiri/Elri* [ДТС: 170, 171]. Сохраняется это слово и в карачаево-балкарском языке – *элтир* ‘смушка, мерлушка’ [КБРС: 767], которое при использовании в песне произносилось в более мягкой форме. В нашем случае *Эллири-Чоппа*, *Элдери-Чоппа*, *Алдари Цоппай* – это вне сомнения образ агнца, что дает основание связать подобное понимание с эпитетом Иисуса Христа – Агнец Божий. Другой термин, сопутствующий в обращении к Чоппа и звучащий как *Эле/Элле/Эллаи*, можно рассмотреть и как другой эпитет Иисуса – *Элеймон* (из греч. ‘милосердный, сострадательный’), и как спасителя *Эль*, *Элоха*, *Элохим* ивр. ‘Господь Бог’. Допущение, что в осетинском припеве (*алдари-цоппай*) *алдари* – это *алдар* ‘господь’, скорее всего, требует коррекции.

Об использовании термина «Чоппа» в домонотеистических культах говорит и более раннее его упоминание. В «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуази (X в.) сообщается о посольстве албанского епископа Исраэла в «страну гуннов», которое состоялось зимой 681–682 гг. и сопровождалось миссионерской деятельностью по распространению среди них христианства и искоренению языческих культов. Особую ценность в этом описании представляют конкретные сведения о гунно-савирских религиозных воззрениях и культах: «В этот великий день [Праздника Пасхи] прежде всего должно быть сожжено громогласное кладбище Чопа, называемое *даркунанд*, руками уверовавших старших жрецов. Они должны пойти туда с проклятиями и сжечь [кладбище-рощу], лишь после того они могут быть крещены и причащены» [Каракетов 2015: 260]. Скорее всего, этот термин был воспринят у центральнокавказского племени, родственного картвельскому языковому кругу, в дохазарское гунно-савирское время, стал использоваться как имя божества и посредством хазар или савир распространился среди других народов Северного Кавказа. О проживании рядом с Абхазией гунно-савиров упоминает Прокопий Кесарийский (VI в.): «Правитель абасгов (предков абхазов. – авт.) Опсит с небольшим отрядом сумел бежать (от персов. – авт.) и удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта» [Прокопий Кесарийский 1996: 17, 40]. В связи с распространением христианства на Северном Кавказе этот термин, скорее всего, в ряде территорий был логично перенесен на торжества, посвященные Рождеству. После угасания христианских институтов в связи с падением Византии и упадком христианства на Северном Кавказе, после нашествия татаро-монгол, полчищ Тамерлана, возродилась дохристианская суть данного термина, но уже как имени божества.

Литература

- Абаев 1949 – *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – М.–Л., 1949. – Т. I. – С. 87. {*V.I. Abaev. Ossetian language and folklore. – Moscow–Leningrad, 1949. – Vol. 1. – P. 87.*}
- Абаев 1957 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.–Л., 1957. – Т. I. {*V.I. Abaev. Historical and etymological dictionary of Ossetian language. – Moscow–Leningrad, 1957. – Vol. 1.*}

- Абаев 1989 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.-Л., 1989. – Т. IV. – С. 27–28. {*V.I. Abaev. Historical and etymological dictionary of Ossetian language. – Moscow–Leningrad, 1989. – Vol. 4. – PP. 27–28.*}
- БЛДР 2004 – Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 2004. – Т. 3. – С. 11–27. {*Library of Ancient Russian literature. – Saint-Petersburg, 2004. – Vol. 3. – PP. 11–27.*}
- Гагаузы 2011 – Гагаузы / Отв. ред. М.Н. Губогло, Е.Н. Квилликова. – М., 2011. – С. 359. {*Gagauzs / Executive editors M.N. Guboglo, Ye.N. Kvilinkova. – Moscow, 2011. – P. 359.*}
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. – Тбилиси, 1984. – Ч. II. – С. 631. {*T.V. Gamkrelidze, Vyach.Vs. Ivanov. Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical typological analysis of protolanguage and preculture. – Tbilisi, 1984. – Part 2. – P. 631.*}
- Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с. {*M.Ch. Dzhurtubayev. Ancient beliefs of Balkars and Karachais. – Nalchik: Elbrus, 1991. – 256 pp.*}
- Дзадзиев, Дзугев, Караев 1994 – *Дзадзиев А.Б., Дзугев Х.В., Караев С.М.* Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. – Владикавказ, 1994. – С. 197. {*A.B Dzagdziev, Kh.V. Dzutsev, S.M. Karaev. Ethnography and mythology of the Ossetians. Concise dictionary. – Vladikavkaz, 1994. – P. 197.*}
- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Ленинград, 1969. – С. 170, 171. {*Ancient Turkic dictionary (DTS) / Ed. by V.M. Nadelyayev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. – Leningrad, 1969. – PP. 170, 171.*}
- Ёзденлени 2004 – *Ёзденлени Абуғали.* Сёз – халы кибикди... (Слово – словно нить). – М.: Илекса – Ставрополь: Сервисшкола, 2004. – С. 89–90. (на карач.-балк. яз.) {*Abugali Özdenleni. Söz – haly kibikdi... (A word is like a thread). – Moscow: Pexa–Stavropol: Serviceschool, 2004. – PP. 89–90. (in Karach.-Balk.)*}
- Иваненков 1912 – *Иваненков Н.С.* Карачаевцы // Известия общества любителей истории Кубанской области. – Екатеринодар, 1912. – Вып. 5. – С. 29–39. {*N.S. Ivanenkov. Karachais // Bulletin of the Society of history lovers of the Kuban region. – Yekaterinodar, 1912. – Issue 5. – PP. 29–39.*}
- Каракетов 1995 – *Каракетов М.Д.* Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. – М.: Наука, 1995. – С. 77. {*M.D. Karaketov. From the traditional ritual and cult life of Karachay people. – Moscow: Nauka, 1995. – P. 77.*}
- Каракетов 2014 – *Каракетов М.Д.* Традиционные верования // Карачаевцы. Балкарцы / ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – М.: Наука, 2014. – С. 422–423. {*M.D. Karaketov. Traditional beliefs // Karachays. Balkars / ed. by M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiyev. – Moscow: Nauka, 2014. – PP. 422–423.*}
- Каракетов 2015 – *Каракетов М.Д.* О гуннском Чопа-Даркунанде из описания албанского епископа VII в. // *Albania Caucasia: сб. статей. – Вып. I / предисл., подгот. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев. – Moscow, 2015. – С. 260.* {*M.D. Karaketov. About the Hunnic Chopa-Darkunand from the description of the Albanian Bishop of the VII century // Albania Caucasia: a collection of articles. – Issue I / introduction, prep. by A.K. Alikberov, M.S. Gadzhiev. – Moscow, 2015. – P. 260.*}
- КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева, Х.И. Суюнчева. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с. {*Karachay-Balkar-Russian dictionary / ed. by E.R. Tenishev, Kh.I. Suyunchev. – Moscow: Russian Language, 1989. – 832 pp.*}
- КБФ – Карачаево-балкарский фольклор / Сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 с. {*Karachay-Balkar folklore / Comp. by T.M. Hadzhiyeva. – Nalchik: El-Fa, 1996. – 592 pp.*}
- Кириченко 1897 – *Кириченко Н.И.* Русско-карачаевский словарь. Селение Мансуровское. – 1897. – Рукопись (передана на хранение и на опубликование проф. К.Т. Лайпановым д.и.н. М.Д. Каракетову). – 259 с. {*N.I. Kirichenko. Russian-Karachay dictionary. Mansurovskoye Village. – 1897. – Manuscript (handed over for storage and publication by Prof. K.T. Laipanov to Ph.D. in history M.D. Karaketov). – 259 pp.*}
- Климов 1964 – *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. – М., 1964. – С. 214–215. {*G.A. Klimov. Etymological dictionary of Kartvelian languages. – Moscow, 1964. – PP. 214–215.*}
- Ковалевский 1880 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. – М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1880. – С. 193. {*M.M. Kovalevskiy. Law and custom in the Caucasus. – Moscow: Printing House of A.I. Mamontov and Co., 1880. – P. 193.*}

- Ковалевский 2006 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. – М.: Афиша, 2006. – С. 174. {*M.M. Kovalevskiy. Law and custom in the Caucasus.* – Moscow: Afisha, 2006. – P. 174.}
- Коковцов 1996 – *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка // Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М., 1996. – С. 614. {*P.K. Kokovtsov. Correspondence between Jews and Khazars* // L.N. Gumilyov. *Discovery of Khazaria.* – Moscow, 1996. – P. 614.}
- Лавров 1969 – *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1969. – Т. 4. – С. 55–120. {*L.I. Lavrov. Karachay and Balkaria before the 1830s* // *Caucasian ethnographic collection.* – Moscow, 1969. – Vol. 4. – PP. 55–120.}
- Малкондуев 1988 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-этнографические истоки и функции осенне-зимних календарных песен балкарцев и карачаевцев. – Махачкала, 1988. – С. 79–86. {*Kh.Kh. Malkonduev. Historical and ethnographic origins and functions of the autumn-winter calendar songs of the Balkars and Karachays.* – Makhachkala, 1988. – PP. 79–86.}
- Малкондуев 1996 – *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Жанровые и художественно-поэтические традиции. – Нальчик, 1996. – 272 с. {*Kh.Kh. Malkonduev. Ritual and mythological poetry of the Balkar and Karachay people. Genre and artistic and poetic traditions.* – Nalchik, 1996. – 272 pp.}
- Мифологический словарь 1991 – Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 146. {*The mythological dictionary.* – Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1991. – P. 146.}
- Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 656 с. {*The Narts. Heroic epic of Balkars and Karachays.* – Moscow: Nauka. «Vostochnaya Literatura» Publishing Company, 1994. – 656 pp.}
- Пишулина 2012 – *Пишулина В.В.* Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа VI–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 2012. – 375 с. {*V.V. Pishchulina. Christian temple architecture of the North Caucasus in VI–XVI centuries.* – Rostov-on-Don, 2012. – 375 pp.}
- Прокопий Кесарийский 1996 – *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. – М., 1996. – С. 17, 40. {*Procopius of Caesarea. War with the Goths. On buildings.* – Moscow, 1996. – PP. 17, 40.}
- Саид Шахмырза 2006 – *Саид Шахмырза.* Назму чыгъармалары... (Избранные стихи...) / Сост. А.Т. Додуева. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – С. 66–105. (на карач.-балк. яз.) {*Said Shahmirza. Nazmu çygarmalary... (Selected poems...)* / Comp. by A.T. Doduyeva. – Nalchik, Elbrus, 2006. – PP. 66–105. (in Karach.-Balk.).}
- ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х томах. Т. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1016 с. {*Explanatory dictionary of Karachay-Balkar language: in 3 volumes.* – Volume 1. – Nalchik: El-Fa, 1996. – 1016 pp.}
- ТСКБЯ 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – Т. III. – С. 982. {*Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language.* – Nalchik: El-Fa, 2005. – Vol. 3. – P. 982.}
- Тюркские народы Крыма 2003 – Тюркские народы Крыма / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. – М.: Наука, 2003. – С. 409–411. {*Turkic peoples of the Crimea* / Executive editors S.Ya. Kozlov, L.V. Chizhova. – Moscow: Nauka, 2003. – PP. 409–411.}
- Уарзиати 2007 – *Уарзиати В.С.* Избранные труды. Книга первая. Этнология, культурология, семиотика. – Владикавказ. Проект-пресс, 2007. – С. 36. {*V.S. Uarziati. Selected works. Book 1. Ethnology, cultural studies, semiotics.* – Vladikavkaz: Project-press, 2007. – P. 36.}
- Урусбиева 1977 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарский фольклор. – Черкесск, 1977. – С. 9–11. {*F.A. Urusbiyeva. Karachay-Balkar folklore.* – Cherkessk, 1977. – PP. 9–11.}
- Федотов 1962 – *Федотов М.Р.* О названиях дней недели у чувашей/Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары, 1962. – Вып. XXI. – С. 245–259. {*M.R. Fedotov. On the names of the days of the week in the Chuvash.* / *Scientific notes of the Research Institute of language, literature, history and economy under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR.* – Cheboksary, 1962. – Issue XXI. – PP. 245–259.}
- Филоненко 1940 – *Филоненко В.И.* Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. – Нальчик. Изд-во КБНИИ, 1940. – 87 с. {*V.I. Filonenko. Grammar of Balkar language. Phonetics and morphology.* – Nalchik: KBNI Publishing House, 1940. – 87 pp.}
- Фиркович 1857 – *Фиркович А.С.* Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского археологического общества. – СПб., 1857. – Т. IX. – С. 387. {*A.S. Firkovich. Archaeological surveys*

- in the Caucasus. // Notes of the Imperial archaeological society. – Saint-Petersburg, 1857. – Vol. 9. – P. 387.}
- Хаджиева 1988 – *Хаджиева Т.М.* Эстетическая и утилитарно-магическая функции календарных песен балкарцев и карачаевцев (весенне-летний цикл) // Календарно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988. – С. 60–78. {*T.M. Hadzhiyeva. Esthetic and utilitarian-magical functions of calendar songs of Balkar and Karachay people (spring-summer cycle) // Calendar and ritual poetry of the peoples of the North Caucasus. – Makhachkala, 1988. – PP. 60–78.*}
- Хапаев 2013 – *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии. – М., 2013. – 576 с. {*S.A. Khapayev. Geographical names of the Karachay and Balkaria. – Moscow, 2013. – 576 pp.*}
- Хатуев 2005 – *Хатуев Р.Т.* Евреи в Карачае. – Черкесск, 2005. – 106 с. {*R.T. Hatuyev. The Jews in the Karachai. – Cherkessk, 2005. – 106 pp.*}
- Хатуев 2014 – *Хатуев Р.Т.* Христианство // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 443–447. {*R.T. Hatuyev. Christianity // Karachais. Balkars. – Moscow: Nauka, 2014. – PP. 443–447.*}
- Хатуев, Шаманов – *Хатуев Р.Т., Шаманов И.М.* Календарь // Карачай с древнейших времен до 1917 года. – URL: https://karachai.ucoz.ru/index/5_3/0-283. {*R.T. Hatuyev, I.M. Shamanov. Calendar // Karachay from ancient times to 1917. – URL: https://karachai.ucoz.ru/index/5_3/0-283.*}
- Хафуз 1993 – *Хафуз М.Э.* Караимы. Книга 4. Историко-этнографические очерки // Материалы к серии «Народы и культуры». – М., 1993. – Вып. XIV. – С. 90–92. {*M.E. Hafuz. The Karaites. Book 4. Historical and ethnographic essays // Materials for the series «Peoples and cultures». – Moscow, 1993. – Issue 14. – PP. 90–92.*}
- Чичеров 1957 – *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – С. 59. {*V.I. Chicherov. Winter period of the Russian national agricultural calendar of the XVIth–XIXth centuries. – Moscow: Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1957. – P. 59.*}
- Чурсин 1925 – *Чурсин Г.Ф.* Осетины: Этнографический очерк. – Тифлис, 1925. – С. 57. {*G.F. Chursin. Ossetians: An ethnographic essay. – Tiflis, 1925. – P. 57.*}
- Шаманов 1971 – *Шаманов И.М.* Народный календарь карачаевцев // Советская этнография. – М., 1971. – Вып. 5. – С. 108–117. {*I.M. Shamanov. National calendar of Karachay people // Soviet Ethnography. – Moscow, 1971. – Issue 5. – PP. 108–117.*}
- Шаманов 1989 – *Шаманов И.М.* Календарь и календарная обрядность карачаевцев и балкарцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1989. – С. 5–47. {*I.M. Shamanov. Calendar and calendar rites of Karachay and Balkar people // Calendar and calendar rites of the peoples of Karachay-Cherkessia. – Cherkessk, 1989. – PP. 5–47.*}
- Шаманов 2014 – *Шаманов И.М.* Календарь и календарная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 453–474. {*I.M. Shamanov. Calendar and calendar rites // Karachais. Balkars. – Moscow: Nauka, 2014. – PP. 453–474.*}

FROM THE CHRISTIAN CALENDAR TERMINOLOGY OF KARACHAY AND BALKARIA

M.D. Karaketov

Moscow

Summary: This article discusses the names of days of the week and months, a number of religious terms of Karachay and Balkar people, as well as related signs, rituals, and beliefs. The Karachay-Balkar folk calendar is based on the national reception and outlook, centuries-old observation of heavenly bodies (Sun, Moon and stars) and the reckoning of time, based on their movement, and also on the reflexion of the idea of time in mythology and religion.

Key words: Karachay/Karachai-Balkar language, onomastics, christianity, calendar rites, month, week, folk superstitions.

Karaketov Murat Dzhhatdayevich – Ph.D. in history, Professor; e-mail: mdkaraketov@yandex.ru.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДРЕВНИХ ТЮРКСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Б. Т. Койчурев

г. Бишкек

Резюме: В статье проводится сравнительный анализ древних тюркской и японской литератур, выявляется их место и значение в национальном историко-культурном процессе. Выдвигается тезис о том, что тип культуры и этнорегиональная сфера жизнедеятельности определяют своеобразие эстетического мирозерцания и его художественного выражения в слове. Историко-культурные особенности жизнедеятельности жителей Японских островов определили и своеобразие литературы, в частности, оседлый тип культуры нашел выражение в особой описательности, созерцательности и лиричности литературных текстов. При этом большая роль в становлении и развитии японской литературы принадлежит китайской и корейской культуре. Древнетюркская литература отражает общинно-родовое сознание и синкретизм художественного мировидения. Ярким свидетельством тому являются орхоно-енисейские надписи, выражающие и мифологическую картину мира, и обрядово-культовые действия, и натурфилософские размышления, и в тоже время исторические события, воплощенные в словесно-эстетической форме. Кочевой тип культуры определил особую динамику, драматизм и пространственную широту поэтических текстов. Сравнительный анализ древних японской и тюркской литератур свидетельствует о большей индивидуализации японского искусства слова, связанной, кроме всего прочего, с существованием письменных памятников, запечатленных на бумаге и воплотивших систему мифологии («Кодзики»), зарождающуюся историографию («Нихонги») и собственно художественную словесность японского этноса («Манъёсю»). Раннеклассические памятники тюркоязычной литературы «Собрание тюркских наречий» Махмуда аль-Кашгари и «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни свидетельствуют о переходе словесности на новую стадию собственно литературного творчества, создаваемого по законам красоты, и о межкультурных коммуникациях тюркских народов с арабской и фарсиязычной художественной культурой.

Ключевые слова: древняя литература, тюркоязычная литература, японская литература, литературный процесс, поэзия, памятники литературы, историко-культурный.

Художественная литература, являясь *образным* отражением действительности, материализует в слове не только основные этапы историко-культурного развития, эволюцию концепции взаимоотношений человека и мира, своеобразие эстетического мировосприятия, но и сам «дух» народа, особенности его мирозерцания, этногенетическую память нации.

Койчурев Бахтияр Турарович – доктор филологических наук, зав. кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета, профессор КРСУ, Кыргызская Республика; e-mail: sufibah@mail.ru.

Древняя словесность, являясь выразительницей синкретического мировидения человеком своей эпохи, в художественно-мифологической, религиозной, натурфилософской и философской форме запечатлела и сохранила для потомков представления об извечных вопросах человеческого бытия и земного бытия, о смысле Жизни и Смерти. В поисках объяснения окружающего мира и человека в нем мифологическое сознание в фантастической форме создавало художественные по сути концепции мироздания.

Словесность Японии отличается значительным своеобразием, определяемым сложностью этногенеза японской нации, перипетиями исторических судеб народа. Известный востоковед Н.И. Конрад отмечал по этому поводу: «Если литература всякого народа не может быть отделена от него самого, от той почвы, на которой народ живет, от истории, которую он творит, от всей совокупности содержания его жизни и культуры, то тем более это применимо к японской литературе. Создатель этой литературы, японский народ – слишком своеобразный для нас исторический индивидуум, чтобы к нему можно было подходить с общими шаблонами. Его исторические судьбы сложились достаточно по-особенному, чтобы их можно было оценивать с помощью трафаретных формул» [Конрад 1991: 1].

Тем более интересно проследить типологические черты данной древней литературы в их историко-культурном и этногеографическом своеобразии художественных проявлений, в сопоставлении с другими литературами мира, в частности с тюркскими.

В становлении японского народа, формировании его сущностных, носящих ментальный характер черт VI–VIII вв. играют особо важную роль. Именно к этому периоду относится формирование японского этноса и идейно-эстетических основ художественной литературы.

Многослойность этнических компонентов, участвовавших в процессе этногенеза японцев, определила своеобразие их мировидения, которое в начальную пору означенного периода было по преимуществу мифологическим. «Об архаическом мировосприятии японцев, – отмечает Л.М. Ермакова, – их чувственном и концептуальном отношении к человеку в природе, человеку в мировом космосе можно судить, опираясь на данные этнографии и этнологии, археологии и древней истории страны, а также по наиболее ранним текстам, в которых, хотя уже и видоизмененных, зафиксированы архетипические представления и контаминации верований, относящихся, быть может, к разным хронологическим слоям, но отобранных и впитанных культурой» [Ермакова 1985: 7].

Функционирование древнетюркской культуры пришлось на это же время – VI–VIII вв. Представляется, что и тип мышления – архаико-мифологический, и стремление осознать «человека в мировом космосе» также находят отражение в памятниках письменности, материализующих ускользающую действительность, фиксирующих вечные загадки мироздания.

Наш мир рожден из перечня пустот.
Вращается тяжелый небосвод,
И звездная горит на нем скрижаль.
Окутан ночью день.

Когда тревожит душу странный зов
Из древнего созвездия Весов.
Глаза свои ты опусти к земле.
День ночью окружен.
Красный скакун промчался по земле,
Красный огонь он высек на земле!
Сухая, рыжая – горит трава.
Охвачен ночью день¹.

«Древняя поэзия, – отмечает В.С. Санович, имея в виду японскую литературу, – выростала из повседневной жизни, празднеств, битв, похоронного обряда насельников страны Тучных колосьев: охотников, рыболовов, земледельцев. Все пространство их жизни было обожествлено. Богами были сами горы, дороги в горах, деревья, злаки, реки, озера.

“Слово” и “деяние” по-японски обозначались одним и тем же словом (“кото”). Мир, согласно японскому мифу, был создан по слову богов. Время в японской поэзии отсчитывалось с разделения неба и земли.

Первой страной земли стала Япония, и управляли ею потомки богини Солнца Аматэрасу – “сияющей в Небесах”, и других небесных и земных богов. Основа верований древних японцев – культ предков и сил природы, центральный миф – солнечный. Главным в их жизни было земледелие, выращивание риса. Рождение песни тесно связано с земледельческим обрядом, различными календарными празднествами, брачными играми. Мощная жизнерадостность, благоговейное отношение к природе – подательнице урожая, плодов земли и моря – наполнили японскую песню. Ритм и мелодия словно диктовали смысл, ибо смысл был задан темой обряда, ходом годовых времен» [Санович 1997: 588].

Древнетюркская культура в этот период также переживала архаическую стадию развития с присущими ей типологическими чертами, только в иной этногеографической среде, в ином, кочевом типе культуры. Ч.Т. Айтматов дал образную картину жизни тюрков той эпохи: «Приходит тут в память ключевой момент из кочевой жизни наших предков перед их приготовлением к штурму горного перевала. Массовый проход населения через снежный хребет на новое сезонное место обитания означал для наших динамичных предков новый этап годового цикла жития. И, достигнув поднебесья, наивысшего уровня земной высоты, кочевники обсуждали там, в перевалочном поднебесье, ключевую ситуацию, готовясь к преодолению вечных снегов через перевал, мобилизуясь при этом для такого движения и телом, и духом, и произносили заклинания, и устраивали шаманские камлания у ночных костров, дабы небо и твердь земная пребывали в гармонии для жития людского, ведь Земля и Небо во вселенной уготованы в дар человеку, а для этого надо зазывать духов и трудиться в поте лица, чтобы прочны были стремени жизни, чтобы уверенно подрастали молодые поколения, дабы знали они и чтити родовые заветы и обычаи, добытые и выстраданные предками...

Разумеется, во всем этом тенгрианском фольклорном предании отражены своя философия опыта жизни и своя экзотика минувшего образа жизни, но имен-

¹ Текст из «Собрания тюркских наречий» Махмуда Кашгари в переводе В.И. Шаповалова.

но в этих пределах исконных гуманистических ценностей зарождалась изначальная предцивилизация древних тюркских народностей (далеко еще не этносов, но *этникосов* – *Б.Т.*). Такова была концепция тогдашнего устройства жизни, и на этой оси бытия продлевались и развивались новые формы привходящих эпох, новые системы грядущих цивилизаций тюркского мира» [Айтматов 2004].

Для тюркского и японского народов, впрочем, как и для других культур древности, была характерна вера в особую магию слова, что можно наблюдать в древних памятниках письменности.

«Котодамо-но-синко» – «вера в душу слова» – присуща древнеяпонскому народу. Вместе с тем, в первой японской поэтической антологии «Манъёсю» встречаются песни, в которых говорящие названия, отражающие веру в «душу слова» и определенные магические действия осмысляются уже сугубо в эстетическом плане.

Слишком велика была любовь,
Я не мог унять порыв такой,
И запрета знак повесил я
На горе, что «Девой чудной красоты
В перевязях жемчугов» зовет народ².

В данном случае «гора» является своеобразным олицетворением знатной женщины, а слова «И запрета знак повесил я» означают «сделал своей женой». Однако древние верования все еще сильны и ощущаются в данном произведении, в частности в строках: «“Девой чудной красоты / В перевязях жемчугов” зовет народ». Предполагается, что личные имена в древнюю эпоху табуировались; девушка открывала свое имя только будущему мужу. В «Манъёсю» очень часто вместо имени создателя произведений указывается его родовое отношение или применяется описательная формула [Манъёсю 1971: 458].

О трепетном, сакральном благорасположении к Слову древних тюрков свидетельствует текст из казахско-кыргызской поэзии номадской эпохи: «Слово выпасает Бога на небесах, Слово доит молоко Вселенной и кормит нас тем молоком из рода в род, из века в век. И потому вне Слова, за пределами Слова нет ни Бога, ни Вселенной, и нет в мире силы, превосходящей силу Слова, и нет в мире пламени, превосходящего жаром пламя и мощь Слова» [Айтматов 2007: 12].

Тот факт, что первые образцы рунической эпитафийной лирики енисейских тюркоязычных памятников написаны от лица умершего, свидетельствует, на наш взгляд, об особом отношении к слову, живущему после смерти.

Для мифологически-религиозного сознания древних народов характерен синкретизм анимизма с фетишизмом и культом предков. Древняя японская и тюркоязычная литературы – яркое тому свидетельство.

Мифология, являя собой фантастическую картину бытия, при этом представляемую как истинно существующую, отражает мир в конкретно-чувственной образной форме, что сближает ее с художественной литературой. Поэтому естественно, что ее образы стали в дальнейшем достоянием поэтического слова, выра-

² Здесь и далее тексты из «Манъёсю» даются в переводе А.Е. Глускиной. В данном тексте и в дальнейшем курсив наш. – *Б.Т.*

жая не только мифологические воззрения, но и играя значительную роль в идейно-эстетическом пафосе произведений. Примером тому может служить песня из сборника «Манъёсю», приписываемая принцессе Кукада:

Иду полями нежных мурасаки,
Скрывающих пурпурный цвет в корнях,
Иду запретными полями
И, может, стражи замечали,
Как ты мне машешь рукавом?

Переводчик «Манъёсю» на русский язык следующим образом прокомментировал выделенные нами строки: «Запретные поля (симэну) – поля, оцепленные священными рисовыми веревками в знак запрета ступать на них посторонним».

Заметим, что строка «Иду запретными полями» в аллегорическом контексте произведения означает, кроме того, запретную любовь, возможно, ставшую достоянием окружающих. Происходит своеобразное наложение на мифологический пласт реалистически-бытового и идейно-эстетического смыслов.

Вместе с тем, в антологии «Манъёсю» можно встретить образцы стихотворений, в которых мифологический образ мира представлен как исторически достоверный факт. С волей богов связывают те или иные исторические события. Так, например, в песне № 33 можно наблюдать веру древних в местных, земных богов, охраняющих страну, их вмешательство в дела людские:

Грустно мне стало, когда я увидел столицу,
Оттого, что разгневался бог,
Охранявший страну
В Садзанами!

Поклонение божествам, а затем и правителям, становится смыслом жизни, повседневным бытием человека в «век богов».

Данное произведение, безусловно, являясь литературным панегириком в честь императрицы, утверждает ее божественное происхождение, а значит, и волю неба на управление страной. Пафос – характерный для литературы того периода и нашедший свое яркое историко-мифологическое выражение в «Кодзики» («Записи деяний древности», 712 г.). В произведении прослеживается обрядово-культовое начало, возможно, связанное с культом предков.

Аналогичный содержательный императив можно наблюдать и в древнетюркской поэзии. В частности, в «Малой надписи в честь Куль-тегина»: «Небоподобный, неборожденный (собств. “на небе” или “из неба возникший”) тюркский каган, я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальник: тарханы и приказные, (вы) тридцать...».

Вновь обращает на себя внимание форма повествования от первого лица. Примечательно, что имея схожее содержательное начало, соответствующее архаическому мировидению, в котором проявляется обрядово-культовое действие, древнеяпонская и древнетюркская литературы выражают его в разных культурно-эстетических контекстах.

Для японских текстов, выражающих оседлый тип культуры, в большей степени свойственна описательность и лиризм. В то время как древнетюркская литература более динамична, событийна и повествовательна.

Объяснение тому, на наш взгляд, можно искать в том, что японская литература, находясь под мощным влиянием китайской культуры, в том числе и историографии, к VIII в. имела мифологический эпос «Записи деяний древности» («Кодзики», 712 г.), исторические хроники «Анналы Японии» («Нихонсёки», 720 г.) и, наряду с этим, известный памятник народной и авторской поэзии – «Собрание мириад листьев» («Манъёсю»).

В то время как древнетюркская кочевая культура материализовывала свое философско-мифологическое мировидение, историю народа в изустном слове, памятниках рунической письменности.

Своеобразный синтез древней космогонии, мифологии и историографии, воплощенной в поэтическом слове, можно наблюдать в «Большой надписи в честь Кюль-тегина»: «Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: буря) земля, между (ними) обоими были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т. е. люди). Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа».

Сравнение текстов древнеяпонской и древнетюркской литератур убедительно свидетельствует о том, что однотипное стадияльное развитие культур в различных историко-культурных и этногеографических ареалах получало свое неповторимое эстетическое выражение в художественном слове.

В памятниках древней литературы мировоззренческое значение занимают тексты, связанные с одухотворением сил природы, культовыми представлениями о смерти и обрядами погребения. Трагедия ухода человека из жизни и ее эстетически-эмоциональное осмысление окружающими выражается, прежде всего, в *плачах*.

О, ведь вчерашний день
Ты был еще здесь с нами!
И вот внезапно *облаком плывешь*
Над той прибрежною сосной
В небесной дали...

Здесь выделенные слова отражают поверье, что вместе с дымом погребального обряда сожжения улетает и душа умершего.

Любопытная аналогия: в заключительных стихах «Большой надписи Кюль-тегина» читаем: «Кюль-Тегин *улетел* (т. е. умер) в год Овцы, в семнадцатый день; в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны. (Надгробное) здание резные (фигуры?) и камень с надписью (в честь) его – мы все (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день. Кюль-Тегин умирал сорока семи лет. Камень... столь много резчиков привели тойгуры и эльтеберы (?)». В данном тексте также используется слово «улетел» в значении «умер» (выделено нами. – Б.Т.).

Древняя и раннеклассическая тюркоязычная литература развивалась в иных этногеографических и культурно-исторических условиях, во взаимодействии

с иными народами, что, конечно же, сказалось на образной системе и поэтике произведений.

Сравнительный анализ древних японской и тюркской литератур свидетельствует о большей индивидуализации японского искусства слова, связанной, кроме всего прочего, с существованием письменных памятников, запечатленных на бумаге и воплотивших систему мифологии («Кодзики»), зарождающуюся историографию («Нихонги») и собственно художественную словесность японского этноса («Манъёсю»). Историко-культурные особенности жизнедеятельности жителей Японских островов определили и своеобразие литературы, в частности, оседлый тип культуры нашел выражение в особой описательности, созерцательности и лиричности литературных текстов.

Древнетюркская литература отражает общинно-родовое сознание и синкретизм художественного мировидения. Ярким свидетельством тому являются орхоно-енисейские надписи, выражающие и мифологическую картину мира, и обрядово-культурные действия, и натурфилософские размышления, и в то же время исторические события – воплощенные в словесно-эстетической форме. Кочевой тип культуры определил особую динамику, драматизм и пространственную широту поэтических текстов.

Историко-культурный и эстетический анализ произведений японской и тюркской древности показывает, что в VI–VIII вв. представления данных народов о космосе, природе, жизни и смерти, личная и общественная жизнь осмыслились сквозь призму мифологических и религиозных воззрений, выраженных в духовной практике в форме обрядов, ритуалов и культов. Ритуальные, культово-магические словесные формулы постепенно осмыслиются как собственно эстетические элементы поэтической системы произведения, при этом приобретающие канонический характер, чему, видимо, способствовало, не в последнюю очередь, их культовое происхождение. Данные средства легли в основу поэтического арсенала японской и тюркоязычной литератур и во многом определяют их неповторимый эстетический облик. Древние мифологически-религиозные воззрения, посредством культов и выражающих их поэтически возвышенных слов, стали основой менталитета японского и тюркоязычных народов, вошли в их кровь и плоть, приобрели архетипические черты, придающие им особое очарование в многоцветье культуры народов мира.

Литература

- Айматов 2004 – *Айтматов Ч.Т.* XX век – пассионарная симфония тюркской цивилизации // Слово Кыргызстана: общенациональная газета. – 15.10.2004. {*Ch.T. Aytmatov. The XXth century – the passionate symphony of Turkic civilization // The Word of Kyrgyzstan: national newspaper. – 15.10.2004.*}
- Айматов 2007 – *Айтматов Ч.Т.* Когда падают горы: (Вечная невеста). – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 477 с. {*Ch.T. Aytmatov. When the mountains are falling: (The eternal bride). – Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2007. – 477 pp.*}
- Ермакова 1985 – *Ермакова Л.М.* Мифопоэтический строй как модус ранней японской культуры // Человек и мир в японской культуре: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1985. – С.7–26. {*L.M. Ermakova. Mythical and poetical structure as modus of the early Japanese culture // A Human and the World in Japanese Culture: a compendium of scientific works – Moscow: Nauka, 1985. – PP. 7–26.*}

- Конрад 1991 – *Конрад Н.И.* Японская литература в образах и очерках. – М.: Наука, 1991. – 562 с. {*N.I. Konrad. Japanese literature in examples and sketches – Moscow: Nauka, 1991. – 562 pp.*}
- Манъёсю 1971 – Манъёсю / Перевод с японского, вступительная статья и комментарии А.Е. Глускиной. – М.: Наука, 1971. – 334 с. {*Man'yōshū / Translated from Japanese, introduction and commentaries by A.Ye. Gluskina. – Moscow: Nauka, 1971. – 334 pp.*}
- Санович 1977 – *Санович В.С.* Очерк японской классической лирики // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 587–599. {*V.S. Sanovich. An essay on classical Japanese lyrics // Classical poetry of India, China, Korea, Vietnam, Japan. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1977. – PP. 587–599.*}

HISTORICAL, CULTURAL AND AESTHETIC ORIGINALITY OF ANCIENT TURKIC AND JAPANESE LITERATURES

B.T. Koichuev

Bishkek

Summary: The article provides a comparative analysis of the ancient Turkic and Japanese literatures, reveals their place and significance in the national historical and cultural process. The article presents a thesis that the type of culture and the ethnoregional sphere of life determine the originality of the aesthetic worldview and its artistic expression in the word. The historical and cultural characteristics of the life of the inhabitants of the Japanese islands determined the originality of literature, in particular, the sedentary type of culture found expression in a special descriptiveness, contemplation and lyricism of literary texts. At the same time, a large role in the formation and development of Japanese literature belongs to Chinese and Korean culture. Ancient Turkic literature reflects the communal-klan consciousness and syncretism of the artistic worldview. A vivid evidence of this is the Orkhon-Yenissei inscriptions, which express both the mythological picture of the world, and ritual and cult actions, and natural philosophical reflections, and at the same time, historical events, embodied in a verbal and aesthetic form. The nomadic type of culture determined the special dynamics, drama and spatial breadth of poetic texts. A comparative analysis of the ancient Japanese and Turkic literatures testifies to the greater individualization of the Japanese art of the word, associated, among other things, with the existence of written monuments imprinted on paper and embodying the system of mythology («*Kojiki*»), the emerging historiography («*Nihongi*») and literary literature proper Japanese ethnos («*Man'yōshū*»). The early classical monuments of Turkic-language literature «*Collection of Turkic dialects*» by Mahmud al-Kashgari and «*Graceful knowledge*» by Yusuf Balasaguni testify to the transition of literature to a new stage of literary creativity itself, created according to the laws of beauty and about the intercultural communications of the Turkic peoples with the Arab and Farsi language arts.

Key words: ancient literature, Turkic literature, Japanese literature, literary process, poetry, literary monuments, historical and cultural.

Koichuev Bakhtiar Turarovich – Ph.D. in philology, Head of Department of history and theory of literature, Kyrgyz-Russian Slavic University (KRSU), Professor of KRSU, Kyrgyz Republic, Bishkek; e-mail: sufibah@mail.ru.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ТРАДИЦИОННАЯ САКРАЛЬНОСТЬ И НОВАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА БАТА ЧЫГАРУУ В КЫРГЫЗСТАНЕ¹

Н.А. Маничкин

г. Москва

Резюме: Статья посвящена практике духовных благословений *бата чыгаруу*, которая зафиксирована в неошаманских и новых религиозных объединениях в Кыргызстане. Связанные с ней сакральные понятия о ясновидении (*аян*), священном даре (*касиет*), завете и залоге (*аманат*), духах (*арбаках*, *колдоочу*) и священных местах (*мазарах*) позволяют определить традиционный культурный базис этой практики, обогатившей сложный и разнообразный комплекс благословений *бата* у современных кыргызов. В статье приводится отрывок из духовного благословения, записанного автором во время полевых исследований в Таласской области Кыргызстана в 2015 г.

Ключевые слова: благословения, сакральное, шаманизм, неошаманизм, духи, магия, обряды, кыргызы.

Благопожелания и благословения давно стали одним из традиционных объектов историко-филологического внимания; если фольклористы исследуют эти этические и религиозные (религиозно-магические) речевые формулы как жанр разговорного или обрядового фольклора, то этнологи и антропологи рассматривают благословения в качестве социально обусловленной практики, в контексте ритуала и культуры.

В тюркско-монгольском мире благословения традиционно играли важнейшую роль. Они остаются своеобразным инструментом бытовой и сакральной коммуникации и в наши дни. Кыргызы в этом отношении не исключение. Современные кыргызы знают традиционные благословения как *бата* и *алкыш*. Иногда говорят об *ак бата*, т. е. белых *бата*, что подчеркивает священную со-

¹ Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

ставляющую и положительный посыл благословений. Существует также понятие *тилек тилөө* ('благое пожелание').

Филологи Кыргызстана обычно рассматривают благословения *бата* как часть жанра *алкыш* либо в тесной связи с таковым [Кыргыз адабитынын... 2004: 292–303; Садыков 1992: 15]. Вместе с тем понятие *бата* понимается двояко: во-первых, это название первой *суры* Корана (от араб. *аль-фатиха*), а во-вторых, собственно, слова благопожелания, перед произнесением которых чаще всего зачитывается данная сура. Эти слова обычно произносятся как молитвенное обращение к высшим силам, которые могут послать те или иные блага и избавить от любого зла. Такое благословение *бата* по обыкновению является импровизацией, оно может быть прозаическим либо рифмованным (ритмизированным) текстом, коротким или длинным. Практика благословений, которые дают авторитетные и уважаемые люди, известна как *бата берүү* ('давать бата, благословлять') и остается важной обрядовой составляющей не только традиционного, но и модернизированного быта [Кебекова 2001: 1]. Люди дают и получают бата в связи с самыми разными ситуациями: перед важной поездкой, заключением брака, вступлением в должность, по случаю рождения ребенка, сороковин (*кыркын чыгаруу*) со дня рождения, государственного, религиозного или народного праздника, значимой покупки, смены места жительства, обретения или перемены профессии и т. д. Также эти благословения звучат на молитвенных и пиршественных собраниях *түлөө* (или *кудайы*), где обычно их произносит мулла (*молдо*) либо кто-то из присутствующих стариков, а иногда и шаман (*бакшы*) или шаманка (*бүбү*). Аналогичная практика под тем же названием *бата* существует у казахов [Кузембаева 2005].

О чем люди просят высшие силы в своих *бата*? Это могут быть самые разные просьбы и пожелания: *узак өмүр* ('долгой жизни'), *башын таиштан* ('уравновешенности'), *саламаттык* ('здоровья'), *акыл* ('вразумления'), *кыраандык* ('прозрения'), *эстүү* ('ума'), *көөдөн* ('силы воли'), *эрдик* ('мужества'), *күчтүү* ('силы'), *кенч* ('достатка'), *олжолуу* ('овладения добычей'), *кетпес дөөлөт* ('некончаемого богатства'), *ырыскылуу* ('лучшей участи'), *берекет* ('благодати'), *намыстуу* ('чести'), *абийир* ('совести'), *уяттуу* ('стыда'), *бакыт* ('счастья'), *кубаныч* ('радости'), *бийлик* ('власти') и т. д. Отдельно от бытовых выделяются религиозные пожелания, содержащие такие просьбы: *бейиши бер* ('дай попасть в рай'), *ыйман бер* ('дай честь'), *акырет бер* ('дай хорошую кончину'), *аркы дүйнө бер* ('дай отойти в мир иной'), *топурагын торколуу кыл* ('сделай землю достойной', 'да будет земля ему пухом'). Кроме этого существуют формулировки, отсылающие к эпическим образам: *Манастын эрлигин бер* ('дай героизм Манаса'), *Кошойдун жашын бер* ('дай возраст Кошой'), *Каныкейдин уздугун бер* ('сделай искусницей, какой была Каныкей'), *Айчүрөктүн сулуулугун бер* ('дай красоту Айчурек'), *Алмамбеттин акылын бер* ('дай ум Алмамбета') и т. п. [Каада-салттар... 2003: 268].

Поскольку *бата*, хотя и содержат исламские элементы, в целом наследуют общетюркским благопожеланиям *алкышам* (*алгысам*) [Кузембаева 2005: 138; Капаган 2013: 41–44], в них довольно часто можно обнаружить персонажей «народной религии», те сакральные силы, которые почитались среднеазиатскими кочевниками в домусульманский период, включая древних тюркских божеств, таких как Умай, Жер-Суу, Теңир [Баялиева 1972: 38; Капаган 2013: 44]. *Бата*,

полученные от одних людей, могут быть более сильными, чем *бата*, полученные от других, поскольку речь и слюна каждого человека имеют разную силу: согласно сохранившимся до сих пор магическим представлениям, человек может иметь особый божественный дар, наделяющий его слова способностью обязательно воплощаться в действительность. Это касается не только благопожеланий *бата* и *алгыш*, но и *терс бата* ('бата наоборот') и *каргыш* ('проклятие'). Людей с «сильным языком» или «золотой слюной» почитают и боятся.

Подобная подоплека делает практику *бата* частью магии: так, например, существуют *бата*-заклинания. Изучая рукописи, хранящиеся в Национальной академии наук КР, я обнаружил так называемые *бата-дуба* (*дуба* у кыргызов понимается и как заклинание, и как молитва): акын и собиратель кыргызского фольклора Ыбрай Абдырахманов (1888–1967) записал в 20-е гг. прошлого столетия тексты под таким названием. Слова в них адресуются Богу и духам предков (*арбакам*), могущим послать процветание и различные блага заклинателю (*дубачи*) или людям, которые к нему обратились [РФ НАН КР, инв. № 463]. В качестве одной из разновидностей *бата* исследователи кыргызского фольклора называют и шаманские пожелания (*бакшы тилек*), в которых называются или описываются различные духи, к примеру:

*Ой, тоодон бир тоого учкандар,
Ой, жылан бир камчы туткандар,
Ой, жандыра суу ичкендер,
Ой, Азирети Сулайман тирим.
Ой, Дулдул, атам, дөө, пери мейман,
Ой, Сулайман аттуу суу чилтен мейман.
Ой, ошол суу башы Сулайман мейман,
Ой, Анжиянда ак жылан мейман,
Ой, Самарканда нар жылан мейман...*

[Каада-салттар... 2003: 307]

*Ой, кто летает от одной горы к другой,
Ой, у кого на руках плеть-змея,
Ой, те, кто пьет горящую воду,
Ой, покровитель мой Азирет Сулайман.
Ой, Дулдул, отец, див, пери, гость мой,
Ой, гость мой по имени Сулайман, водный чилтен.
Ой, вот он, владыка вод, гость мой Сулайман,
Ой, гостья моя, белая змея из Андижана,
Ой, гостья моя, верблюжья змея из Самарканда...*

(перевод наш. – прим. Н.А.)

Обращение к духам связано с представлением о том, что именно они могут стать источником благословения. Мои информанты из Чуйской и Таласской областей КР многократно подчеркивали, что *бата* можно получить не только от человека, но и от высших сил или наделенных сакральной силой (*касает*) объектов природы: Луны, священных животных (таких как змея, филин, беркут), деревьев, водоемов и камней, которые находятся на *мазарах*. *Бата* может быть дано

человеку не только во время коллективных ритуалов, но и во сне или в состоянии транса, в видениях *аян* ('весть, прозрение'). Некоторые информанты рассказывают, что получали *бата* от своих бабушек и дедушек, которые являлись им в сновидениях. Другие внезапно для себя испытывали *аян*, когда с ними говорили духи природы и даже скульптуры, изображающие героев эпоса «Манас» [ПМА 2011]. *Аян* – это весть, открывающая истину, делающая нечто явным. Это может быть знамение, полученный свыше текст, отмеченный вниманием знак, символ, предчувствие, предостережение, некое внушение [Киргизско-русский словарь I 1985: 87]. И хотя *аян* может быть ниспослан любому человеку, есть люди, обладающие даром получать прозрения регулярно. Таких людей кыргызы называют *көзү ачык* ('ясные глаза') – ясновидцами, причисляя к ним не только шаманов (*бакшы, бубу*), но и знахарей (*табыпов*), гадателей (*төлгөчү*) [Biard: 79–88].

Представления об *аяне* связаны с понятием об *арбак бата* – таком *бата*, которое получают от духов *арбаков* и сила которого этими духами охраняется. Понятие *арбак бата* подробно не изучалось, но было зафиксировано К.К. Юдахиным в его знаменитом словаре [Киргизско-русский словарь I 1985: 116]. Аналогом этого понятия *бакшы* называют *ата-бабалардын бата* ('благословения предков') [ПМА 2015]. Здесь следует отметить, что предками или отцами (*аталар*, русифицированное *аташки*) практики традиционных знаний *кыргызчылык* называют не только своих биологических предков, но и в целом всех тех персон, будь это исторические личности, герои эпоса или духи-хозяева мазаров, к которым обращаются со своими просьбами. А для этих духов их последователи в свою очередь являются «потомками»: обычно используется слово *урпак* ('отруби', в переносном смысле 'потомок, потомство').

Одна из моих информанток регулярно зачитывает обращение к *аталар*, в котором перечисляются различные мусульманские и народные святые (пророк Мухаммед, пророк Иса, т. е. Иисус, пророк Кыдыр, Сулайман, Дауд, Зулпокор, Нылды и др.), христианские святые («Богородица-апа», Серафим Саровский, Ксения Петербургская, Матрена Московская, Святой Вильгельм), легендарные прародители (Кыргызбай-ата, Көк-жала-бору-эңе, т. е. Матушка Сивогривая волчица), тюркское божество Умай-эңе, покровители (*колдоочу*) животных, сфер хозяйства и природных явлений (Зенги-баба, Жанкороз-ата, Чекир-ата, Камбар-ата, Ойсул-ата, Чолпон-ата, Чычан-ата, Шаймерден, Байтерек и др.), Манас и все его сорок богатырей, жена Манаса Каныкей-апа, мать Манаса Чыйырда-апа, потомки Манаса (Семетей, Сейтек), героиня одноименного эпоса Жаныл-Мырза, а также различные исторические личности: Аль-Фараби (870/872–950/951), Жусуп Баласагын (XI в.), Махмуд Кашгари (1028/1029–1101/1126), Арыстан-баб (XII в.), Ахмет Яссави (1103–1166), Чингисхан (1155/1162–1227), падишах Захириддин Мухаммед Бабур (1483–1530), сын Бабура Хумаюн (1508–1556), внук Бабура Акбар (1542–1605), Амир Тимур (Тамерлан) (1336–1405), Улугбек (1394–1449), Алишер Навои (1441–1501), казахский акын Суюнбай (1815–1898), кыргызский хан Ормон (1792–1854), алайская правительница Курманжан-датка (1811–1907), чуйский манап Шабдан Жантаев (1839–1912) и многие другие [ПМА 2014].

Полевые исследования, проведенные в Чуйской, Таласской, Иссык-Кульской, Джалал-Абадской областях Кыргызстана, а также внутри кыргызской диаспоры г. Москва, показали, что люди, занимающиеся религиозно-магическими и мисти-

ческими практиками, различают две разные практики благословения: обычные благословения *бата*, которые ‘даются’ (*беруу*) уважаемыми людьми по тем или иным поводам, и духовные благословения или благословения предков, которые ‘выпускаются’ или ‘издаются’ (*чыгаруу*) лицами, определяющими себя как медиумы (*аянчы*), шаманы (*бакшы*), шаманки (*бубу*), заклинатели (*демчи*). Владелицы техникой *бата чыгаруу* подчеркивают, что они имеют особый дар быть посредниками между людьми и сакральными инстанциями: духами предков, *мазарамы*, потусторонними силами. Этот дар (*касует*) обретается только после прохождения особых периодов в жизни человека, во время которых духи через болезни, несчастья, испытания и видения склоняют своего избранника к служению. Сопротивление воле духов влечет за собой наказания: можно тяжело заболеть, потерять родственников, материальный достаток или даже жизнь. Описание информантами своих историй вполне укладывается в логику известного антропологам феномена – т. н. «шаманской болезни», встречающейся во множестве культур [Харитоновна 2000; Хоппал 2015; Stark 1965]. Принудительное обретение шаманских способностей у кыргызов было описано в советской этнографии [Баялиева 1972: 126]. Те же закономерности действуют и в случае обретения дара сказителя (*жомокчу*, *манасчи*), ниспосылаемого *арбаками* и *колдоочу* [Райхл 2008: 56–58; Бакчиев 2004]. Период и сами болезненные состояния, которые предшествуют обретению дара и шаманской (или сказительской, целительской) инициации, кыргызы называют *аруусу* – в это время духи могут душировать человека, наводить на него судороги, приступы паники, конвульсии, обмороки [Святые места юга... 2013: 230–231]. У казахов есть аналогичный термин *аруақ қысты* (‘аруаки душат’) [Стасевич 2012: 232, 239]. Только пройдя все испытания, урегулировав свои контакты с духами, научившись проводить обряды и получив благословения от *бакшы*, страждущие становятся шаманами и могут совершать духовные благословения – *арбак бата*.

Не все мои информанты знают и признают практику *бата чыгаруу*. Многие никогда не слышали а ней, а другие считают эту практику «новоделом» или связывают ее с деятельностью религиозных сект. Те же информанты, которые осуществляют практику духовных благословений, как это удалось выяснить в ходе неформальных бесед с ними, были или остаются связанными с новыми религиозными течениями и неошаманскими структурами, находящимися в родстве с движением «Путь предков» (*Ата жолы*). Это неорелигиозное движение, сочетающее в своем учении элементы народного ислама, суфизма, эзотерики и шаманизма и запрещенное в некоторых странах (но не в Кыргызстане), распространилось в 1990-е гг. из Казахстана. В настоящее время на территории Кыргызстана действуют несколько движений, отпочковавшихся от «Пути предков» или даже возникших вне зависимости от него, но схожих с ним по своей сути. Для таких течений характерна практика организации сакральных паломничеств (*зийаратов*) на *мазары*, которые сами по себе являются традиционными для Средней Азии. Иногда организаторы паломничеств собирают плату за них, однако мои информанты заявляют, что это всегда добровольное дело, а духовный практик никогда не может назначать фиксированную цену и извлекать прибыль из своего дара. Иначе он будет сурово наказан «аташками». Движения, известные как Манас-Жолу, Теңир-Жолу и другие, создают так называемые *ордо* – духовные центры,

посвященные тому или иному святому, где проводят свои обряды, включая *бата чыгаруу* [Святые места Севера... 2015: 172–181].

Изучение деятельности подобных организаций показало, что их адепты реализуют преимущественно традиционный религиозный опыт, но, поскольку делают это в условиях современного информационного общества, происходят значительные трансформации практик и представлений, имеющих архаические корни [Стасевич 2011: 488]. Сама ритмическая форма *бата чыгаруу*, представления об агентности духов (именно духи произносят устами медиумов тексты благословений), понятия об особом состоянии прозрения (*аян*) и духовном даре (*касует*), сакральная атрибутика (плети, посохи, четки, ножи), паломничества и различные ритуалы (жертвоприношения животных, благодарственные трапезы, огненный ритуал *шам*, заговоры и т. д.), на которых звучат духовные благословения, – все это указывает на то, что практика *бата чыгаруу* наследует традиционным тюркским представлениям, берущим корни в шаманизме. Похожие, а порой аналогичные представления можно обнаружить в алтайской традиции обрядовых призываний-благопожеланий *алгыш* [Наева 2010] и других традициях, сохранившихся среди тюркских народов [Ефимова 2013].

Чаще всего обряд *бата* производится перед трапезой или после таковой. Сама трапеза осуществляется в честь духов. Иногда к этому прибавляется ритуал *шам жагуу* ('зажигать светильник'), в ходе которого зажигают обмотанные ватой, марлей или хлопком лучины из собранного в особых местах чия (*Achnatherum*). Во время произношения *бата* люди держат руки лодочкой, а в конце проводят ладонями по лицу. Ниже приводится вступительная часть к благословию, полученному и переведенному мной 15 августа 2015 г. в Манас-Ордо. Текст был произнесен от имени хана Манаса шаманкой Д. Давлеталиевой.

*Ата болуп өзүм да,
Тилсиз мына дүйнөдөн,
Келген мына кезимде,
Нестор деп урпак озунду
Тургузуп бир алайын,
Ондуулукка салайын!
Мына урпак өзүңдү!
Карай кеткен кезинде,
Мына дагы артыңда,
Колдоп мына урпагың,
Турган мына кезинде,
Мына дагы бүгүнкү,
Күндө мына өзүң да,
Күмөн гана үзүлдү,
Салып мына урпагым,
Далай мына касиет,
Ачыла албай өзүнүн,
Турган мына жайында,
Дагы айттың өзүң да,
Мына дагы бүгүнкү,
Күлдүр мына кулуңа,*

Я, предок, пришел
Из беззвучного мира,
Потомок мой Нестор,
Я поднимаю тебя
И покажу тебе правильный путь!
Вот потомок ты мой!
Я смотрю за тобою,
Это я за тобою стою,
Я – поддержка твоя,
Стой, потомок мой,
И в день этот стой,
В этот день твой
Распалось сомнение,
Что принес ты, потомок,
В место, где с ним не могут
Стать раскрытыми
Дары святые мои,
Да и сам ты сказал,
Что в этот же день
Рассмешишь слугу моего,
Теперь дарю в твою руки,

Кылычыңды мына да!
 Карматып мына урпагым,
 Далай мына карагың,
 Күнөс мүнөз өзүңдү
 Мына дагы ак жолго,
 Таптап мына өзүңдү,
 Чыгарып турган жайыңды,
 Дагы айттым өзүм да,
 Карай кеткен кезимде,
 Мына дагы өзүңдүн,
 Касиеттер дагы да,
 Ачылып мына урпагым,
 Мынабу турган өзүң да,
 Түздө мына түздөдүм,
 Арасына урпагым,
 Мына дагы өзүң да,
 Каалаганыңа ишенип,
 Камап мына өзүңдүн,
 Кое турган жайыңды,
 Дагы айттым өзүм да,
 Кааламына кезинде,
 Мунабу турган өзү да,
 Азабы бар таалада,
 Мына дагы өзүң да,
 Сезген мына пенделер.
 Мына дагы көп экен да.

Мой потомок, свой меч!
 Посмотри, как в нем много
 От скрытного нрава,
 Теперь я направлю тебя
 Верной дорогой,
 Укажу тебе место,
 Сам скажу тебе, где оно,
 Там смотреть на тебя
 Стану я и увижу,
 Как святые дары мои
 Раскрываются, процветают,
 Вот ты стоишь здесь,
 Поправляйся теперь,
 Выпрямляйся теперь,
 Это я выпрямляю потомка,
 Что вошел и стоит здесь,
 Так тебе рассказал я,
 Показал священное место,
 Где ты с верой в желанье свое
 Желанное можешь обрести,
 Если будешь наказы блюсти.
 Свое время придет для желанного.
 В поле есть свои беды,
 И сам ты знаешь об этом,
 Чувствуешь, мой смертный потомок,
 И много таких здесь теперь.

[ПМА 2015]

* * *

Практика *бата чыгаруу* является специфической формой благословений *бата*. Она осуществляется только лицами, наделенными сакральным даром (*касиет*), прошедшими период испытаний, напоминающих «шаманскую болезнь», получившими соответствующие посвящения и имеющими духов-покровителей. В таких благословениях содержатся *аманаты*, задания, пророчества, предостережения, советы и многое другое. Нередко духи устами медиумов могут негативно характеризовать те или иные стороны жизни и деятельности человека, советовать ему исправиться или даже грозить. Считается, что одни духи делают свои сообщения более мягко и доброжелательно, поскольку по натуре своей великодушны (к примеру, эпический хан Манас), а другие более категоричны и строги (к примеру, святой старец Зулпкор, который воплощает собой священный меч Манаса).

Несмотря на свою специфичность, практика *бата чыгаруу* все же имеет нечто общее с практикой *бата берүү*: и там, и здесь используется возвышенная лексика, поэтические приемы, звучат архаизмы, а само слово считается имеющим сакральную силу. Также в обоих случаях осуществляется ритуальный жест –

проведение ладонями по лицу. Зачастую любым благословениям предшествует мусульманская молитва.

Вероятно, термин *бата чыгаруу* появился уже в наше время. И хотя практика, которую так именуют, оформилась в результате деятельности новых религиозных и неошаманских организаций, сама она базируется на традиционных представлениях о возможности получения благословения от высших сил, духов, которые говорят через своих служителей.

Источники

- РФ НАН КР, инв. № 463 – Рукописный Фонд Национальной Академии Наук КР, инв. № 463 – *Абдрахманов Ы.* Бата (элден жыйналган). {Manuscript Collection of National Academy of Kyrgyz Republic, No. 463 – *Y. Abdrakhmanov.* Bata (benedictions) (collected from the people).}
- ПМА 2011 – Полевые материалы автора, август–сентябрь 2011 г., Таласская обл. КР. {The field data of the author, 2011, August–September, Talas region, Kyrgyz Republic.}
- ПМА 2014 – Полевые материалы автора, август 2014 г., г. Бишкек и Чуйская обл. КР. {The field data of the author, 2014, August, Bishkek and Chuy region, Kyrgyz Republic.}
- ПМА 2015 – Полевые материалы автора, август 2015 г., Таласская обл. КР. {The field data of the author, 2015, August, Talas region, Kyrgyz Republic.}

Литература

- Бакчиев 2004 – *Бакчиев Т.А.* Влияние духов на становление джомокчу (о подходах к исследованию проблемы) // Академический вестник АУЦА. Выпуск 2. – Бишкек, 2004. – С. 139–147. {*T.A. Bakchiyev.* The influence of spirits on the development of jomokchu (on approaches for investigation of the problem) // Academic Bulletin of American University of Central Asia. Issue 2. – Bishkek, 2004. – PP. 139–147.}
- Баялиева 1972 – *Баялиева Т.Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 168 с. {*T.D. Bayaliyeva.* Pre-islamic beliefs and their remnants amongst the Kyrgyz people. – Frunze: Ilim, 1972. – 168 pp.}
- Ефимова 2013 – *Ефимова Л.С.* Якутский алгыс: специфика жанра, поэтика: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Элиста, 2013. – 55 с. {*L.S. Yefimova.* Yakutian algyys: genre peculiarity, poetics: Ph.D. diss. abstract. – Elista, 2013. – 55 pp.}
- Каада-салттар... 2003 – Каада-салттар. Ак баталар / А. Акматалиевдин жалпы ред. астында; Түзгөндөр: А. Акматалиев, К. Кырбашев, М. Өмүрбай уулу, Ө. Шаршеналиев. – Бишкек: Шам, 2003. – 400 б. {Rites. White blessings / ed. by A. Akmatallyyev; Edited by: A. Akmatallyyev, K. Kyrbashev, M. Ömürbay uulu, Ö. Sharshenaliyev. – Bishkek: Sham, 2003. – 400 pp. (In Kyrgyz.)}
- Капаган 2013 – *Капаган Э.* Кыргыз-түрк фольклорундагы ак бата, тилек, алкыштардагы айырмачылыктар жана окшоштуктар: фил. ил. кандидаты окумуштуулук даражасын изденип алуу үчүн жазылган диссертация. – Бишкек, 2013. – 174 б. {*E. Kapagan.* Kyrgyz-Turkic folklore white blessing and wish, peculiarities and similarities of benediction: Ph.D. thesis. – Bishkek, 2013. – 174 pp.}
- Кебекова 2001 – *Кебекова Б.* Кыргыз элинин каада-салт ырлары. – Бишкек, 2001 – 252 б. {*B. Kebekova.* Kyrgyz folk ritual songs. – Bishkek, 2001 – 252 pp. (In Kyrgyz.)}
- Киргизско-русский словарь I 1985 – Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов. Кн. I. А–К / Сост. к.К. Юдахин. – Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии, 1985. – 504 с. {Kyrgyz-Russian dictionary. In two books. Circa 40 000 words. Book I. A–K / Comp. by K.K. Yudakhin. – Frunze: The Main Edition of Kyrgyz Soviet Encyclopedia, 1985. – 504 pp.}
- Кузембаева 2005 – *Кузембаева С.* «Бата-сөз» – жанр благословения в казахском фольклоре // Простор. – 2005. – № 1. – С. 133–138. {*S. Kuzembayeva.* «Bata-Söz» – the genre of benediction in Kazakh folklore // Prostor. – 2005. – No. 1. – PP. 133–138.}
- Кыргыз адабиятынын... 2004 – Кыргыз адабиятынын тарыхы: Фольклористика. I том / А. Акматалиевдин жалпы ред. астында. – Бишкек: Шам, 2004. – 684 б. {History of Kyrgyz literature: Folkloristics. Volume I / ed. by A. Akmatallyyev. – Bishkek: Sham, 2004. – 684 pp. (In Kyrgyz.)}

- Наева 2010 – *Наева А.И.* Алтайский обрядовый фольклор: специфика жанра: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2010. – 132 с. {*A.I. Nayeva. Altai ritual folclor: peculiarities of genre: Ph.D. diss. abstract. – Ulan-Ude, 2010. – 132 pp.*}
- Райхл 2008 – *Райхл К.* Тюркский эпос. Традиции, формы, поэтическая структура / под ред. Д.А. Функа. – М.: Вост. лит., 2008. – 383 с. {*K. Reichl. Turkic epos. Traditions, forms, poetical structure / ed. by D.A. Funk. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2008. – 383 pp.*}
- Садыков 1992 – *Садыков Б.Д.* Функции фольклорных жанров в художественном составе эпоса «Манас» (кошок, керээз, арман, алкыш, каргыш – причитания, завещания, сожаления, благопожелания, проклятия: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. – Алма-Ата, 1992. – 25 с. {*B.D. Sadykov. Functions of folklore genres in the artistic composition of the «Manas» epic (koshok, kereez, arman, aklysh, kargysh – wailings, bequests, repentances, benedictions, and maledictions: Ph.D. diss. abstract. – Alma-Ata, 1992. – 25 pp.*}
- Святые места Севера... 2015 – Святые места Севера Кыргызстана: природа, человек, духовность. – Бишкек: КИЦ «Айгине», 2015. – 239 с. {*Sacred places of Northern Kyrgyzstan: nature, human, spirituality. – Bishkek: Centre for Culture and History «Aygine», 2015. – 239 pp.*}
- Святые места Юга... 2013 – Святые места Юга Кыргызстана: природа, Манас, ислам. – Бишкек: КИЦ «Айгине», 2013. – 240 с. {*Sacred places of Southern Kyrgyzstan: nature, Manas, islam. – Bishkek: Centre for Culture and History «Aygine», 2013. – 240 pp.*}
- Стасевич 2011 – *Стасевич И.В.* Дороги предков. Традиционные и современные религиозные течения в Казахстане // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2010–2011 гг.: Этнология, история, археология, культурология. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 482–488. {*I.V. Stasevich. Routes of forefathers. Traditional and modern religious movements in Kazakhstan // Lavrov compendium: materials of the 34th and 35th Central Asian-Caucasus Readings, 2010–2011: Ethnology, history, archeology, culturology. – Saint-Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, 2011. – PP. 482–488.*}
- Стасевич 2012 – *Стасевич И.В.* Представления о династическом даре в культуре казахов (в контексте традиции почитания памяти святых предков) // Религиозная жизнь народов Центральной Евразии (этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 16): сборник статей / Отв. ред. В.И. Харитоновна. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 230–242. {*I.V. Stasevich. Conception of dynastic gift in the culture of Kazakhs (as part of worshiping tradition of saint ancestors) // Religious life of the folks of Central Asia (ethnological studies on shamanism and other traditional beliefs and practics. Volume 16): a collection of articles / Executive editor V.I. Kharitonova. – Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, 2012. – PP. 230–242.*}
- Харитоновна 2000 – *Харитоновна В.И.* Народные магиико-медицинские практики: традиция и современность. Опыт комплексного системно-феноменологического исследования: автореф. дисс. ... докт. ист. наук – Москва, 2000. – 84 с. {*V.I. Kharitonova. Folk magic medicine practices: tradition and modernity. An attempt of complex systematical and phenomenological research: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 2000. – 84 pp.*}
- Хоппал 2015 – *Хоппал М.* Шаманы – культуры – знаки. – Тарту: Научное издательство ЭЛИМ, 2015. – 240 с. {*M. Hoppal. Shamans – cultures – signs. – Tartu: Scientific publishing house of Estonian Literature Museum (Eesti Kirjandusmuuseum), 2015. – 240 pp.*}
- Bourguignon 1976 – *Bourguignon E.* Possession. – San Francisco: Chandler & Sharp, 1976. – 78 pp.
- Stark 1965 – *Stark R.* A taxonomy of religious experience // *Journal for the Scientific Study of Religion.* – 1965. – No. 5. – PP. 97–116.

TRADITIONAL SACRALITY AND NEW RELIGIOUS PRACTICE OF BATA CHYGARUU IN KYRGYZSTAN

N.A. Manichkin

Moscow

Summary: The article tackles the spiritual blessings practice called Bata Chygaruu, which is recorded in neo-Shamanic and new religious associations in Kyrgyzstan. Clairvoyance (*ayan*),

sacred talant (*kasiet*), covenant and pledge (*amanat*), spirits (*arbaks, koldoochu*), sacred places (*mazars*) and other related sacred concepts allow us to determine the traditional cultural basis of investigated practice, which has enriched a complex and varied set of blessings among modern Kyrgyz. The article provides an excerpt from a spiritual blessing recorded by the author during field research in the Talas region of Kyrgyzstan in 2015.

Key words: blessings, sacred, shamanism, neoshamanism, spirits, magic, rituals, Kyrgyz.

Manichkin Nestor Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, scientific official of the Centre of Medical Anthropology; e-mail: nes.pilawa@gmail.com.

ИСТОРИЯ НАУКИ. ДОКУМЕНТЫ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Е.Д. ПОЛИВАНОВА¹

А.В. Дыбо

г. Москва

Резюме: В статье анализируются малоизвестные работы русского ученого начала XX в. Евгения Дмитриевича Поливанова, посвященные тюркским и, более широко, алтайским языкам. Собранные и проинтерпретированные автором труды позволили выявить то влияние, которое оказала на развитие науки сохранившаяся часть этих материалов. В статье показано, что этот ученый фактически стал основоположником методологических основ узбекской и, шире, тюркской диалектологии, а также заложил некоторые из основ современной сравнительно-исторической грамматики тюркских и алтайских языков. Отмечено, что именно Е.Д. Поливанов впервые в истории тюркологии установил фонологический характер долготы в туркменском языке и показал ее регулярное соответствие рефлексам первичной долготы в якутском. К статье приложен полный список работ ученого по тюркологии и алтаистике, включая несохранившиеся.

Ключевые слова: история тюркологии, алтаистика, Е.Д. Поливанов, сравнительно-историческая грамматика, тюркская диалектология.

Столкновение Е.Д. Поливанова с тюркскими языками произошло вследствие стечения ряда обстоятельств. В первые послереволюционные годы Евгений Дмитриевич продолжал профессионально заниматься японистикой, в частности японской исторической фонетикой (откуда некоторый интерес к родственным связям японского языка, в том числе к корейской исторической фонетике), а также увлекался общим языкознанием, будучи в контакте с Московским лингвистическим кружком. Таким образом, кроме проблем сравнительно-исторического языкознания его волновали проблемы типологии, в частности типологии языковых изменений, и языковых контактов как двигателя этих изменений. К тому же его политические увлечения – коминтерновская работа с «восточными инородцами» – тоже, в общем, готовили эту область занятий.

¹ Работа частично (в разделе об узбекской диалектологии) велась по гранту РФФИ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России». Более ранняя франкоязычная версия статьи опубликована как [Dybo 2013].

В августе 1921 г. Е.Д. Поливанов командирован Коминтерном в г. Ташкент, где получил должность главы Научного совета в Наркомате просвещения Туркестанской АССР. Основным направлением деятельности этого органа было создание учебников для национальных школ (в это время национальные элиты использовали в качестве письменности традиционную или модернизированную арабицу, а основная масса населения была неграмотной). Тут, естественно, возникла потребность в создании национальных орфографий, для чего надо было изучить фонетические системы языков Туркестана. С 1922 по 1930 гг. Е.Д. Поливанов сделал 18 докладов и статей по проблемам латинизации тюркских алфавитов (см. Приложение, № 1–18). Основные мысли, высказываемые в них, довольно очевидные для лингвиста: в основном по приспособлению транскрипции МФА к типографским возможностям, а также о том, что надо выработать единую основу для всех тюркских орфографий. Это была хорошая идея, однако впоследствии упущенная при создании кириллических письменностей – там был взят за основу региональный принцип, и графики Кавказа сделаны сходными независимо от того, тюркский это язык или нахско-дагестанский, то же касается Средней Азии, Поволжья и т. п. При этом тюркские фонетические системы, в особенности вокалические, увлекли Е.Д. Поливанова и как типологический феномен.

Научная обстановка в Туркестане в 1920-е гг. определяется следующим моментом. В 1918 г. в Ташкенте открылся Туркестанский народный университет, который сразу направил в центр делегацию для привлечения специалистов и получения необходимой литературы. На два года Туркестанский и Закаспийский фронты отрезали Туркестан от центра, но историко-филологический факультет Петроградского университета выделил профессоров для посылки в Туркестан. В 1920 г. они приехали – 43 профессора, 43 преподавателя и 70 вагонов оборудования и литературы (см. Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. Вып. I. Краткий исторический очерк деятельности 1-го Средне-Азиатского Университета за 5 лет (1918–1923 гг.) [Бюллетень 1923: 16–17]). В 1923 г. Туркестанский народный университет переименовали в 1-й Среднеазиатский Госуниверситет, и он начал систематически выпускать бюллетень, в котором мы находим массу статей по разным специальностям весьма высокого научного качества. Итак, можно полагать, что в Ташкенте образовалась научная среда достаточно достойного уровня, в которую и попал Е.Д. Поливанов.

Одно из главных тюркологических направлений занятий Е.Д. Поливанова – узбекский язык и узбекская диалектология.

В качестве тюрколога – создателя описательных грамматик Е.Д. Поливанов стоит на позициях тогдашней российской тюркологии, находившейся, пожалуй, на довольно высоком уровне. Можно предполагать, что он имел возможность прослушать в 1920 г. курс лекций по сравнительной грамматике тюркских языков в Лазаревском институте, читавшийся А.Н. Самойловичем; во всяком случае ряд общепринятых именно со времени этого курса тюркологических положений, на которые он ссылается в своих работах, в это время еще отсутствовал в публикациях других ученых. В частности, классификация тюркских языков, которой Е.Д. Поливанов пользуется, берется по А.Н. Самойловичу (деление на болгарскую = чувашскую группу и еще четыре более близкие между собой: условно северо-восточную, юго-восточную = карлукскую, юго-западную = огузскую и

северо-западную = кыпчакскую). С некоторыми оговорками эта классификация принята до сих пор. Что касается грамматических представлений, тюркская грамматика описывается в работах Е.Д. Поливанова так, как это было принято уже тогда у грамматистов, занимавшихся алтайскими языками: чуть раньше у Н.И. Ильминского, А.А. Бобровникова, А.Н. Самойловича, чуть позже у Н.К. Дмитриева и А.П. Поцелуевского. А именно морфема определяется дескриптивистски как «часть слова, обладающая собственным значением и повторяющаяся с тем же значением в других словах»; граница словоформы определяется по конечной границе сингармонизма в сингармонистических диалектах и по конечному ударению (за некоторыми исключениями) во всех языках; как самостоятельные грамматические классы выделяются имя и глагол; прилагательные, числительные и местоимения имеют статус семантических групп внутри «части речи» имени («подклассов», в которых существует специфическое формообразование: для прилагательных – формы усиления/ослабления признака, для числительных – порядковые формы, для местоимений – особые формы падежей и множественного числа). Это весьма продуктивный подход, с некоторых пор (похоже, что практически одновременно с переходом на кириллическую основу для советских письменностей) в ряде работ появляются попытки вернуть в тюркские грамматические описания «индоевропейско-центричную» классификацию частей речи, с выделением как самостоятельных классов прилагательного и наречия. В «Грамматике узбекского языка» А.Н. Кононова [Кононов 1948] принят компромиссный принцип: отдельный раздел для прилагательного введен и весь посвящен словообразованию, а наречий, правда, не выделяется.

Что касается изучения диалектов, тут Е.Д. Поливанов верен своим основным интересам: принцип гибридации и основополагающая роль сингармонизма для тюркской системы. Надо сказать, что созданная им классификация узбекских диалектов в общих чертах так и употребляется до сих пор и осталась непревзойденной. Действительно, с ее помощью удастся достаточно хорошо выделять узбекские диалекты в зависимости от их происхождения. Он прежде всего делит диалекты на иранизированные и неиранизированные. Главный признак иранизированных диалектов – потеря сингармонизма вследствие гибридации. «Таджикское население просто перенимало узбекские слова и узбекскую морфологию, но перекладывало весь этот запас турецких слов и форм слов на свою привычную таджикскую звуковую систему, которой оно пользовалось в то же время и в родном своем таджикском языке» [Приложение, № 53: 92]. Второе членение – по генетическим группам: на карлукские, кыпчакские и огузские.

Иранизации подверглись главным образом карлукские по происхождению диалекты (он их называет чагатайскими). Максимально иранизирована самаркандско-бухарская подгруппа говоров, она полностью повторяет таджикский вокализм:

і	u
е	o
æ	o

Морфологические следствия гибридации с таджиками: датив и локатив совпали в дативе, аккузатив и генитив совпали в аккузативе. Словарь сильно иранизирован.

Ташкентский говор менее иранизирован: система вокализма фонологически такая же, но качественно на месте [æ] выступает все-таки передний гласный [ɛ]. Реализации фонем *i*, *u*, *o* в словах, содержащих заднеязычные согласные (ср. *qir* ‘степь’ ~ *kir* ‘грязь’, *qul* ‘раб’ ~ *kul* ‘зола’, *qol* ‘рука’ ~ *kol* ‘озеро’), сильно различаются по окраске в увулярном и велярном окружении, что восходит к старому различию гласных по ряду и в конце концов к сингармонистической ситуации.

Ферганская переходная группа включает в себя три несингармонистических диалекта, но в них добавляются квазифонологические различия:

— в маргелано-кокандском диалекте заднее *a* в последнем слоге:

i		u
ɛ		o
æ	a	o

— в андижано-шерхонском диалекте *ö* и *ü*:

i	ü	u
ɛ	ö	o
æ		o

причем *ö* как будто старое, а *ü* вторично возникает, как полагает Е.Д. Поливанов, беспорядочно, вне зависимости от звуковых законов. Явление это до сих пор как следует не описано, но, судя по поливановским примерам, возможно, что *ü* возникает позиционно в контакте с палатализованными согласными: так, *üč* ‘3’ и *uč* ‘лети!’ совпали в андижано-шерхонском диалекте в *üč*.

В чартагском диалекте отмечается так называемый «уйгурский умлаут», следствие «метисации» с новоуйгурским языком, выражающееся в позиционном сужении гласных перед слогом с *i*, когда при системе

i	ü	u
ɛ	ö	o
	ä	o

происходят чередования типа *ət* ‘имя’ – *ət-i* ‘его имя’, *ät* ‘мясо’ – *ət-i* ‘его мясо’.

Четвертый диалект ферганской группы – кишлачный («деревенский») сингармонистический тип, воспринявший от таджикского только оканье, произношение *o* вместо *a* в первом слоге – *ota* ‘отец’ при общетюркском *ata*.

Сингармонистические северно-узбекские «чагатайские» диалекты – это туркестано-чимкентский и его кишлачный («деревенский») вариант. Кишлачный вариант, по мнению Е.Д. Поливанова, «метисирован» с огузским и различает первичную тюркскую долготу/краткость (*āt* ‘имя’ – *at* ‘лошадь’, *jāz* ‘лето’ – *jaz* ‘пиши’, *tūt* ‘тутовник’ – *tut* ‘держи’)².

² Следует отметить, что Е.Д. Поливанов при классификации не упоминает еще два важных признака туркестанских диалектов, свидетельствующих о «метисации»: огузский – конечный гуттуральный, восходящий к пратюркскому звонкому, устойчиво отражается как звонкий (*taɣ* ‘гора’, *taɣa* ‘к горе’), и карлукский – аблатив на *-din*. Конечно, для современного компаративиста вся совокупность упомянутых признаков говорит скорее об обратном направлении «метисации», т. е. о получении огузским в основе идиомом некоторых карлукских признаков.

Огузское наречие:

1) северно-узбекские огузские говоры – иканско-карабулакский: потеряли начальное огузское различие звонкости/глухости согласных под влиянием карлукских и кыпчакских говоров (*tirik/tīri* ‘живой’ вместо *dīri*, *kel* ‘приди!’ вместо *gel*). Сохраняют долготу и огузское озвончение: *sāriq/sāri* ‘желтый’, *ādəŋ* ‘твое имя’, *āžəq* ‘горький о чае’ (при огузском южно-хорезмском *āžə*).

2) южнохорезмские говоры, ближе всего родственные туркменскому языку. Собственно, различие между туркменами и хорезмскими огузами больше заключается не в языке, а в образе жизни: в Хорезме огузы перешли на оседлый образ жизни, а в Туркмении сохранили кочевой.

Кыпчакское наречие — это, собственно, казахи и каракалпаки, которые перешли на ирригационное земледелие, причем, по-видимому, в несколько этапов. Практически все говоры этого типа – кишлачные. Все они «джокающие» – *žol* ‘путь’ вместо общетюркского *jol* (кроме среднехорезмского говора, заменившего *ž* на *j* вторично). Особенность, отличающая их от собственно казахских говоров, – замена *e* узкого в аффиксах переднерядных словоформ (как в казахском) на *ä* широкое, как в карлукском и огузском: *atlar* ‘лошади’ – *itler/itlär* ‘собаки’; кроме того, в аффиксах отсутствует ассимиляция *-l* последней согласной корня (как в каракалпакском *atlar*, а не как в казахском *attar*). При этом сохраняются такие кыпчакские особенности как дифтонг в словах *ijt* ‘собака’, *bijt* ‘вошь’ (при огуз., карлук. *it*, *bit*); также чередование *p/w*, *k/g*, свойственное всем «собственно узбекским» (т. е. кыпчакским) говорам и как будто не свойственное «чагатайским».

Что можно на сегодняшний день сказать об этой классификации диалектов? Существенным огрехом кажется пренебрежение при классификации на огузские, кыпчакские и карлукские диалекты данными именно морфологии – только в статье 1934 г. при описании кыят-конгратского говора [Приложение, № 58] Е.Д. Поливанов упоминает генитив от притяжательной формы типа *at-īm-iŋ* ‘моего имени’ (на *-iŋ*) и не пишет, что это огузский признак. Но надо сказать, что этот признак следует учитывать не механически: устройства карлукской и огузской систем склонения таковы, что при «метисации» легко допустим переход с «огузской» системы на карлукскую, но не наоборот. Есть и другие положения, которые вызывают сопротивление: так, метисация по идее не может привести к различению первичных количеств. Но для окончательного решения этих проблем необходимо монографическое описание говора со сбором словарного материала, что до сих пор не было сделано.

Наиболее значительное открытие Е.Д. Поливанова в сравнительно-исторической грамматике тюркских языков – это, по-видимому, демонстрация рефлексов пратюркского противопоставления гласных по долготе/краткости в туркменском языке. Этой демонстрации посвящены две статьи, одна опубликована в 1924 г. [Приложение, № 82], вторая в 1927 г. [Приложение, № 83].

В первой статье, «К вопросу об обще-турецкой долготе гласных», Е.Д. Поливанов спорит с утверждением В.В. Радлова [Radloff 1882–1883: §106], который «склонен, видимо, отрицать наличие долгот в обще-турецкую эпоху на том основании, что в прочих турецких языках (кроме якутского) он находит соответствующие краткие гласные. Но это происходит, очевидно, потому, что Радлову были незнакомы *туркменские* факты». Приводится несколько примеров якутско-

туркменского соответствия по количеству, говорится, что такое соответствие высокочастотно. Приводится один случай несоответствия: в якутском долгий, в туркменском краткий (як. *a:t* 'имя', туркм. *ad*); говорится, что в якутском возможно вторичное удлинение перед старым звонким согласным, приводится фонетико-типологическое обоснование. Надо сказать, что в этом последнем примере у Е.Д. Поливанова явная ошибка записи: в туркменском 'имя' – *āt* с долгим гласным, звонкость конечного согласного проявляется в неконечной позиции (*ādi* 'его имя'). Из этого замечания можно сделать вывод, что Е.Д. Поливанов на тот момент не был знаком еще с работой В. Грёнбека, обнаружившего, по-видимому, впервые явление «огузского озвончения» как появление звонких интервокальных шумных в турецком языке после тех гласных, которым в соответствующих якутских словах соответствуют долгие [Grønbeck 1902]. Впоследствии, в работах по огузским узбекским диалектам и по классификации узбекских диалектов, т. е. после 1929 г., Е.Д. Поливанов уже хорошо знаком с явлением «огузского озвончения» и относится к нему, как к общеизвестному факту.

Вторая статья (1927) более пространная. Е.Д. Поливанов присоединяется к утверждению Н.Н. Поппе [Поппе 1925] о необходимости реконструкции количественных различий в пратюркском вокализме на основании якутско-мишарских соответствий с чувашским и свидетельств древних письменных памятников; он добавляет к этому замечания об отражении долготы в орхонском руническом тюркском (гипотеза появлялась у Фоя, см. [Foy 1900], но Е.Д. Поливанов, похоже, об этом не знает), в среднеуйгурском языке у Махмуда Кашгарского и особенно настаивает на введении в сравнение туркменского языка (считая, что там долгота отражена по всем диалектам) и северно-узбекских говоров. Приводит 15 этимологий одно- и двусложных слов со старой долготой и 7 слов со старой краткостью, представляющих минимальные пары к некоторым из 15 долготных. Полагает, что в сравнение можно ввести еще долготы, сохранившиеся в одном из наблюдавшихся им карачаевских говоров (позднейшие исследования таких свидетельств из карачаевского языка не получили); что в северном кумыкском диалекте старые долгие *ō* и *ō̄* перешли в *u*, *ü*, а краткие *o*, *ö* сохранились (позднейшими исследованиями не подтверждено); что старые долготы отражены также в Радловских (на самом деле в Кастреновских) записях из карагасского языка (сейчас полагают, что долготы в карагасских записях позиционные – удлинение широкого гласного перед узким второго слога, однако в последнее время появились противоречащие этому свидетельства из хакасских диалектов (см. [Дыбо 1986], [Дыбо 2009]), которые, может быть, подтвердят связь со старыми долготами, хотя и опосредованную). Заканчивается статья так: «Вышеприведенные примеры, конечно, – только иллюстрация соответствий, повторяющихся *passim* по всему словарному материалу. Добавлю, что в настоящее время Центроиздатом Народов Востока издается мой фонетический словарь туркменского языка, с помощью которого будет возможно, сопоставляя туркменские формы с якутскими *gesp.* мешерскими и т. д., определять количество праязыковых гласных для любого примера». Очень многообещающе, но этот словарь так и не появился.

Далее в своих диалектологических классификациях Е.Д. Поливанов, как выше было показано, уже свободно пользуется туркменскими и южнохорезмскими долготами как критерием для классификации узбекских диалектов.

До работ Е.Д. Поливанова научные записи туркменского языка мы имеем только от Н.И. Ильминского [Il'minskij 1863] и А.Н. Самойловича [Самойлович 1912], но в этих записях долгота не отмечается. Отмечена долгота в кн. А.П. Поцелуевского «Руководство для изучения туркменского языка (с приложением краткого туркменского словаря)» [Поцелуевский 1929]. Известно (по письму Поцелуевского Самойловичу в июне 1928 г., см. [Благова 2008: 253]), что Поцелуевский собирался также издавать научный словарь туркменского языка вместе с К. Бориевым. Туркменский ученый К. Бориев был директором Туркменского Института культуры, директором Туркестанского госиздательства и председателем Туркестанского госсовета по науке в 1925–1930 гг. В 1928 г. он решил, что важнее издавать практический словарь, и в 1929 г. вышел Русско-туркменский словарь за авторством А. Алиева и К. Бориева [Алиев, Бориев 1929], причем, по свидетельствам современников, основным автором был туркменский просветитель А. Алиев. В этом словаре также тщательно размечены туркменские долготы.

Тут мы должны сделать отступление относительно истории проблемы тюркских долгот.

Первым исследователем, который предложил количественную оппозицию гласных в пратюркском языке, был Отто Бётлингк [Boetlingk 1851: 159–169]. Вообще, описание якутской грамматики, принадлежащее перу этого известного индоевропеиста, послужило как бы затравкой работе по реконструкции праязыка тюркской семьи и составлению сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. О. Бётлингк сопоставлял якутские долгие гласные (и дифтонги) с долгими гласными «нижегородско-татарского», т. е. мишарско-татарского языка. Во всяком случае, для установления оппозиции по долготе на *а и *о О. Бётлингк собрал вполне релевантный материал.

В якутской грамматике мишарский материал приводится, по-видимому, по личным записям О. Бётлингка. Надо заметить, что отмеченные О. Бётлингком долготы в мишарском (соответствующие якутским) не подтверждаются позднейшими описаниями. Однако мне довелось в 1985 г. проводить пилотное аудирование рефлексов пратюркских минимальных пар по долготе у носительницы мишарско-татарского диалекта и получить любопытные результаты (более подробное исследование было невозможно по условиям записи: и исследователь, и информант лежали в инфекционной палате родильного дома). Выяснилось, что в односложных формах соответствующих лексем фонетическая разница незаметна; однако в двусложных формах они явно различаются, для русского уха различие выглядит как место ударения на первом или на втором слоге: *ат* 'лошадь' – *аты'м*, *ат* 'имя' – *а'тым*; *от* 'трава' – *оты'м*, *от* 'огонь' – *о'тым*. По-видимому, в системе этого информанта старые долгие проявляют свою долготу (воспринимаемую как ударность) перед узким гласным второго слога; старые же краткие специфической долготы не демонстрируют, и слышно стандартное тюркское ударение на конечном слоге. Конечно, эти данные нуждаются в полевой проверке.

Идея наличия древних долгот в дальнейшем не сразу получила признание. Дж. Буденц [Budenz 1865] добавлял к сопоставлениям О. Бётлингка сопоставление якутских долгот с долготами в узбекском и чувашском; как мы знаем сегодня, в узбекском следы долготы просматриваются в диалектах, в частности в огузском

хорезмском диалекте, иканском и карабулакском (хорошо описал именно Е.Д. Поливанов), но регулярных записей тогда практически не проводилось. В.В. Радлов, опиравшийся в своих суждениях о древнем состоянии тюркских языков прежде всего на данные памятников письменности и, в общем, внутренне чуждый принципам компаративистской реконструкции, предположил, что те долгие и дифтонги якутского языка, которые не восходят явным образом к стяжениям вокально-консонантных сочетаний (еще сохранявшихся, в частности, в средневековых текстах), являются продуктом вторичных изменений, вызванных необходимостью смыслового разграничения между близкими по звучанию словами (как як. *tās* 'камень' и *tas* 'наружная часть'). Это объяснение, конечно, абсолютно одиозное для компаративистики, он высказывал в [Radloff 1882–1883: §106], [Radloff 1901] (возражая К. Фою) и в [Radloff 1908]. К. Фой [Foy 1900] устанавливал пратюркскую долготу из соотношения гласных орхоно-енисейского, якутского и старотурецкого языков. Вообще, позднейшие исследования орхоно-енисейского языка не подтверждают возможности различения в записи долгих и кратких гласных; долгота в старотурецком, как в большинстве арабографических памятников, отмечается весьма несистематически. В. Грёнбек [Grønbeck 1902] возражает против реконструкции пратюркской долготы, пытаясь объяснить все случаи долготы и дифтонгов в якутском через выпадение интервокальных согласных, в одних случаях сохранившихся в других тюркских языках, в других — не сохранившихся ни в одном тюркоязычном источнике (предлагая вполне умозрительно такие развития, как як. *tüört* '4' < **iöbärttä*, як. *xān* 'кровь' < **kajan* и под.). Это решение было методологически оспорено Х. Педерсеном [Pedersen 1903]. В дальнейшем спор шел с переменным успехом, были попытки ввести в сравнение данные различных тюркских языков, которые легко было оспорить, поскольку все эти свидетельства не представляли сколько-нибудь релевантного количества сопоставлений.

По-видимому, впервые установил фонологический характер долготы в туркменском и показал ее регулярное соответствие рефлексам первичной долготы в якутском именно Е.Д. Поливанов. Затем идею подхватили М. Рясänen [Räsänen 1937] и Л. Лигети [Ligeti 1937; Ligeti 1938], которые тут же заспорили между собой о приоритете.

Л. Лигети [Ligeti 1938] писал:

«Avant de partir pour l'Afghanistan, comme je comptais y étudier le turcoman, du moins dans ses grandes lignes, je m'étais procuré l'ouvrage de A. M. Poceluevskij, intitulé *Rukovodstvo dlja izutchenija turkmenskogo jazyka* (Achkhabat, 1929). Dès que je l'ai eu entre les mains, au mois de mai 1930, j'ai communiqué à l'Institut de turcologie de l'Université de Budapest mon observation selon laquelle dans le turcoman on trouve régulièrement des voyelles longues et que celles-ci pourraient bien être en rapport avec les longues du yakoute. À l'automne de cette même année j'ai adressé d'Afghanistan a M. J. Németh une lettre où je me suis prononcé d'une façon encore plus explicite sur la liaison que je croyais voir entre les longues du turcoman et celles du yakoute. On trouve du reste les voyelles longues dans les dialectes turcomans d'Afghanistan aussi, et — autant que j'ai pu le constater — elles coïncident exactement avec les données des sources russes. Indépendamment de moi, M. Räsänen a également établi la connexion des longues turcomanes et yakoutes, ainsi que le prouve son étude

intitulée *Über die langen Vokale der Turkischen Lehnwörter im Ungarischen*, dans *FUF*, t. XXIV, pp. 246–55, qui fut publiée au printemps de 1937, mais dont je n'ai pu prendre connaissance qu'à mon retour d'Afghanistan, c'est-à-dire au cours de l'automne de cette même année. Quant au travail de M. E.D. Polivanov, *K voprosu o dolgikh glasnykh v obchtchetureckom prajazyke*, il m'est resté malheureusement inaccessible. Très vraisemblablement d'autres turcologues aussi, indépendamment les uns des autres, sont arrivés à la même conclusion à propos des longues du turcoman. Ainsi, je viens de remarquer que, dans les derniers fascicules de son grand dictionnaire yakoute, M. Pekarskij donne déjà quelques rapprochements yakouto-turcomans à voyelles longues». (AD: последнее не вполне точно: у Э.К. Пекарского в выпуске 1928 г. имеются формы, помеченные как «тюркские»: *dūz* 'соль' (может быть, и туркменское), *tōn* 'глина' (ойротское, долгота вторична), но *dört* '4' (турецкое? В туркменском *dört*) – см. [Пекарский]).

М. Ряснен в статье 1937 г. (*Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im Hungarischen*) на с. 249 рассказывает:

«Vor einigen Jahren bekam ich aus Russland ein neues russisch-turkmenisches Wörterbuch Aliev–Boriev, Ashh. 1929, das einen ziemlich sorgfältigen und zuverlässigen Eindruck macht. Unter anderem sind die langen und kurzen Vokale genau unterschieden... Je mehr ich das Buch studierte und die Längen mit den jakutischen Längen verglich, desto mehr bemerkte ich zu meiner grossen Überraschung, dass diese besonders in den einsilbigen Wörtern einander vollständig decken... Beim Korrekturlesen dieses Artickels sehe ich in den «Studien zu einer osttürkiischen Lautlehre» von Gunnar Jarring (Lund 1933) p. 44 note 3, dass auch E. D. Polivanov in seinem, leider mir nicht zugänglichen Aufsatz «К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке» eine Anzahl Wörter anführt, vor allem aus Turkmenischen (*Dialekten?*) dialekten, die er als urtürkische Längen enthaltend ansieht, also ist er in der Hauptsache zu demselben Resultat gekommen wie ich».

М. Ряснен [Räsänen 1949] пишет³: «Вопрос был решен, кажется, в положительном смысле только после появления русско-туркменского словаря Алиева – Бориева, в котором были ясно обозначены различия и благодаря которому выяснилось, что эти различия исключительно точно соответствуют различиям по долготе в якутском языке», после чего ссылается на работы Е.Д. Поливанова [Приложение, № 83], а также [Räsänen 1937] и [Ligeti 1937; Ligeti 1938]. Там же в сноске на с. 59, отвечая Л. Лигети, он пишет: «О приоритете этого открытия спорить бесполезно. Относительно примечания Л. Лигети ... я хочу заметить, что работа автора этих строк по вине типографии вышла значительно позднее, чем я ее написал. Дело в том, что многие исследователи независимо друг от друга пришли к одинаковым результатам, так что этот спорный вопрос решен теперь окончательно».

Со времени работ Л. Лигети и М. Ряснена пратюркская долгота получает статус установленного факта в научном сообществе.

Однако, с легкой руки Талата Текина, который в работе «*Determination of Middle-Turkic long vowels through 'Arūd.*» [Tekin 1967] пишет: «However, it was not until the appearance of the very instructive et inspiring article de L. Ligety, that the systematic existence of primary long vowels in Proto-Turkic was established defi-

³ Цитаты приводятся по русскому изданию [Ряснен 1953].

nately. In fact, Ligety was the first to notice the systematic preservation of the primary long vowels in another Turkic language, namely in Turkmen spoken in West Turkestan, an area far away from that of Yakut», приоритет в отношении открытия якутско-туркменского соответствия долгот установился именно за Л. Лигети.

Надо сказать, что Т. Текин еще замечает: «... Ligety was also the first who noticed the preservation of Proto-Turkic long vowels in Middle Turkic, by Kashgari».

Действительно, Л. Лигети пишет: «C'est ainsi que nous sommes arrivés à Mahmû(?û)d al-Kâşyarî, source de la plus haute importance du turc du xie siècle... J'ai été surtout frappé de l'esprit de suite de Kâşyarî dans la notation de la quantité dans les couples de mots du type *at* 'cheval' ~ *ât* 'nom'. Il groupe les mots turcs selon son modèle arabe et, par là, automatiquement, les mots à voyelle longue se trouvent rangés dans un même chapitre. Seulement, comme on sait, les mots ayant le même nombre de radicaux doivent être cherchés, selon qu'ils commencent par une voyelle ou par une consonne ou qu'ils sont des verbes ou des substantifs, etc., dans des endroits différents de son livre».

Однако и здесь Т. Текин не вполне прав в вопросе о приоритете – Е.Д. Поливанов в статье 1927 г. пишет: «...из древних памятников, кроме уйгурских и орхонских, надо назвать словарь Махмуда Кашгарского, последовательно дифференцирующий долгие и краткие».

Итак, выше уже было сказано об истории издания словаря А. Алиева и К. Бориева; кроме того, имеется следующее упоминание в статье А.Н. Самойловича «Тюркские языки» [Samo]lovitsch 1931]: «С древних пор существуют долгие гласные, которые, за исключением якутского и туркменского языков, не привлекают к себе особого внимания». Все это приводит к мысли, что действительно первым обратил внимание на важность туркменских долгот для тюркологии именно Е.Д. Поливанов, и регулярную разметку долгот в туркменских материалах начали делать после его статьи 1923 г. [Приложение, № 82], так что все-таки открытие Е.Д. Поливанова оказало влияние на развитие сравнительно-исторической тюркологии.

Другие, менее основополагающие для изучения истории тюркских языков, но все-таки вполне выдающиеся для своего времени и оставившие след работы Е.Д. Поливанова.

В статье «Идеографический мотив в формации орхонского алфавита» (1925) [Приложение, № 85] автор попытался показать, что форма буквы орхонского рунического алфавита \uparrow (= *q* в контакте с огубленными гласными) восходит к графической идее стрелы, в соответствии с тюркским названием стрелы *oq*, которое обычно записывается в орхонских текстах именно этой одной буквой. Точно так же орхонская руническая буква $D = j_i$ (и ее графические варианты в енисейских надписях O и o) представляет собой рисунок луны, и слово *aj* 'луна' пишется этой одной буквой D . Возможно также, что начертание буквы $Y(\Upsilon)$ (= s_2) связано со словом *sijiy* 'копье', написание которого начинается с этой буквы. При этом известно, что все эти три слова (*oq*, *aj*, *sijiy* > башк. *hijji*) функционируют в качестве названий башкирских тамг, так что они действительно ассоциируются с графическими образами.

Это аргумент в пользу гипотезы, что тюркская руника была изобретена собственно для тюркских сингармонистических языков. Во всяком случае, объ-

яснение происхождения первых двух рунических букв сейчас является общепринятым.

В статье «突闕 Ту-кюэ китайской транскрипции – турецкое *türkler*» (ИАН 1927) [Приложение, № 87] Е.Д. Поливанов, основываясь на системе передачи иероглифами тюркских имен в китайских версиях орхонских надписей, оспаривает принадлежащее П. Пеллио [Pelliot 1915] чтение среднекитайской транскрипции тюркского этнонима 突闕 как *türküt* и предлагает читать его как более обычную тюркскую форму мн. ч. *türkler*. По современным представлениям это сочетание иероглифов в среднекитайском чтении должно звучать как *thot-khwət* (в северо-восточном варианте среднекитайского – **thor-khwər*). Иероглифы с медиалью типа *wə* обычно все-таки передают узкий огубленный гласный, поэтому гипотеза Е.Д. Поливанова, что второй иероглиф передает тюрк. **klär* со свойственным китайским транскрипциям упрощением сочетания согласных, не совсем хороша. Далее, Е.Д. Поливанов совершенно прав, что в среднекитайском диалекте, который послужил базой для ранних тюркских транскрипций (т. е. в северо-восточном), древнекитайская финаль *-t* звучала как *-r*; но это не противоречит многочисленным случаям передачи с ее помощью конечнослогового *-t*: эти два завершения слога, видимо, в транскрипции просто не различались. Наконец, главный аргумент Е.Д. Поливанова, что *-t* – монгольское окончание мн. ч. (так думал и П. Пеллио), и потому вряд ли могло попасть в орхонские надписи, теперь может быть отброшен: в древнетюркском языке имеется достаточно свидетельств употребительности этого окончания (см. [Erdal 2004]).

В статье «К этимологии тур. *ev* ‘дом, юрта’» (1934) [Приложение, № 89] Е.Д. Поливанов правильно восстанавливает праформу тюркского слова как **eb* и предполагает, что оно заимствовано из др.-кит. 邑 *ʔip*, совр. *yì* ‘город’. При этом он полагает, что из того же древнекитайского источника заимствовано древнеяпонское *ipe*, совр. *ie* ‘дом’. Однако семантика древнекитайского слова (‘город, столица, поселение’) не особенно согласуется с тюрк. **eb* ‘дом, в особенности переносной дом, юрта’; такое соотношение значений возможно при общем происхождении (ср.: праиндоевропейское **kat-* ‘хижина’ > персидское *kad* ‘Haus’, кимр. *cader* ‘saertum, castrum, locus munitus’; древнеирланд. *cathir* ‘Stadt’ [WP I: 338]), но не при заимствовании. То же касается и отношений китайского слова с японским; кроме того, при гипотезе о китайском заимствовании не объясняется надежно конечная гласная в древнеяпонском (по современным представлениям – дифтонгического происхождения: праяп. **(d)ipia*). Однако предположениями о заимствовании общеалтайской лексики из древнекитайского злоупотреблял в этот и чуть более поздний период и признанный «отец алтаистики» Г. Рамstedт; работа Е.Д. Поливанова отличается здесь несколько большим вниманием к обоснованию гипотезы.

Наконец, обратимся к собственно алтаистическим работам Е.Д. Поливанова⁴. Из его собственных замечаний, разбросанных по различным статьям, можно заключить, что у него, по крайней мере, имелись значительные подборки этимоло-

⁴ Мы не касаемся здесь общетеоретических и типологических идей Е.Д. Поливанова, которые внесли ряд интересных мыслей, в частности, в изучение агглютинации и языковых контактов.

гических предложений алтайского уровня, иллюстрировавшие различные фонетические соответствия. Дошли до нас написанными только две работы.

Первая опубликована, это «К вопросу о родственных отношениях корейского и “алтайских” языков» (1927) [Приложение, № 102]. Здесь он демонстрирует ряд типологических сходств между корейским и «континентальными» алтайскими языками, а затем приводит 15 этимологических сближений, иллюстрирующих соответствия алтайских плавных. Надо сказать, что все эти сближения, в частности, попали в исследования Г. Рамстедта по корейской этимологии (с конца 40-х гг.) и сохранились в позднейшей литературе, кроме двух: тюрк. **kūr* ‘осень’ – кор. *kjeul* ‘зима’ и тюрк. **kūl* ‘зима’ – кор. *kaul* ‘осень’. Г. Рамстедт доказал, что в этих корейских словах в древнекорейский период было в середине слова впоследствии выпавшее **h*, что затрудняет их сопоставление с тюркскими. Надо отметить, что во время написания поливановской статьи Г. Рамстедт еще не причислял корейский язык к алтайским, так что и здесь работа Е.Д. Поливанова несколько опережает свое время; в ней также приводятся и японские сближения. Японский язык Е.Д. Поливанов считал «амальгамированным» из алтайских и австронезийских элементов; до некоторой степени такое воззрение сохраняется и сейчас.

Вторая алтаистическая статья Е.Д. Поливанова «Турецко-монгольское соответствие *a:/i*» [Приложение, № 103] нашлась в 2008 г. в пражском архиве Романа Якобсона (ранее внутри Архива Чехословацкой Академии наук, теперь в Музее чешской литературы – *Ramátník národního písemnictví*); случайно⁵ она оказалась вложена в единицу хранения к образцам акцентуации тосаского диалекта японского языка («Материалы по ударению говора Тоса»)); опубликована в 2010 г. [Поливанов 2010].

Собственно, соответствие (обеспечивающее еще палатализацию начального согласного в чувашском: тюрк. **tīāl*, чув. *čol*, туркм. *tāš*, монг. *čilayun*, тунг. *žolo* ‘камень’ и под.), как и интерпретация его как праалтайского дифтонга **ia*, выдвигалось в статье [Владимирцов, Поппе 1924] (повторено в [Владимирцов 1929: 146, §79], на что ссылается Е.Д. Поливанов), но Е.Д. Поливанов предполагает это соответствие только для тюркского долгого, из чего делает вывод, что долгий происходит из дифтонга путем стяжения. Идея, что дифтонгичность и есть источник долготы (или наоборот, что долгота дала в чувашском дифтонгизацию) появляется по отношению к этому соответствию впервые у Дж. Буденца [Budenz 1865]. Она высказана также у Л. Лигети в вышерассмотренной работе [Ligeti 1937; Ligeti 1938], и в западной тюркологической литературе она фигурирует до сих пор. Направление развития принимается в зависимости от принятия/непринятия алтайского родства (если не принимается, то считают дифтонгизацию долгого гласного внутричувашским явлением, а монгольские соответствия с *i* – интерпретацией при заимствовании из тюркского языка болгарского типа). Теперь, когда имеется возможность установить пратюркское количество для большого объема слов, легко показать, что этот дифтонг бывает и кратким,

⁵ Рукопись статьи – на пустых типографских бланках каких-то финансовых ведомостей с пометой «193_», т. е., писалась уже в 30-е гг.; ее конец написан на обороте последнего листа рукописи «Образцы акцентуации японских диалектов. Диалект Тоса». Поэтому, естественно, при беглом просмотре ее трудно было отделить от этой рукописи.

и долгим (ср.: ПТ **Kiān* ‘кровь’, туркм. *Gān*, хал. *qān*, сал. *Ga(:)n*, як. *xān*, чув. *jon*; ПТ **Kiār* ‘снег’, туркм. *Gār*, як. *xār*, чув. *yor*; ПТ **diāl* ‘камень’, туркм. *dāš*, хал. *tāš*, як. *tās*, чув. *čol*; но ПТ **Kiaři* ‘брюшной жир’, як. *qaha*, чув. *yor-var* ‘скоромная пища’; ПТ **iak-* ‘течь’, туркм. *aq-*, чув. *jox-*). Кроме того, есть случаи, когда вполне надежному пратюркскому **ā* соответствует чув. *o* без всякой палатализации: ПТ **Kār* ‘гусь’, туркм. *Gāz*, як. *xās*, чув. *xor*; ПТ **dāla-* ‘кусать’, туркм. *dāla-*, чув. *tola-*, гесирг. *tola-š-*. Таким образом, количество и дифтонгическое качество – два независимых признака в пратюркском и далее в праалтайском, но во времена Е.Д. Поливанова этот вопрос еще не мог быть разрешен по причине отсутствия больших этимологизированных объемов тюркской и алтайской лексики.

Делая выводы, можно сказать, что Е.Д. Поливанов проявил себя в качестве тюрколога тем, что заложил, во-первых, фактические и методологические основы узбекской и, шире, тюркской диалектологии, во-вторых, заложил некоторые из основ современной сравнительно-исторической грамматики тюркских и алтайских языков. К сожалению, многие из его работ утеряны. В частности, собранные и проинтерпретированные им фактические материалы, и я надеюсь, что мне удалось показать, какое действие оказала на развитие науки сохранившаяся часть этих материалов. Можно только гадать о том, насколько быстрее двигалось бы это развитие, если бы все работы Е.Д. Поливанова влились в мировой научный процесс.

Приложение

Работы Е.Д. Поливанова по тюркологии и алтаистике⁶

1. Тюркские графические системы

А. Работы, дошедшие до нас:

1. Тезисы доклада проф. Е.Д. Поливанова о реформе узбекской орфографии // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 1. – С. 13–14.
2. Проблема латинского шрифта в турецких письменностях. (По поводу нового якутского алфавита, азербайджанской азбуки *jeni jol* и узбекского алфавита, санкционированного 2-м Съездом Узб. раб. просвещения). – М., 1923. – 20 с. (Нар. ком. нац. ин-т востоковедения в Москве, Серия турецких языков, вып. III), 1 л. [стеклогр. изд.].
3. Новая казак-киргизская (Байтурсуновская) орфография. Спорные вопросы киргизской графики и орфографии // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1924. – № 7. – С. 35–43.
4. Проект латинского шрифта узбекской письменности // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1924. – № 6. – С. 158–159.
5. Проекты латинизации турецких письменностей СССР. К Туркологическому съезду II. – Ташкент, 1926.
6. Стенографический отчет первого пленума Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита, заседавшего в Баку с 3-го по 7 июня 1927 г. – М., 1927. – С. 78–83, 143–146.

⁶ Мы пользовались в качестве библиографического источника книгами [Ларцев 1988: 314–319] и [Поливанов 1968: 32–45]. См. также [Dandová 1995].

7. О буквах *к* и *q* // Культура и письменность Востока. Кн. III. – Баку, 1928. – С. 52–53.
8. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. Кн. 23–24. – 1928. – С. 314–330.
9. Выступление на заседаниях по унификации алфавита пленума Всесоюзного ЦК по проведению Нового Тюркского Алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. I. – М., 1928. – С. 120, 124, 125, 127, 129, 130, 133.
10. Стенографический отчет третьего пленума Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского алфавита, заседавшего в Казани от 18-го по 23-е декабря 1928 г. – Казань, 1928. – С. 132–134, 158–159.
11. Стенографический отчет второго пленума ВЦК Нового Тюркского Алфавита, заседавшего в г. Ташкент с 7 по 12 января 1928 г. – Баку, 1929. – С. 46–47, 96–99, 178–182.
12. Речь на научно-орфографической конференции // Стенографический отчет научно-орфографической конференции, созданной 2–4 июня 1929 г. – Кзыл-Орда, 1929. – С. 102–109.
13. За марксистское языкознание (Сборник популярных лингвистических статей). – М., 1931. – 184 с. [Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР (С. 95–116)].

*Б. Ненайденные работы*⁷:

14. [Доклад о латинском алфавите как факультативном средстве узбекской письменности] на Втором съезде узбекских работников просвещения в Ташкенте. – 1922. – см. № 5, с. 4.
15. [Доклады о лингвистической переписи Туркестана] на заседаниях ГУСа при Наркомпросе Турк. АССР 20.II.1923 и 6.III.1923 // Бюллетень Наркомпроса Туркеспублики. – № 2, 20.III.1923. – С. 14; № 3, 5.IV.1923. – Л. 14.
16. [Доклад о фонетических предпосылках тюркских алфавитов] (планировался для I Тюркологического съезда). – 1924. – Из воспоминаний А.К. Боровкова, 1962 (Архив Леонтьева).
17. О лингвистической переписи [Туркестана] / Доклад на заседании ГУСа. 1923.– Е.Д. Поливанов 1968, с. 17.
18. [Оценка перспектив, имеющихся у разных национальных алфавитов (на почве общего письма и общего языка)]. Работа по заказу Ассоциации востоковедения. 1923 (?). – см. № 5.

II. Тюркская грамматика

А. Работы, дошедшие до нас:

19. Тезисы доклада проф. Е.Д. Поливанова «О принципах построения турецкой грамматики» // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 1. – С. 12.
20. Фонетические особенности касимовского диалекта // Институт востоковедения в Москве. Серия турецких языков. Вып. I. – М., 1923.
21. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка // Труды Хорезмской экспедиции. – Ташкент, 1933. – 27 с.

⁷ Здесь и далее в такой рубрике через тире дается источник, сообщивший о существовании работы.

22. [Рец. на:] G. Jarring. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre // Советская наука и техника. – 1934. – № 1–2. – С. 147–154.
23. Перечень согласных фонем ганджинского говора азербайджанского языка [рукопись, 14 с., в Архиве Чехословацкой Академии наук, ныне в Музее чешской литературы – Památník národního písemnictví].

Б. Ненайденные работы:

24. [Доклад] О принципах построения турецкой грамматики. – Ташкент, 1921. Рукопись. – (Архив Ларцева). Тезисы см. № 19.
25. Туркменская грамматика. Предложена к печати в акционерное общество «Туркпечать». – 1925. – См. № 35, с. 4 обложки. Фрагменты в Музее чешской литературы – Památník národního písemnictví.
26. Грамматика азербайджанского языка (совместно с Гасановым). Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. 7–10 п. л. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 58 (14.III.1929); см. *Леонтьев А.А.* Е.Д. Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983. – С. 16.
27. Грамматика казахского [= казахского] языка. Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 58 (14.III.1929).
28. Вокализм азербайджанского языка. – 1931. – [Поливанов 1968: 106].
29. Вокализм ганджинского говора (совместно с Гасановым). – Конец 1929. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 23.
30. Фонетический словарь туркменского языка. Принят к печати Центриздатом народов Востока. – 1927. – См. № 83, с. 153.
31. Туркмено-русский и русско-туркменский словарь. Подготовлен в РАНИОН. – 1926–1928. – Архив РАН-Г, л. 23; см. [Леонтьев 1983].
32. [Доклад на подготовительном к Татарской языковой конференции собрании в Московском доме татарской культуры]. – Весна 1929. – Музей чешской литературы – Památník národního písemnictví, пл. 3.
33. Казахский язык среди языков мира. Статья. на каз. яз. Находилась в печати. – 1930–1931. – ЦГАЛИ, ф. 562, оп. 1, ед хр. 669, л. 5.
34. Образцы фонетических систем современного уйгурского языка. – (Архив Ларцева).

III. Узбекская грамматика

А. Работы, дошедшие до нас:

35. Введение в изучение узбекского языка (пособие для самообучения), вып. 1. Краткий очерк узбекской грамматики. – Ташкент, 1925. – 97 с.
36. Введение в изучение узбекского языка (пособие для самообучения), вып. 2. Тексты для чтения. – Ташкент, 1926. – 132 с.
37. Краткая грамматика узбекского языка. – Ташкент–М., 1926. – 123 с.
38. Краткий русско-узбекский словарь, – [Ташкент], 1926. – 218 с.
39. Введение в изучение узбекского языка (пособие для самообучения), вып. 3. Тексты для чтения. – Ташкент, 1927. – 187 с.
40. Этнографическая характеристика узбеков, вып. 1. Происхождение и наименование узбеков. – Ташкент, 1926. – 31 с.
41. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. – Ташкент, 1933. – 182 с.

42. Тетрадь с отрывком работы об узбекском языке [пагинация 033–044, на обложке написано: 3-я тетрадь. (Ленинград)].

Б. Ненайденные работы:

43. Полная грамматика узбекского языка. Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. 7–10 п. л. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 58 (14.III.1929).
44. Практический словарь узбекского языка (Русско-узбекский). Предложен к печати в Иннарвос – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 49 (23.VIII.1927).
45. Русско-узбекский «грамматический» словарь (на 10 тыс. основ). Неосуществленная (?) работа. – См. № 41, с. 3.
46. Узбекская хрестоматия. Предложена к печати в акционерное общество «Туркпечать». – 1925. – См. № 35, с. 4 обложки.
47. Узбекско-русский словарь. Предложен к печати в акционерное общество «Туркпечать». – 1925. – См. № 35, с. 4 обложки.
48. Материалы по грамматике узбекского языка. Т. 2. Фонетика; Т. 3 Морфология (Словоизменение). Подготовлены для издания УзНИИЯЛ. 6 п. л. – (Архив Леонтьева; Архив Ларцева).
49. Научная грамматика узбекского языка. Плановая работа 1931 г. 10 п. л. Срок выполнения – III.1933. Выполнена частично. – Самаркандский областной государственный архив, ф. 521, оп. 1, ед. хр. 42, л. Программа по научной грамматике публикуется выше, с. 92–94.
50. [Статья] История эволюции узбекского языка. – 1936. – *Поливанов Е.Д.* К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского языка. Рук., л. 51 (ЛО Архива РАН).

IV. Узбекская диалектология

А. Работы, дошедшие до нас:

51. Звуковой состав ташкентского диалекта // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 1. – С. 17–19.
52. Образцы фонетических записей ташкентского диалекта // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1924. – № 4. – С. 87–90.
53. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка // Доклады АН СССР. [Серия] В.Л. – 1928. – № 5. – С. 92–96 [I. Каршинский говор (город Бегбуди)]; № 14. – С. 306–312 [II. Вокализм говора гор. Самарканда (Глава из описания двуязычной системы)]; № 15. – С. 318–323 [III. Самаркандский говор].
54. Exemples de parlers iranisés de la langue uzbek // II Concilio, fol. 1928. – P. 92–96.
55. Exemples de parlers iranisés de la langue uzbek. II // II Concilio, fol. 1928. – P. 306–12.
56. Образцы не-иранизованных (сингармонических) говоров узбекского языка. I. Говор города Туркестана. II. Фонетическая система говора кишлака Икан (Туркестанский уезд) // ИАН СССР. Серия VII. Отделение гуманитарных наук. – 1929. – № 7. – С. 511–537.
57. Казак-найманский говор // ИАН СССР. – 1931. – № 1. – С. 93–111.
58. Говор кишлака Кыят-Конграт Шаватского района (в Хорезме) // Сборник научных трудов [Узб. НИИ культурного строительства], 1, 2. Труды лингвистического сектора. – Ташкент, 1934. – С. 3–17.

59. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. (К современной стадии узбекского языкового строительства). – [Ташкент], 1933. – 45 с.
60. Материалы по грамматике узбекского языка. Вып. 1. Введение. – Ташкент, 1935. – 48 с. [с приложением схемы классификации узбекских говоров].

Б. Ненайденные работы:

61. Краткий очерк узбекских говоров Хорезма. Статья, посланная в ДАН А.Н. Самойловичу. – 1930. – Письмо Поливанова Самойловичу, см. [Благова 2008 (29.X.1930)].
62. Маргеланский говор узбекского языка. – (Архив Леонтьева).
63. Материалы по узбекской диалектологии. – 1931. Рук. Ок. 50 п. л. Были посланы в Институт языка и мышления. Судьба их неизвестна. – Из воспоминаний А.К. Боровкова, 1962 (Архив Леонтьева).
64. Морфологические особенности опорных диалектов узбекского языка (совместно с И.А. Батмановым). – 3 п. л. – (Архив Ларцева).
65. Образцы ферганских говоров: андижанского и кокандского. Работа, предложенная к печати в Иннарвос. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 48 (23.VIII.1927).
66. Об узбекских диалектах. Доклад в Иннарвос. – 1926/27. – Уч. зап. Иннарвос, с. 240.
67. Общая характеристика «собственно узбекских», или так называемых «кыпчацких» говоров узбекского языка. Работа, предложенная к печати в Иннарвос. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 49 (23.VIII.1927).
68. [О диалектах Причирчикского края]. Рук. – 1924. – Из воспоминаний А.К. Боровкова. Рукопись может находиться в отчетах комиссии в делах Средазбюро.
69. Генезис иранизированных узбекских говоров. – 1933–1935. – (Архив Ларцева).
70. Говор ферганских кыпчаков. – (Архив Ларцева).
71. Диалектологический [и этимологический] словарь узбекского языка. – 1925. – 15–17 п. л. – Письмо Поливанова Самойловичу, см. [Благова 2008]. Часть его составлял «Фонетический словарь туркестанского говора» (Архив РАН).
72. Сборник фонетических записей по опорным говорам [узбекского языка?]. – 5 п. л. – (Архив Ларцева).
73. Словарные материалы и тексты по говорам Хорезма. – 1931. – Около 20 п. л. – Часть в Музее чешской литературы – Památník národního písemnictví, пл. 4.
74. Ташкентский диалект (Материалы по лингвистической переписи Туркестана. № 4. Турецкая серия). Предложена к печати через ГУС Наркомпроса Турк. АССР в ГИЗ. – V.1923. – 7–8 п. л. – ЦГА УзССР, л. 117. Работа включала: 1) тексты, 2) фонетику и 3) морфологию; видимо, частично опубликована.
75. Тексты ташкентского, самаркандско-узбекского и других узбекских говоров. Предложены к печати в Иннарвос. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 49 (23.VIII.1927).
76. Узбекский и таджикский говоры города Самарканда. Предложены к печати в Иннарвос. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 48 (27.VIII.1927).
77. Умлаутные говоры узбекского языка (уйгурско-узбекское языковое соответствие). – (Архив Ларцева).
78. Фонетический словарь турецких наречий Туркестана (или Фонетический словарь туркестанского говора; Диалектологический словарь узбекских говоров). Предложен к печати в Иннарвос. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 48

- (23.VIII.1927); *Абдулина Э.Ш.* Е.Д. Поливанов и теория обучения грамоте (из неопубликованного наследия) // *Русский язык в киргизской школе.* – 1977. – № 5. – С. 27 (из письма ГУСа Е.Д. Поливанову, 27.1.1925).
79. [Хивинские материалы]. Начало 30-х гг. – Из переписки с Р.О. Якобсоном (Музей чешской литературы – *Památník národného písennictví*, пл. 3).
80. Семинарий по турецким языкам. Чтения диалектологические. Для аспирантов 2 курса Иннарвос. – 1927/28. – Архив РАН, ф. 677, оп.1, д. 12, л. 82 (письмо Е.Д. Поливанова).

V. История языка и этимология

А. Работы, дошедшие до нас:

81. Причины происхождения Umlaut'a // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. – Ташкент, 1923. – С. 120–123.
82. К вопросу об обще-турецкой долготе гласных // Бюллетень 1 Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1924. – № 6. – С. 157.
83. К вопросу о долгих гласных в обще-турецком праязыке // Доклады АН СССР. [Серия] В. – 1927. – № 7. – С. 151–153.
84. Question des voyelles longues en proto-Turc // II Concilio. – 1927.
85. Идеографический мотив в формации орхонского алфавита. [Гипотеза о происхождении орхонских букв: *U, J (U, Y), u (ᠮ)*] // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1925. – № 9. – С. 177–181.
86. Дальневосточные термины орудий письма // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 гг.). – Ташкент, 1923. – С. 116–119.
87. О происхождении названия Ташкента // В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С. 395–400.
88. 突闕 Ту-кюэ китайской транскрипции – турецкое *türkler* // Известия Академии наук СССР. Серия VI. – Л., 1927. – Т. XXI. – № 7–8. – С. 691–698.
89. К этимологии турецкого *uj, oj* ‘дом, юрта’ // Сборник научных трудов [Узб. НИИ культурного строительства], 1, 2 (Труды лингвистического сектора). – Ташкент, 1934. – С. 85–88.

Б. Ненайденные работы:

90. [Доклад о долготях в туркменском языке] на заседании Туркестанского отделения РГО. – Новый Восток. – 1924. – № 5. – С. 411.
91. Историческая фонетика турецких языков. Монография, подготовленная к печати. – См. № 86, с. 115.
92. Историческая фонетика чувашского языка. Курсы для аспирантов РАНИОН (1926–1928) и Иннарвос (1927/28). – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 23; Архив РАН, ф. 677, оп.1, д. 12, л. 82 (письмо Е.Д. Поливанова).
93. Курс сравнительной грамматики тюркских языков. Просеминарий для аспирантов Иннарвос. – 1926/27. – Архив РАН, ф. 677, оп.1, д. 12, л. 4 (письмо Е.Д. Поливанова).
94. Сравнительное изучение турецких языков. Семинарий для аспирантов РАНИОН (1927/28) и Иннарвос (1928/29). – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 23; Уч. зап. Иннарвос, с. 246.

95. Чтение орхонских надписей. Просеминарий для аспирантов Иннарвос. – 1926/27. – Архив РАН, ф. 677, оп.1, д. 12, л. 70 (письмо Е.Д. Поливанова).
96. Семинарий по турецким языкам. Чтение памятников древних турецких языков. Для аспирантов 2 курса Иннарвос. – 1927/28. – Архив РАН, ф. 677, оп.1, д. 12, л. 82 (письмо Е.Д. Поливанова).

VI. Тюркский фольклор

А. Работы, дошедшие до нас:

97. Татарская народная версия «Шемякина суда» // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 гг.). – Ташкент, 1923. – С. 103–105.
98. Манас // Литературная Киргизия. – 16. II. 1936.
99. О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других «алтайских» народностей. Рукопись в Архиве АН Киргизстана (Бишкек).

Б. Ненайденные работы:

100. Несколько узбекских суеверий как материал для сравнительного анализа религиозных верований. Предложена через ГУС Нарком-проса Турк. АССР в ГИЗ. – V. 1923. – 1,5 п. л. – Из письма ГУСа Е.Д. Поливанову, 27.1.1925 (ЦГА Узбекистана, л. 117); *Абдулина Э.Ш.* Е.Д. Поливанов и теория обучения грамоте (из неопубликованного наследия) // Русский язык в киргизской школе. – 1977. – № 5. – С. 27.

VII. Алтайская теория

А. Работы, дошедшие до нас:

101. Гласные корейского языка. I – Современное произношение гласных. II – Происхождение современных корейских гласных // Восточный сборник, кн. II. – Пг., 1916. – С. 344–348.
102. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // Известия Академии наук СССР. Серия VI. – Л., 1927. – Т. XXI. – № 15–17. – С. 1195–1204; переиздано в [Поливанов 1968: 156–164].
103. Турецко-монгольское соответствие *a:i* (в Музее чешской литературы – *Ramátník národního písemnictví*, пл.: видимо, случайно вложено в единицу хранения к Образцам акцентуации тосаского диалекта японского языка – *Japonskije akcentuivovanija. Těksty, rkp., 53 II, 8*).

Б. Ненайденные работы:

104. О родстве корейского и урало-алтайских языков (или Тождество корейского языка с урало-алтайскими; О принадлежности корейского языка к «алтайским»). Доклады в Иннарвос и РАНИОН. – 1926/27. – Уч. зап. Иннарвос, с. 240; Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 23 (П.); [Поливанов 1968: 20]. Видимо, легли в основу статьи № 102.
105. Сравнительные штудии по грамматике алтайских языков. Курс для аспирантов РАНИОН. – 1926–1928. – Личное дело Е.Д. Поливанова, л. 23; [Поливанов 1968: 20].

Литература

- Алиев, Бориев 1929 – *Алиев А., Бориев К.* Русско-туркменский словарь. – Ашхабад, 1929. {*A. Aliyev, K. Boriyev.* Russian-Turkmen dictionary. – Ashkhabad, 1929.}
- Благова 2008 – Александр Николаевич Самойлович. Научная переписка. Биография / Сост., автор статей и библиографии *Г.Ф. Благова.* – М., 2008. {*Aleksandr Nikolayevich Samoylovich.* Scientific correspondence. Biography / Edition, articles and bibliography by *G.F. Blagova.* – Moscow, 2008.}
- Бюллетень 1923 – Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. Вып. I. – Ташкент, 1923. {*Bulletin of the 1st Central Asian State University.* Issue 1. – Tashkent, 1923.}
- Владимирцов 1929 – *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. – Л., 1929. {*B.Ya. Vladimirtsov.* A comparative grammar of Mongol literary language and the Khalkha dialect. Introduction and Phonology. – Leningrad, 1929.}
- Владимирцов, Поппе 1924 – *Владимирцов Б.Я., Понне Н.Н.* Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // ДАН, В., апрель–июнь, 1924. {*B.Ya Vladimirtsov, N.N. Poppe.* From the sphere of vocalism of Mongol-Turkic protolanguage // DAN, V., Comptes rendus de l'Académie des Sciences de Russie, april–june, 1924.}
- Дыбо 1986 – *Дыбо А.В.* К вопросу о хакасской просодии // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. – Новосибирск, 1986. {*A.V. Dybo.* To the question of Khakass prosody // Phonology of languages of Siberia and neighbouring regions. – Novosibirsk, 1986.}
- Дыбо 2009 – *Дыбо А.В.* Судьба «первичных» долгот в тюркских языках // В.А. Виноградову – 70 лет. – М., 2009. {*A.V. Dybo.* The fate of so-called primary vowel length in Turkic languages // Devoted to V.A. Vinogradov's 70th anniversary. – Moscow, 2009.}
- Кононов 1948 – *Кононов А.Н.* Грамматика узбекского языка. – Ташкент, 1948. {*A.N. Kononov.* Grammar of the Uzbek language. – Tashkent, 1948.}
- Ларцев 1988 – *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. {*V.G. Lartsev.* Yevgeniy Dmitriyevich Polivanov. Pages of life and activity. – Moscow, 1988.}
- Пекарский – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Т. I–III (фототип. изд.). {*E.K. Pekarskiy.* Dictionary of the Yakut language. Volumes 1–3 (a phototype edition).}
- Поливанов 1968 – *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. {*E.D. Polivanov.* Articles on general linguistics. – Moscow, 1968.}
- Поливанов 2010 – *Поливанов Е.Д.* Турецко-монгольское соответствие *a: // i //* Урало-алтайские исследования. – 2010. – № 1 (2). – С. 105–109. {*E.D. Polivanov.* Turkic-Mongolic correspondence *a: // i //* Ural-Altai Studies. – 2010. – No. 1 (2). – PP. 105–109.}
- Поппе 1925 – *Понне Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам // ИРАН. – 1925. – IV. – С. 405–426. {*N.N. Poppe.* The Chuvash language and its relation to the Mongol and Turkic languages // IRAN. – 1925. – IV. – PP. 405–426.}
- Поцелуевский 1929 – *Поцелуевский А.П.* Руководство для изучения туркменского языка (с приложением краткого туркменского словаря). – Ашхабад, 1929. {*A.P. Potseluyevskiy.* A manual for studying the Turkmen language (with a concise dictionary of Turkmen language). – Ashkhabad, 1929.}
- Рясянен 1953 – *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М., 1953. {*M. Räsänen.* Data on historical phonology of Turkic languages. – Moscow, 1953.}
- Самойлович 1912 – *Самойлович А.Н.* Туркменские заговоры // Живая старина. – 1912. – Год XXI. – Вып. 1. {*A.N. Samoylovich.* Turkmen folk charms // Zhivaya Starina (Living Antiquity). – 1912. – Year XXI. – Issue 1.}
- Boetlingk 1851 – *O. Boetlingk.* Über die Sprache der Jakuten. – SPb., 1851.
- Budenz 1865 – *Budenz J.* Khivai tatárság // NyK, IV, 1865.
- Dandová 1995 – *Literární Archiv Památníku Národního písemnictví v Praze.* Roman Osipovič Jakobson (1896–1982). Soupis osobního fondu. Zpracovala Marta Dandová. – Praha, 1995.
- Dybo 2013 – *A. Dybo.* Les recherches turcologiques de Polivanov. Les travaux turcologiques et altaïstiques de E.D Polivanov // Archambault, Sylvie & Sergueï Tchougounnikov, eds., Evgenij Polivanov: penser le langage au temps de Staline. – Paris, Institut d'Études Slaves, 2013. – PP. 218–233, 274–289.

- Erdal 2004 – *M. Erdal*. A Grammar of Old Turkic. – Leiden: Brill, 2004.
- Foy 1900 – *K. Foy*. Türkische Vocalstudien, besonders das Köktürkische und das Osmanische betreffend. – *MSOS, WS*: 180–217.
- Grønbeck 1902 – *V. Grønbeck*. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. – København, 1902.
- Ilminskij 1863 – *N.I. Ilminskij*. Über die Sprache der Turkmenen // *Mélanges Asiatiques*. IV (1860–1863). – St.-Petersbourg, 1863. – S. 63–74 (русский перевод – в: *Вопросы языкознания*, 2005, № 6).
- Ligeti 1937 – *Ligeti L.* A török hosszú magánhangzók // *MNy XXXIV*, 1938. – S. 65–76.
- Ligeti 1938 – *L. Ligeti*. Les voyelles longues en Turc // *JA*, 1938. – PP. 177–204.
- Pedersen 1903 – *H. Pedersen*. Türkische Lautgesetze // *ZDMG*, 1903. – Bd. 57, H. 3.
- Pelliot 1915 – *P.A. Pelliot*. L'Origine de T'ou-kiue; nom chinoise des Turks. – T'oung Pao, 1915. – P. 689.
- Radloff 1882–1883 – *W.W. Radloff*. Phonetik der nördlichen Türksprachen. – Leipzig, 1882–1883.
- Radloff 1901 – *W.W. Radloff*. Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. – Spb., 1901.
- Radloff 1908 – *W.W. Radloff*. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. – Spb., 1908.
- Räsänen 1937 – *Räsänen M.* Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im Ungarischen // *FUF XXIV*. – S. 246–255.
- Räsänen 1949 – *Räsänen M.* Materialien zur Lautgeschichte der Türkischen Sprachen. – Helsinki, 1949 (русский перевод – [Рясянен 1953]).
- Samojlowitsch 1931 – *Samojlowitsch A.N.* Türkische Sprachen // *Enzyklopädie des Islam*. – Leipzig, 1931. – Bd. IV. – S. 956–963.
- Tekin 1967 – *Tekin T.* Determination of Middle-Turkic long vowels through 'Arūd. – AOH, 1967.
- WP – *A. Walde*. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen / Hrsg. u. bearb. von J. Pokorny. – Bd. I–III. – B.; Lpz., 1926–1932.

E.D. POLIVANOV'S TURKOLOGICAL RESEARCHES

A.V. Dybo

Moscow

In the article are analyzed some still unknown works of Russian scholar of the beginning of the XXth century – E.D. Polivanov – devoted to Turkic and, widely – Altaic languages. His works, just collected and comprehended by the author, helped us to detect the great influence of them (even the rest of them, still available for the modern science) over the field of science. It is also shown that the scientist was, firstly, the founder of factual and methodological basics of Uzbek, and wider – Turkic dialectology, and secondly – the founder of contemporary comparative and historical grammar of Turkic and Altaic languages. The author highlights, that it was E.D. Polivanov, who was the first in the phonological ascertainment of vowel length in the Turkmen language and showed its regular correspondence with reflexes of the primary length in Yakut (Sakha). The entire list of E.D. Polivanov's works, including the lost ones, is subjoined to the article.

Key words: history of Turkology, Altaistics (Altaic studies), E.D. Polivanov, comparative and historical grammar, Turkic dialectology.

Dybo Anna Vladimirovna – PhD, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Uralic and Altaic Languages of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; e-mail: adybo@mail.ru.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: **РАССАДИН В.И. КАРТИННЫЙ СЛОВАРЬ СОЙОТСКОГО ЯЗЫКА¹**

Х.Ч. Алишина

г. Тюмень

Резюме: Статья представляет собой рецензию на «Картинный словарь сойотского языка» известного ученого, профессора В.И. Рассадина. Раскрываются особенности построения словаря, подачи материала, рассказана история его создания. Подчеркивается уникальный вклад ученого в сохранение и развитие исчезающих бесписьменных языков коренных малочисленных народов Южной Сибири.

Ключевые слова: словарь, сойотский язык, коренные малочисленные народы, В.И. Рассадин.

Доктор филологических наук, профессор В.И. Рассадин (1939–2017) посвятил свою жизнь изучению живых монгольских и тюркских языков и их диалектов. Он совершил многочисленные экспедиционные поездки в места расселения носителей этих языков и диалектов на территории России (Бурятия, Хакасия, Горный Алтай, Тува, Иркутская область), в Киргизской ССР, в Монголии и Китае, что позволило ему собрать уникальный материал. В своих работах профессор В.И. Рассадин разрабатывал крупные проблемы монгольского и тюркского языкознания, такие, например, как историческая фонетика бурятского языка, сравнительно-историческая грамматика бурятского языка, этимология бурятского языка, присаянские и нижнеудинский бурятские говоры, тюрко-монгольские исторические языковые связи, влияние тюркских языков на развитие монгольских и влияние монгольских языков на тюркские и др. Свои исследования он строил на широком сравнительном материале современных, средневековых и древних монгольских и тюркских языков.

Главная заслуга Валентина Ивановича Рассадина заключается в том, что он спасал языки! Именно им возрождены к жизни утраченные, забытые, умирающие *тофаларский* и *сойотский* языки. «Эта просветительская деятельность ученого заслуживает самой высокой оценки и свидетельствует о благородстве его натуры, активной гражданской позиции. Результат этой деятельности может быть

¹ Автор-составитель В.И. Рассадин, редактор С.М. Трофимова, художник Д.Д. Покровская. – Улан-Удэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография», 2019. – 168 с.: ил.

отнесен к категории подвига без преувеличения», – считает доктор филологических наук, профессор Л. Шулунова.

Благодаря многолетнему подвижническому труду В.И. Рассадина, а ему в конце концов даже пришлось сделать доклад в ЮНЕСКО «О проблемах возрождения и сохранения языков некоторых малочисленных тюркских народов Южной Сибири (на примере тофаларского и сойотского языков)», сойоты в конце XX в. добились признания себя коренным малочисленным народом. «Получив статус малочисленного народа, сойоты просят возродить их язык. Он близок к языку тофаларов, тувинцев, цаатанов, оленеводческого народа в Монголии. Они называют себя “туһа”. Сравните: тофалары – “тофа”, тувинцы – “тыва”. Это потомки одного древнего народа оленеводов, жившего в Саянах. Во время экспедиции в 1970-е гг. я застал еще стариков, знавших свой язык, записаны тогда были сотни слов. Моя задача – помочь сойотам в возрождении их культуры и языка», – писал Валентин Иванович в 2001 г.

В 2019 г., уже после ухода из жизни ученого, вышел в свет «Картинный словарь сойотского языка» доктора филологических наук, профессора В.И. Рассадина. Долгим был путь к этому долгожданному событию. Десятилетия ушли на скрупулезное научное изучение языка, на определение его места в мировой классификации языков, на создание для него письменности. Не имея письменности, не напишешь книгу. Автору не удалось увидеть этот яркий, красочный словарь, при одном взгляде на который веет жизнерадостной атмосферой, настолько хорошо подобраны цвета, так мило улыбается с обложки хорошенький мальчуган, одетый в национальный сойотский костюм! И этот праздник для народа сумели создать редактор Трофимова Светлана Менкеновна, художник Покровская Дашима Дымбреновна, сотрудники республиканской типографии в столице Бурятии и, несомненно, администрация Союзотского национального сельского совета с центром в с. Сорок Окинского района Республики Бурятия.

Во введении ответственный редактор издания, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета С.М. Трофимова определяет цель, задачи, рассказывает о формах подачи материала, в краткой форме дает методические указания для преподавателей сойотского языка. Совершенно справедливо она пишет о том, что картинный словарь рассчитан на детей, не знающих или плохо знающих родной язык. «Каждое слово дано в сопровождении рисунка. При этом сначала приведен рисунок с изображением соответствующего предмета, а затем его сойотское название с переводом на русский язык. Такая подача материала обусловлена тем, что детям знаком предмет, изображенный на рисунке, и они знают его русское название. Прочитав вслух само сойотское слово или попросив это сделать кого-либо из старших, дети смогут узнать и запомнить сойотское название этого предмета».

Сойотские слова, приведенные в словаре, являются однозначными. Вся лексика представлена именами существительными. Наиболее употребительные имена прилагательные приведены в разделах «Внешние признаки предметов», «Цвета», глаголы – в разделе «Названия действий», имена числительные – в разделе «Счет».

Сойотские заглавные слова расположены в словаре в алфавитном порядке с учетом не только начальных, но и последующих букв. Каждое заглавное слово

снабжено параллельным переводом на русский, бурятский, английский языки. Долгота гласных обозначена удвоенным написанием соответствующих букв и учитывается в порядке алфавита.

Картинным словарем могут пользоваться не только дети дошкольного и младшего школьного возраста, но и взрослые. Овладеть базовой лексикой родного языка можно с опорой на рисунок, на русский перевод, а также через бурятское название предмета. Сойоты исторически контактировали с монголами и бурятами, в своих поселках оказались расселенными среди русскоязычного населения, а в школе из-за отсутствия письменности на сойотском языке, учились на бурятском языке. В связи с появлением множества смешанных браков в среде семейного общения у сойотов также преобладающим языком стал бурятский, так что сойоты хорошо знают и бурятский, и русский языки.

В целом, «Картинный словарь сойотского языка» основан на четырех языках – сойотском, русском, бурятском, английском. Таково было желание В.И. Рассадина. В интервью «Жизнь, отданная языкам», данном корреспонденту газеты «Бурятия» Людмиле Сундыевой в 2001 г., профессор отмечал: «Свободно общаться и писать могу где-то на десяти языках – это татарский, бурятский, монгольский, калмыцкий, тофаларский, тувинский, финский, немецкий... Читаю на казахском, киргизском, венгерском, польском, читаю также по-французски, правда, со словарем. Самостоятельно изучал английский и читаю научную литературу, но не говорю и очень об этом жалею». Знание английского языка – требование автора!

Согласно исследованиям профессора В.И. Рассадина, сойотский язык входит в уйгуро-тюкуйскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. Лексический состав в своей основе общетюркский. Наблюдается заметное количество архаичных словоформ, восходящих к древнеуйгурскому языку.

Язык сойотов хорошо развит и адекватно отражает тип их традиционной хозяйственной деятельности – оленеводство и промысловую охоту, традиционные быт и культуру. «Картинный словарь сойотского языка» содержит более 600 лексических единиц, которые логически относятся к крупным группам «Человек», «Хозяйственная деятельность человека», «Флора», «Фауна».

В «Картинный словарь» включены наиболее употребительные слова сойотского языка, овладение которыми предусмотрено программой для начальных классов школ с этнокультурным языковым компонентом.

Надо сказать, Валентин Иванович Рассадин с большим чувством ответственности подходил к созданию учебной литературы для детей. «Я изучил с десятком букварей народов Сибири и Севера, но копировать было нельзя, надо было только найти отличие, выявить общее и выразить свое», – писал он еще в 1989 г. – «Не надо бояться изучать родной язык через русский язык и это направление надо развивать... Но учебники должны отражать не европейский городской быт, а обязательно народный менталитет, его дух, фольклор». При создании первых учебников автор размышлял о том, как ребята воспримут его труд, даже «провел маленький эксперимент: показал детям два букваря – тувинский и эвенкийский. К тувинскому они остались равнодушными, а эвенкийский долго разглядывали, тыкали пальчиками в картинки, радостно смеялись. И мы поняли: оба народа являются оленеводами и охотниками и имеют схожий быт».

Основным занятием сойотов на протяжении веков, как и сейчас, является оленеводство, в качестве подсобного промысла остается охота.

В рецензируемом «Картинном словаре сойотского языка» богато представлены разделы «Оленеводство», «Виды мха», «Виды ягод», «Птицы», «Дикие утки», «Рыбы» и др. Остановимся в качестве примера на некоторых группах слов.

«**Оленеводство**»: *аьнай* ‘оленинок’, *барба* ‘вьючная сума’, *ибилерши* ‘оленовод’, *ицген* ‘важенка’, *сыдым* ‘аркан’, *қоъи* ‘вьюк’, *тайақ* ‘посох’, *тыъртыг* ‘вьючная подпруга’, *чары* ‘ездовой бык оленя’, *шомуқ* ‘коробочка из бересты (для доения важенок)’, *эзеңгі* ‘стремя’, *ыңғыршақ* ‘вьючное седло’, *эзер* ‘верховое седло’, *иби* ‘домашний олень’, *ақ-аң* ‘дикий северный олень’, *туйуғ* ‘копыто’, *һаай* ‘морда оленя’, *миис* ‘рога’, *һендирме* ‘холка оленя’, *қудуруқ* ‘хвост’, *чоғдур* ‘подшейный волос’. Знакомство с сойотской терминологией оленеводства невольно вызвало в памяти лексические параллели из моего родного сибирско-татарского наречия. Например, *тайақ* ‘посох’, *эзеңгі* ‘стремя’ (сиб.тат. *өзәңге, изәңгү*), *ыңғыршақ* ‘вьючное седло’ (в сиб.тат данное слово встречается в составе идиомы *Ат өстөнтә ыңғырцақ*: так говорят о человеке, который сидит в седле в то время, как рабочая лошадь пашет (соотв. русск. "где сядешь, там и слезешь"), *туйуғ* ‘копыто’ (сиб.тат. *тойак*), *ақ-аң* ‘дикий северный олень’ (сиб.тат. *аң* ‘лось, зверь, дичь, всякое животное, на которое охотятся’).

Сойоты-оленоводы умело выбирали хорошие пастбища с оленьим мхом-ягелем и подходящие условия для охоты. В книге для детей отражены такие реалии, как различные **виды мха**: болотный мох (*һайдың*), лесной мох (*һеңэс*), мох-бородач (*һаяқ*), олений мох (*шулун*). Уместно отметить, что сойоты, впрочем, как и сибирские татары, не употребляли в пищу грибы. Но грибы – любимый «деликатес» в природном рационе оленей. В данном словаре зафиксированы словоформы *чекьпэ, чельке*, что означает ‘гриб’. У сибирских татар «гриб» имеет сходное название с учетом комбинаторных изменений согласных – *мәшкә, мишкәләк, мишко, мёшкё*; древесный гриб – *чемен мёшкёзи*.

Сойоты уникальны своим происхождением, культурой и бытом. Они живут в районах с первозданной природой. В этом смысле интересен раздел «**Қаттар. Ягоды. Жэмэс**». На территории исконного проживания сойотов, судя по картинному словарю, растут такие виды ягод, как красная смородина (*арығ қады*), клюква (*дурунья қады*), брусника (*қызыл-қат*), голубика (*қара-қат*), черемуха (*нюмурут қады*), жимолость (*тайа қады*), черника (*тоорғу қады*), шиповник (*тэһен қады*), земляника (*честэк-қат*), черная смородина (*ығт қады*), рябина (*ээргүүс қады*). Термин *қат* в значении ‘ягода’ сохранился у сибирских татар в составе слов *қарагат* ‘черная смородина’, *қысылгат* ‘костяника’. Клюква (*дурунья қады*) у сойотов на русский язык переводится как ‘ягода журавля’. Кстати, сибирские татары тоже связывают болотную ягоду с образом этой птицы и называют ее *тырнагүс* – ‘глаз журавля’.

Семья играет важную роль в жизни любого человека. Уважительное отношение к членам семьи нашло отражение в дифференцированном подходе к терминам родства у этого тюркского народа: *оолның оғлы* ‘внук по сыну’, *оолның қызы* ‘внучка по сыну’, *қыстың оғлы* ‘внук по дочери’, *қыстың қызы* ‘внучка по дочери’, *аьһа* ‘старший брат’, *оол дуңма* ‘младший брат’, *ува* ‘старшая сестра’, *қыс дуңма* ‘младшая сестра’.

Экономические контакты между сойотами и русскими наложили свой отпечаток на современную лексику. Картинный словарь отражает существующую материальную культуру, уровень глобализации, особенности расселения сойотов. Естественное влияние русского языка нашло отражение в заимствованиях: «Игры» (*футбол, хоккей, мячик, коньки, волейбол*); «Одежда, обувь» (*шарф, кепка, батинһа* ‘ботинки’, *сабытькы* ‘сапоги’, *пунаайа* ‘фуфайка’, *пылаат* ‘головной платок’); «Пища» (*макароон, хаааша* ‘каша’, *саақыр* ‘сахар’, *һүрүпээ* ‘крупа’, *һлээмэ* ‘хлеб’, *һортооқа* ‘картофель’, *һануус* ‘капуста’); «Здания, жилище» (*клууп* ‘клуб’, *поол* ‘пол’, *сээнэк* ‘сени’, *һирилсээ* ‘крыльцо’, *ышкоол* ‘школа’, *маңгазин* ‘магазин’, *почта*); «Мебель» (*һарбаайа* ‘кровать’, *стуул, остоол*); «Посуда» (*сапаарник* ‘заварник’, *оскоовор* ‘сковорода’, *һүрүүшкэ* ‘кружка’, *күкшиин* ‘кувшин’, *көришөөк* ‘чайник’, *кастрюля, блюде, тарелка*); «Инструменты» (*долото, шишлэ* ‘шило’, *вишлэ* ‘вилы’, *ништкэ* ‘нитка’).

К более ранним русским заимствованиям, очевидно, следует отнести лексемы *сээрэңһэ* ‘спички’ (ср. *серэңке* ‘спички’ в сиб. тат.) от русского «серянки»; *ырмақы* ‘рубашка, платье’ от русского «армяк»; *четкі* ‘сеть рыболовная’ от русского «сетка», *маңмаар* ‘амбар’.

Система подачи материала характеризуется последовательностью и четкостью. Проведенная работа подчинена одной цели – помочь детям овладеть богатством родного языка, также развить словарный запас в области других мировых языков. Сойотская лексика преподнесена на богатом языковом фоне. Читатель, усваивающий сойотский язык, имеет возможность расширить свои знания по языкам германской (английский), славянской (русский), монгольской (бурятский) семей. Мы не стали отдельно останавливаться на этногенетических пластах бурятской лексики, в которой, в первую очередь, обращают на себя внимание слова, общие с тюркскими языками (*жэмэс* ‘ягоды’, *отог* ‘шалаш’, *орон* ‘кровать’, *талхан* ‘мука’, *заха* ‘воротник’, *бээлэй* ‘рукавицы’, *хайраг* ‘точило’, *алха* ‘молоток’, *хайша* ‘ножницы’, *шэлүүһэн* ‘рысь’, *харсага* ‘ястреб’, *баха* ‘лягушка’ и др.)

Говоря о значении рецензируемой книги, трудно переоценить роль художника Покровской Дашимы Дымбреновны. Сотни слов сопровождают сотни картин: неслучайно название издания начинается с определения «Картинный». Яркий красочный мир жизни сойотов представлен через портреты людей, натюрморты, пейзажи. Умело и профессионально показаны темы «Обработка шкуры», «Шитье», «Домашний олень», «Рыболовство», «Собирательство», «Родная природа», «Времена года», «Насекомые», «Земноводные», «Птицы», «Рыбы», «Деревья и кустарники» и т. д. Огромное трудолюбие, талант, хорошее знание природы позволили художнику-иллюстратору достичь желаемого результата при выполнении поставленных задач.

«Картинный словарь сойотского языка» – это документ материальной культуры народа, имеющий непреходящее образовательное, научное, методическое и историческое значение. Авторским коллективом проведена большая работа по реализации в жизнь пожеланий сойотского народа иметь собственную письменность, книги, словари для изучения, сохранения, развития родного языка. Все это сделано руками, умом и сердцем Валентина Ивановича! За каждым словом угадывается пронизательный взгляд, острый ум, цепкая память, любовь к самобытному сойотскому народу Учителя, Ученого, Большого прекрасного человека –

Валентина Ивановича Рассадина. Как-то доктор филологических наук, профессор, председатель Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН Игорь Валентинович Кормушин заметил, что работы В.И. Рассадина насквозь «этнографичны», передают детали очень древнего и безвозвратно уходящего в прошлое уклада жизни. По его мнению, имя Валентина Ивановича Рассадина стоит в одном ряду с именами замечательных «тюркологов-летописцев» Махмуда Кашгарского, М.А. Кастрена, В.В. Радлова, В.И. Вербицкого, Н.Ф. Катанова, Э.К. Пекарского, С.Е. Малова, Н.И. Ашмарина, Н.П. Дыренковой, К.К. Юдахина и др.

«Картинный словарь сойотского языка» останется в истории науки как книга, вышедшая уже после кончины автора. Она не смогла бы состояться и увидеть свет без самоотверженного и подвижнического труда супруги Валентина Ивановича Светланы Менкеновны Трофимовой. Считаю долгом выразить огромную благодарность ответственному редактору – доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, Заслуженному работнику образования Республики Бурятия С. М. Трофимовой и пожелать ей крепкого здоровья, новых творческих успехов.

Ханиса Чавдатовна Алишина

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания СоцГум ТюмГУ,
директор Центра тюркологии Тюменского государственного университета,
г. Тюмень

REVIEW OF V.I. RASSADIN'S «PICTURE DICTIONARY OF THE SOYOT LANGUAGE»²

Kh.Ch. Alishina

Tyumen

Summary: The article is a review of the «Picture dictionary of the Soyot language» by a famous scholar, professor V.I. Rassadin. The article describes the distinctive features of the dictionary's structure, the presentation of the material and the history of creation. The unique contribution of the scientist to preservation and development of endangered unwritten languages of small indigenous peoples of Southern Siberia is also mentioned in this article.

Key words: dictionary, Soyot language, small indigenous (aboriginal) peoples, V.I. Rassadin.

Alishina Khanisa Chavdatovna – Ph.D. in philology, Professor of Department of Russian language and general linguistics, Institute of Social Studies and Humanities of Tyumen State University, Director of Turkology Centre of Tyumen State University.

² Author: V.I. Rassadin, edited by S.M. Trofimova, pictures by D.D. Pokrovskaya. – Ulan-Ude: PAO «Respublikanskaya tipografiya» Publishing House, 2019. – 168 pp., with illustrations.

ПЕРСОНАЛИИ

**К 75-летию победы советского народа
в Великой Отечественной войне.
Посвящается тюркологам – участникам ВОВ**

**Л.П. АТАНОВА – ВОИН, УЧЕНый, ФОЛЬКЛОРИСТ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

В феврале 2020 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного музыковеда, заслуженного деятеля культуры Республики Башкортостан и Российской Федерации, специалиста по башкирской музыкальной фольклористике Людмилы Петровны Атановой.

Родилась она 21 февраля 1920 г. в д. Чеботаревка Зианчуринского района Башкирской АССР, нынешнего Кувандыкского района Оренбургской области. С 1936 г. Л.П. Атанова обучалась игре на фортепьяно в Башкирском музыкальном училище (ныне – Уфимское училище искусств) в классе С.Т. Гербст и М.А. Зайден-трегера, которое окончила перед самой войной. Затем она преподавала музыку и

теорию музыки в Уфимской детской музыкальной школе № 1, одновременно училась на курсах медицинских сестер.

В апреле 1942 г., в самое трудное для страны время, Л.П. Атанова вступила добровольцем в Красную Армию. В составе подразделений 62-й армии в качестве прожекториста-слухача она участвует в боях под Сталинградом, в освобождении Белоруссии, после контузии переходит работать в санитарную часть. Закончила войну Л.П. Атанова в г. Гомель и в августе 1945 г. демобилизовалась в звании старшины санитарной части.

После окончания Великой Отечественной войны Л.П. Атанова поступила учиться на теоретико-композиторское отделение Училища им. Гнесиных, которое закончила в 1947 г. и была принята на историко-теоретический факультет Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных (ныне Российская академия музыки им. Гнесиных) по специальности «музыковедение» (класс истории музыки М.Э. Риттих и М.С. Пекелиса, гармонии В.О. Беркова, специальный класс К.К. Ровеншильда) [Гиниатуллина 2015: 92].

С 1952 по 1964 гг. она преподавала музыкально-теоретические дисциплины в Уфимском училище искусств. В 1963 г. ее приняли в Союз композиторов.

В 1964 г., окончив заочную аспирантуру, Людмила Петровна Атанова начала работать научным сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. За годы работы в Институте (1964–1978 гг.) она написала и опубликовала свыше 50 работ. Среди них монографии, научные и музыкально-критические статьи по проблемам башкирской профессиональной и народной музыки. Такие ее труды, как «Роль народных музыкантов в сохранении и развитии традиционных черт башкирского музыкального фольклора» (1976), «Об эволюции башкирских эпических мотивов» (1977), «Композиторы Башкирии» (1982), «Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора» (1992), внесли ощутимый вклад в башкирскую фольклористику.

Ее продолжительная и плодотворная научная деятельность связана с изучением истории башкирской музыкальной фольклористики, вопросов генезиса башкирской народной музыки и ее жанров, современной музыкальной культуры республики и творчества крупнейших башкирских композиторов.

В 1970 г. Л.П. Атанова защитила диссертацию на тему «Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора», став кандидатом искусствоведения. В своей монографии она подробно рассматривает основные этапы истории собирания и изучения башкирского музыкального фольклора, раскрывает отношение собирателей к башкирской народной музыке, определяет принципы обработки народных песен и делает попытки теоретического обобщения основных черт башкирской песенности. «Долгое время начало собирания и изучения башкирской музыки связывалось с именем музыканта-фольклориста С.Г. Рыбакова и относилось к 1890-м гг. Обнаруженные нами материалы позволяют отнести собирание и записи к более раннему времени – к 1830-м гг. Архивные материалы и данные русской печати показывают, что описание башкирских песен, условий их бытования, пересказ отдельных памятников музыкально-поэтического творчества башкир были составной частью краеведческой литературы еще с XVIII в.» – отмечает Л.П. Атанова [Атанова 1992: 15]. Особый интерес представляют сведения, приведенные в ее исследовании об использовании башкирских народных

песен в своем творчестве замечательным русским композитором А.А. Алябьевым. В Государственном музее музыкальной культуры имени М.И. Глинки ею были обнаружены записи мелодий башкир, татар и казахов. Среди них – шесть башкирских мелодий, по предположению исследователя, записанные от кураиста-башкира во время пребывания А.А. Алябьева в ссылке в Оренбургской губернии. Л.П. Атанова пишет о первых обработках башкирских народных песен А.А. Алябьевым в вокальном цикле «Азиатские песни», а также об использовании башкирских мелодий в опере «Аммалат-бек» и «Башкирской увертюре». «Своим творческим обращением к башкирским народным мелодиям и песенным сюжетам А.А. Алябьев положил начало русскому “степному” ориентализму, столь блестяще расцветшему в русской классической музыке второй половины XIX в.», – пишет исследователь [Атанова 1992: 36]. На основе выявленных ею и опубликованных архивных источников, ставших библиографической редкостью, Людмиле Петровне удалось раскрыть имена, описать жизнь и деятельность тех, кто, собирая и изучая башкирскую народную музыку, заложил основы башкирской музыкальной фольклористики (Р.Г. Игнатьев, С.Г. Рыбаков, А.Т. Гречанинов, Г.Х. Еникеев, М. Султанов и т. д.). Она подготовила и опубликовала брошюры о творчестве выдающихся башкирских композиторов Рауфа Муртазина, Масалима Валеева, Халика Заимова и Газиза Альмухаметова. Ее материалы всегда отличались высоким профессионализмом, глубиной анализа творчества той или иной личности, объективной трактовкой и оценкой.

Как исследователь народной музыки, Л.П. Атанова и сама участвовала в собирании башкирских и русских народных песен. Она была руководителем фольклорных экспедиций в Альшеевский (1969), Белорецкий (1970, 1973, 1974), Туймазинский (1975) районы, также записывала старинные песни в г. Уфа (1976–1977). Ею выполнены записи более ста башкирских и русских народных песен различных жанров. В Научном архиве УФИЦ РАН хранятся отчеты об экспедиционных выездах и дневник Л.П. Атановой, руководителя экспедиционного выезда в п. Инзер Белорецкого района БАССР, где она дает историко-этнографические сведения, описывает жизнь и быт населения (живут в большом деревянном доме, городская мебель, радио, радиола, много пластинок с башкирскими и русскими песнями), рассказывает о трудовых буднях фольклориста-полевика. «Несмотря на то что во время командировки я получила травму (ушиб головы в результате наезда мотоцикла), мною собрано 35 башкирских, 19 русских народных песен различных жанров, а также ряд сведений фольклорно-этнографического характера», – пишет Л.П. Атанова в своем отчете [НА УФИЦ РАН: Ф. 111. Оп. 1. Д. 12]. Примечательно то, что исследователь в своих записях дает полную характеристику своим информантам. Например: Калиничева Анастасия Александровна, 1882 г. р. Известная старожилка и песенница Инзера. Уроженка с Малая Катавка Катавского района Челябинской области. Работала углежогом вместе с мужем Хирсаном, уроженцем д. Каги Белорецкого района, который тоже хорошо пел старинные песни. Родила 21 ребенка, сейчас живы две дочери. Два сына погибли в Отечественной войне. Она среднего роста, довольно прямая и плотная для своих лет, бодрая женщина. Быстрые карие с зеленою глаза, не потерявшие живости и цвета, в меру скуластая, лицо в морщинках, загорелое, но живое и выразительное. Очень общительная, находчивая, «бывалая» женщина. Говорит на

«о», хоть и не все зубы, но речь внятная, разборчивая и эмоциональная. Речь Калининичевой образная, пересыпана поговорками: «Пиши, пиши, бумага без души», «Без песен рот тесен», «С плеч да в печь» и т. д. Описывая Магрунову Хадию Шайхитдиновну 1915 г. р., отмечает, что она домохозяйка, мать 11 детей. В Инзере живет 30 лет. Толстая, бойкая, говорливая. Охотно говорит по-русски, но с акцентом. Поет негромко, с сосредоточенным взглядом, нечетко произносит слова [НА УФИЦ РАН: Ф. 111. Оп. 1. Д. 7]. Все это указывает на внимательность, наблюдательность и проницательность исследовательницы.

Часть собранных Л.П. Атановой материалов хранится в фонде № 3 Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра РАН, другая – состоит в личном фонде исследователя под номером 111, в который включены документы, статьи, монографии и экспедиционные материалы и который составляет 16 единиц хранения. В нем красноречивые свидетельства яркой, насыщенной на события, интересной, хотя и непростой творческой судьбы Людмилы Петровны Атановой.

В списке научных трудов, хранящихся в Научном архиве Уфимского научного центра Российской академии наук (ныне – Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук), мы видим огромное количество статей о жизни и творчестве видных композиторов и народных артистов, таких как Х.Ф. Ахметов, М. Хисматуллин, М. Салигаскарова, Х. Заимов, Р. Сальманов, внесших огромный вклад в музыкальную культуру Башкортостана. К сожалению, некоторые ее работы так и остались неопубликованными. Среди них монография «Башкирская народная песня в профессиональной музыке», очерки «Башкирско-татарские музыкально-фольклорные связи», «Библиографический указатель по башкирскому музыкальному фольклору (1799–1940 гг.)» и другие. Многие ее работы в настоящее время являются библиографической редкостью.

Важное место в жизни музыковеда занимала и музыкально-просветительская деятельность. Будучи прекрасным оратором и рассказчиком, Людмила Петровна Атанова выступала с просветительскими лекциями в районах и городах, объездив практически всю республику. По линии Башгосфилармонии и общества «Знание» ею прочитаны более двухсот лекций, сделаны десятки выступлений по республиканскому радио и телевидению. Творческое наследие Л.П. Атановой по сей день вызывает интерес и востребовано исследователями.

За большой вклад в развитие культуры Людмила Петровна Атанова была удостоена почетных званий заслуженного деятеля искусств Башкирской АССР (1964) и Российской Федерации (1992). Она награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Ветеран 62-й Армии» и другими.

Скончалась Людмила Петровна 6 января 1994 г. и похоронена в г. Уфа.

Хакимьянова Айгуль Мужавировна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
отдела фольклористики Ордена Знак Почета
Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН;
e-mail: aihakim@bk.ru

Литература

- Атанова 1992 – *Атанова Л.П.* Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. – Уфа, 1992. – 190 с. {*L.P. Atanova. Collectors and researchers of Bashkir musical folklore.* – Ufa, 1992. – 190 pp.}
- Гиниатуллина 2015 – *Гиниатуллина Л.М.* Пропагандист лучших достижений советской и башкирской музыки // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2015. – № 2. – С. 92–96. {*L.M. Ghiniatullina. Promoter of the best achievements of Soviet and Bashkir music* // Bulletin of the Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. – 2015. – No. 2. – PP. 92–96.}
- НА УФИЦ РАН – Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Ф. 111. Оп. 1. Д. 7, 10, 12. {Scientific archive of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. F. 111. Op. 1. D. 7, 10, 12.}
- Хакимьянова 2015 – *Хакимьянова А.М.* Вклад Л.П. Атановой в башкирскую музыкальную фольклористику // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посв. 125-летию со дня рождения выд. востоковеда А.-З. Валиди-Тогана. Кн. 2 – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 470–471. {*A.M. Khakimiyanova. L.P. Atanova's contribution to Bashkir musical folkloristics* // Russia and the Orient: interaction of states and peoples: Works of the 10th All-Russian congresses of orientologists devoted to the 125th anniversary of prominent orientalist A.-Z. Velidi-Toghan. Volume 3. – Ufa: Institute for History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2015. – PP. 470–471.}

**L.P. ATANOVA – WARRIOR, SCHOLAR, FOLKLORIST
(TO THE 100TH ANNIVERSARY OF L.P. ATANOVA'S BIRTH)**

Khakimyanova Aygul Muzhavirovna – Ph.D. in philology, Senior Researcher of Folkloristics department Order Badge of Honour Institute for History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences; e-mail: aihakim@bk.ru.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ САЗОНА САЙМОВИЧА СУРАЗАКОВА (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Сазон Саймович Суразаков (23.12.1925 – 10.03.1980) – доктор филологических наук, профессор, первый директор Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Один из организаторов гуманитарной науки в Горно-Алтайской автономной области, ныне Республика Алтай.

Он родился в многодетной семье в местечке Кайанзур (с. Нижний Сайдыс) Майминского района Ойротской, позже Горно-Алтайской автономной области (ныне Республика Алтай). Сазон Саймович пятнадцатый ребенок в семье. Его отец Сайму был один из уважаемых представителей из рода *чапты* и человеком с паранормальными способностями, т. е. шаманом.

Сазон Саймович с пяти-шести лет вместе с сестрой Куйкачы (Зоей) начал ходить в начальную школу, которая находилась в Среднем Сайдысе. В 1937 г. он окончил 5 классов Сайдысской школы и поступил учиться в педагогическое училище.

В 1941 г. в первые месяцы Великой Отечественной войны в г. Ойрот-Туру (Горно-Алтайск) был эвакуирован Московский педагогический институт им. К. Либкнехта (в 1952 г. вошел в состав пединститута им. В.И. Ленина). По инициативе преподавателей этого института было открыто отделение подготовки

учителей алтайского и русского языков для национальных школ автономной области. С.С. Суразаков был в числе студентов этого отделения. В 1942 г., учась на втором курсе, Сазон Саймович впервые соприкоснулся с работой по фольклору, точнее по поручению преподавателя Н.А. Баскакова и писателя П.В. Кучияка он под диктовку записал несколько героических сказаний от кайчы Н. Улагашева.

По исполнению 17 лет, в январе 1943 г. С.С. Суразаков в числе добровольцев ушел на фронт. Осенью того же года в одном из боев в районе Смоленск – Ельня он получил тяжелое ранение (пуля пробита верхнюю часть груди и вышла в предплечье, оборвав нервные узлы правой руки). После госпиталя в Москве Сазон Саймович долечивался в госпитале в Ижевске. Туда начальнику госпиталя Н.А. Баскаков написал письмо с просьбой при выписке направить С.С. Суразакова в Москву, чтобы он продолжил обучение в реэвакуированном с Алтая институте. Весной 1944 г. С.С. Суразаков приехал в Москву и сразу пришел к своему Учителю. По воспоминаниям Н.А. Баскакова: «За продолжение учения он взялся со всем воодушевлением и вскоре стал выделяться своими способностями и необыкновенной активностью. Его коллеги-студенты удивлялись тому, что почерк его был тверд и не отличался от прежнего, несмотря на то что писал он уже только левой рукой» [Казагачева 2015: 258].

С 1946 по 1949 гг. Сазон Саймович – аспирант, под научным руководством Н.А. Баскакова написал диссертацию об алтайском героическом эпосе, а в 1950 г. успешно защитил ее на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

На Алтае он приступил к преподавательской работе в только что открытом Учительском институте, заведовал кафедрой русского языка и литературы, затем кафедрой алтайского языка и литературы. Одновременно вел интенсивную работу по выявлению носителей фольклорного материала, продолжил работу со сказителем А. Калкиным, от которого в годы аспирантуры вел записи в период пребывания молодого *кайчы* в г. Москва на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности.

В 1952 г. был открыт Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ныне НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова). Директором был назначен С.С. Суразаков. Первым шагом С.С. Суразакова в должности директора было обращение ко многим научным библиотекам страны об оказании помощи в формировании библиотечного фонда института. Второй шаг – материалы первых лет интенсивно проводимых экспедиций заложили основу архивного фонда института.

Им велась работа по подготовке квалифицированных научных кадров в Москве, Ленинграде, Томске и других научных центрах. Принимал непосредственное участие в подготовке нового поколения писательских кадров. Первыми его посланцами в Литературный институт были Лазарь Кокышев, Аржан Адаров, Эркемен Палкин.

Велика заслуга Сазона Саймовича в реабилитации репрессированных алтайских поэтов с последующей публикацией их произведений. Он первым ввел в историю алтайской литературы творчество дореволюционного писателя-просветителя М.В. Чевалкова. В его статьях 50–60-х гг. представлены глубокий анализ творчества сказителя Н. Улагашева и писателя П.В. Кучияка. Он создает учебники для школ и учебные пособия на алтайском языке для Горно-Алтай-

ского педагогического института («Алтайский фольклор», «Алтайская литература»), пишет рассказы, стихи, некоторые из них стали популярными песнями («Ак кайың», «Байкара», «Родине»).

Но подлинным научным подвигом С.С. Суразакова явилось собрание, издание и всестороннее изучение эпического наследия алтайского народа. С 1952 г. С.С. Суразаковым и Т.С. Тюхтеновым была начата работа по проведению ежегодных экспедиций с участием студентов педагогического института. За сравнительно короткое время было выявлено много талантливых исполнителей всех жанров алтайского фольклора.

С 1958 г. НИИИЯЛ и местное издательство приступили к изданию много-томной серии «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри»). В этом фундаментальном издании – первом в сибирской фольклористике – сделана попытка представить весь свод алтайского героического эпоса начиная с середины XIX в. на языке оригинала с указанием имен сказителей. Значимость этой серии заключается в том, что оно есть свидетельство исторической идентификации народа, носителя классических образцов эпической поэзии, создававшихся на протяжении тысячелетий.

В 50-е гг. С.С. Суразаков ведет интенсивную работу не только по выявлению ареала бытования самого распространенного среди алтайцев эпоса «Алтай-Буучай». Актуальной становилась проблема сохранения текстов в ходе их реального звучания. В 1958 г. он осуществил полные звукозаписи от сказителей А. Калкина, Е. Таштамышевой, Ч. Бутуева. По этим материалам был издан труд С.С. Суразакова «Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае» (1962). Он стал настольной книгой для фольклористов не только Сибири. В нем впервые был представлен весь комплекс аналитических, текстологических и эдиционных проблем алтайского героического эпоса.

В 1964 г. С.С. Суразаков осуществил свою вторую звукозапись эпоса «Маадай-Кара» от сказителя А. Калкина. В 1973 г. героическое сказание «Маадай-Кара» издано в двуязычной академической серии «Эпос народов СССР» (ныне «Эпос народов Европы и Азии»). Подготовка текста по звукозаписи, его перевод, статьи о сказителе и репертуаре, о вариантах и сходстве сюжетов этого эпического памятника выполнены Сазоном Саймовичем. Текст сопровождается музыкально-ведческой статьей Б.М. Шульгина и фрагментами нотировки инструментального сопровождения. Все это вкуче с содержательной вступительной статьей И.В. Пухова лучшим образом способствовало восприятию эпоса «Маадай-Кара» как шедевра мировой эпической классики.

Значимость рассматриваемых выше названных изданий С.С. Суразакова состоит в том, что они были новаторскими по всем параметрам: существенно и в едином ключе представили разработку текстологических принципов – речевую структуру эпоса и способы ее текстового оформления, зависимость достоверности текста от ситуации и формы записи, способы максимальной адекватности перевода и оригинала.

В 70-е гг. С.С. Суразаков приступает к своему обобщающему труду. Впервые алтайский героический эпос исследуется с привлечением самого широкого круга произведений (212 записей героического эпоса алтайцев, из них 153 новых) общим объемом более 500 тысяч стихов. Эта работа явилась основой его докторской

диссертации (1973) и монографии «Алтайский героический эпос» (1985). О значимости этого труда В.М. Гацак писал: «Изучение этапов развития алтайского эпоса претворяется им прежде всего в плане выявления богатства и многообразия алтайского эпоса и захватывает выявление изменений в композиционной структуре, в способах создания художественных образов и поэтическом стиле эпоса. В сущности, это работа по исторической поэтике алтайского эпоса, опередившая свое время проницательностью эволюционных соотнесений, методическим мастерством и новизной аналитического подхода» [Гацак 1996: 7]. Действительно, рассмотрение эпоса алтайцев в его историческом развитии показывает происходившую в нем «сложную эволюцию <...> не только тем, идей, сюжетов и композиции, но и средств и приемов создания образов, поэтического языка» [Суразаков 1985: 241].

Значимы для науки многочисленные статьи С.С. Суразакова. Во многих из них выражена его активная позиция ко многим проблемам дискуссионного содержания в эпосоведении. Например, С.С. Суразаков в своей статье «Сходные черты стиля в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов (на примере алтайского эпоса)» впервые рассматривает тексты в орхонских рунических надписях-эпитафиях VI–VIII вв. в призме алтайского эпоса. По словам З.С. Казагачевой, «Вопреки установившемуся в работах И.В. Стеблевой мнению о влиянии на орхонские надписи письменной поэзии Китая, Сасанидского Ирана и даже Византии, С.С. Суразаков на конкретных сравнительно-сопоставительных примерах утверждает о близости и сходстве стиля орхонских надписей и героического эпоса. Они свидетельствуют именно о едином источнике повествовательных приемов и средств, об их генетико-типологической общности» [Казагачева 2015: 261].

Научное наследие С.С. Суразакова явилось прочной основой для продуктивного решения проблем нового времени. Перед фольклористической наукой встала задача особого уровня: развитие концепции документированных академических публикаций на основе звукозаписей. Проблемы текстологии, научных переводов и комментирования вышли на первый план в науке, культуре и стали совершенно неотложными, ибо без их решения огромное фольклорное, особенно эпическое, наследие все еще остается в неизвестности.

В ракурсе этой концепции подготовка алтайских томов в 60-томной двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» явилась новым этапом, как в собирательской, так и в эдиционной практике.

В настоящее время продолжается издание основанной С.С. Суразаковым серии «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри», ныне «Алтайский героический эпос»). Наукой зарегистрировано 258 текстов алтайского героического эпоса. Самые короткие – объемом в 500 стихотворных строк, самые крупные – от трех-четырёх до восьми-девяти тысяч стихотворных строк. На сегодня в 16 томах серии издано 114 текстов героического эпоса алтайцев. По запросу русскоязычных читателей НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова с 2014 г. приступил к изданию серии двуязычных текстов алтайского эпоса «Памятники эпического наследия Алтая». На сегодняшний день изданы 6 двуязычных томов. Также издаются монографии по всем жанрам алтайского фольклора с постоянными ссылками на труды С.С. Суразакова.

Значимость проводимых ныне экспедиций в полной мере будет осознана в будущем. Не только алтайская, но и российская многонациональная и мировая наука обогатилась ценнейшей источниковедческой базой для многих направлений гуманитарных наук и прежде всего точнейшими сведениями о современном состоянии устной речи и фольклора коренного населения. Именно эти два фактора – язык и фольклор – являются основой для прогнозирования «долголетия» малочисленных народов.

Конунов Аркадий Алексеевич

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова»
e-mail: konun1974@mail.ru*

Работы о С.С. Суразакове

- Гацак В.М.* С.С. Суразаков и его труд об исторической поэтике алтайского эпоса // Кан-Алтай (Фонд им. С.С. Суразакова). – Горно-Алтайск, 1996. – № 3(11). – С. 6–8. {*V.M. Gatsak. S.S. Surazakov and his work on historical poetics of the Altai epos // Kan-Altay (S.S. Surazakov Foundation). – Gorno-Altaysk, 1996. – No. 3(11). – PP. 6–8.*}
- Казагачева З.С.* Сын вечного Алтая // *Суразаков С.С.* Алтай фольклор. 2-е изд., доп. / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова»; ред. А.А. Конунов. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2015. – 320 с. {*Z.S. Kazagacheva. The son of eternal Altai // S.S. Surazakov. Altai folklore. 2nd edition, extended / Budgetary Scientific Institution of Altai Republic «S.S. Surazakov Academic and Research Institute for Altaistics»; ed. by A.A. Konunov. – Gorno-Altaysk: Typography of Gorno-Altaysk, 2015. – 320 pp.*}

Основные труды С.С. Суразакова

На русском языке:

- Суразаков С.С.* П.В. Кучияк: критико-биографический очерк. – Горно-Алтайск, 1957. – 59 с. {*S.S. Surazakov. P.V. Kuchiyak: a critical biographical sketch. – Gorno-Altaysk, 1957. – 59 pp.*}
- Суразаков С.С.* Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. – Горно-Алтайск, 1961. – 179 с. {*S.S. Surazakov. The heroic tale of Alaty-Buuchay, the bogatyr. – Gorno-Altaysk, 1961. – 179 pp.*}
- Суразаков С.С.* Из глубины веков: сборник статей о героич. эпосе алтайцев / сост. и ред. З.С. Казагачева; вступ. статья А.А. Петросян. – Горно-Алтайск, 1982. – 144 с. {*S.S. Surazakov. From the depths of times: a collection of articles on Altai heroic epos / comp. and ed. by Z.S. Kazagacheva; introduction article by A.A. Petrosyan. – Gorno-Altaysk, 1982. – 144 pp.*}
- Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос / Отв. ред. В.М. Гацак. – М.: Наука, 1985. – 255 с. {*S.S. Surazakov. Altai heroic epos / Executive editor V.M. Gatsak. – Moscow: Nauka, 1985. – 255 pp.*}
- Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос / подгот. текста З.С. Казагачевой; отв. ред. и автор вступ. статьи В.М. Гацак / АН СССР; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького; ГАНИИИЯЛ. – М.: Наука, 1985. – 256 с. {*S.S. Surazakov. Altai heroic epos / prep. by: Z.S. Kazagacheva; executive editor and author of the introduction article V.M. Gatsak / Academy of Sciences of the USSR; A.M. Gorky Institute of World Literature; Gorno-Altaysk Scientific Research Institute for History, Language and Literature. – Moscow: Nauka, 1985. – 256 pp.*}

На алтайском языке:

- Суразаков С.С.* Алтай албатынын оос поэтический творчествовы (Устное поэтическое творчество алтайского народа). – Горно-Алтайск, 1960. – 166 с. {*S.S. Surazakov. Altai albatynny oos poetičeskaj tvorčestvozy (Oral poetic folklore of Altai). – Gorno-Altaysk, 1960. – 166 pp.*}
- Суразаков С.С.* Кайчы Н. Улагашев (Сказитель Н. Улагашев): к 100-летию со дня рождения. – Горно-Алтайск, 1961. – 35 с. {*S.S. Surazakov. Kaychy N. Ulagashev (N. Ulagashev, the storyteller): devoted to his 100th anniversary. – Gorno-Altaysk, 1961. – 35 pp.*}

-
- Суразаков С.С.* Алтай литература. – Горно-Алтайск, 1962. – 200 с.; 2-е изд. / вступ. статья Н.М. Киндиковой. – Горно-Алтайск: Фонд им. С.С. Суразакова, 1995. – 205 с. {*S.S. Surazakov. Altaï literatura. – Gorno-Altaysk, 1962. – 200 pp.; 2nd edition / introduction article by N.M. Kindikova. – Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov foundation, 1995. – 205 pp.*}
- Суразаков С.С.* Оленгир: героическое сказание алтайцев / Сказитель Н.К. Ялатов; вступ. статья, ред. и пересказ на рус. язык С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 1970. – 177 с. {*S.S. Surazakov. Ölengir: heroic tale of Altai people / N.K. Yalotov, the storyteller; introduction article, edition and re-telling into Russian by S.S. Surazakov. – Gorno-Altaysk, 1970. – 177 pp.*}
- Суразаков С.С.* Алтай фольклор (Алтайский фольклор). – Горно-Алтайск, 1975. – 232 с. {*S.S. Surazakov. Altaï fol'klor (The Altai Folklore). – Gorno-Altaysk, 1975. – 232 pp.*}
- Суразаков С.С.* Об алтайском сказании «Алып-Манаш» // Об эпосе «Алпамыш»: материалы обсуждения / Институт мировой литературы АН СССР; Институт языка и литературы АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1959. – С. 197–202. {*S.S. Surazakov. On Altai legend «Alyp-Manaş»: materials of discussion / Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences; Institute of Language and Literature of Academy of Science of the Uzbek SSR. – Tashkent, 1959. – PP. 197–202.*}
- Суразаков С.С.* Сходные черты стиля в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов: на примере алтайского эпоса // Типология народного эпоса / Отв. ред. В.М. Гацак. – М.: Наука, 1975. – С. 250–259. {*S.S. Surazakov. Similar features of the Orkhon inscription and epic tales of Turkic peoples: on the example of the Altai epos // Typology of the folk epos / Executive editor V.M. Gatsak. – Moscow: Nauka, 1975. – PP. 250–259.*}

LIFE AND WORK OF SAZON SAYMOVICH SURAZAKOV (TO THE 95th ANNIVERSARY)

Arkadiy Alekseyevich Konunov – Ph.D. in philology, Senior Research Scientist of Budgetary Scientific Institution of Altai Republic «S.S. Surazakov Academic and Research Institute for Altaistics»; e-mail: konun1974@mail.ru

**ЕГОР ИННОКЕНТЬЕВИЧ ОКОНЕШНИКОВ
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Доктор филологических наук, заслуженный ветеран Сибирского отделения АН СССР, отличник народного просвещения РСФСР (1962), ветеран труда «Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», лауреат премии имени С.А. Новгородова Егор Иннокентьевич Оконешиков родился 1 сентября 1930 г. в Курбу-сахском наслеге Усть-Алданского района Якутской АССР в семье бедняков. Его детство прошло в годы огромных преобразований в жизни республики и тяжелых испытаний советского народа в Великой Отечественной войне. С десяти лет начал работать в колхозе наравне со взрослыми, в течение школьных лет во вре-

мя летних каникул работал и на посевной, и на сенозаготовительных работах. Из-за материальной необеспеченности прервал в 1943 г. учение в школе и в течение двух лет работал в колхозе. В 1947 г. он был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Благодаря системе государственных интернатов смог учиться в Курбусахской, Тандинской семилетней и Мюрюнской средней школах. В 1950 г. после окончания Мюрюнской средней школы Егор Иннокентьевич поступает в Якутский государственный педагогический институт.

После успешного окончания педагогического института Е.И. Оконешников в 1954–1964 гг. работал учителем якутского и русского языков, завучем Мюрюнской средней школы, школьным инспектором Усть-Алданского районного отдела народного образования, секретарем Якутского обкома профсоюза работников народного просвещения, высшей школы и научных учреждений.

В 1965 г. поступает на работу в Институт языка, литературы и истории якутского филиала СО АН СССР на должность младшего научного сотрудника, затем – старшего научного сотрудника. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Э.К. Пекарский как лексикограф». В 1984–1991 гг. – заместитель директора по науке ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, с 1992 г. – старший научный сотрудник отдела терминологии и современных языковых проблем. В 2005 г. успешно защищает докторскую диссертацию по теме «Лингвистические аспекты терминологии якутского языка» в стенах родного института. С 2006 г. – ведущий научный сотрудник отдела толкового словаря, с 2009 г. – старший научный сотрудник сектора лексикологии и отдела якутского языка (в 2018 г.) ИГИ и ПМНС СО РАН. За годы работы несколько раз избирался председателем профкома ИЯЛИ и членом Объединенного комитета профкома ЯФ СО РАН СССР. Имеет научное звание старшего научного сотрудника по специальности «Тюркские языки».

Область научных исследований Е.И. Оконешникова – лексикология, лексикография, терминология и терминография якутского языка. Автор более 80 печатных работ, в том числе монографий: «Э.К. Пекарский как лексикограф» (Новосибирск, 1982), «Лингвистические аспекты терминологии языка саха» (Якутск, 2004), «Якутский феномен Эдуарда Карловича Пекарского» (Якутск, 2008), «Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии» (Якутск, 2015); словарей: «Русско-якутский словарь общественно-политических терминов» (Якутск, 1989), «Русско-саха общественно-политический словарь» (Якутск, 1998). Егор Иннокентьевич один из основных составителей «Якутско-русского словаря» (Москва, 1972), «Большого толкового словаря якутского языка» (Т. II, Т. VII; Новосибирск, 2004, 2010). Е.И. Оконешников – автор научных статей по актуальным проблемам терминоведения, среди них: «О первом академическом выпуске “Словаря” Э.К. Пекарского» (Вопросы филологии. Якутск, 1970), «Почетный академик, член Польского востоковедческого общества Э.К. Пекарский – создатель “Словаря якутского языка”» (Материалы международной конференции. Лодзь, 2001 (на польск. яз.)), «К вопросу об оптимизации спецсловарей языка саха» (Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014), «Интерпретационный тип специальных словарей языка саха» (Северо-восточный гуманитарный вестник. Якутск, 2014), «Типологические особенности “Словаря якутского языка” Э.К. Пекарского» (Тюркская филология в XXI веке: проблемы

и перспективы. Стерлитамак, 2014), «Интерпретационный тип словарей терминологической лексики якутского языка» (Северо-восточный гуманитарный вестник. Якутск, 2015), «Термины якутской грамматики в тексте “Словаря терминов” А.А. Иванова–Күндэ» (Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Кубань, 2015), «Якутская гуманитарная терминологическая лексика в учебных текстах средних школ (заметки об их образовании)» (Казанская наука. Казань, 2015), «Терминопорождающие лингвистические тексты языка саха (в порядке эксперимента)» (Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 3. Тамбов, 2016), «Терминографические словари языка саха: типология и проблемы» (Северо-восточный гуманитарный вестник. Якутск, 2017), «To Typology of Sakha Language Terminological Lexicon Dictionaries» (в соавторстве с А.С. Акимовой, Ю.М. Борисовой; Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). September, 2017), «Вклад Э.К. Пеккарского в изучение якутского фольклора» (Северо-восточный гуманитарный вестник. Якутск, 2018), «Образцы потенциальной терминологизации “исчезнувших” слов в языке саха» (Материалы Международной научно-практической конференции «Языковые процессы и функционирование языков в поликультурном пространстве», посвященной 75-летию проф. Г.Г. Филиппова. Якутск, 2019) и др.

Е.И. Оконешников по праву считается основателем якутской терминографии. Его монография «Лингвистические аспекты терминологии языка саха» представляет собой первое научное исследование, посвященное лингвистическим аспектам развивающейся терминологии якутского языка. На основе большого фактического материала, зафиксированного в общефилологических и терминологических словарях, рассматриваются лексико-семантические, морфемно-аффиксальные, аналитико-синтаксические и лексико-грамматические способы терминообразования. В этой работе и своих статьях ученый подробно описал основные типы терминографических работ, выделил по способам атрибуции инвентаризационную и интерпретационную терминографии по всем отраслям знаний и техники в современном якутском языке, обозначив один из важных вопросов изучения лексико-семантического терминообразования, способствующего расширению пласта лексических терминов.

Е.И. Оконешников активно принимает участие в международных, всероссийских и республиканских научных конференциях, симпозиумах, постоянно сотрудничает с СВФУ имени М.К. Аммосова, в начале 2000-х гг. читал курс лекций «Синтаксис сложного предложения», «Лексикография» и «Терминография», принимал участие в мероприятиях Министерства культуры Республики Саха (Якутия), посвященных Дням культуры и литературы в городах Москва и Санкт-Петербург.

В настоящее время Е.И. Оконешников продолжает активно заниматься научной работой. В 2015–2017 гг. был руководителем научно-исследовательского проекта РГНФ №15-34-01026 «Функционирование якутской терминологической лексики в учебно-научных текстах (терминографический аспект)». Как у авторитетного и талантливого ученого, у Егора Иннокентьевича много интересных творческих замыслов, а его богатый жизненный опыт и мудрые советы помогают становлению молодых ученых-якутоведов. Под его научным руководством успешно защитили кандидатские диссертации А.С. Акимова, Ю.М. Борисова, а А.А. Скры-

бина завершила очную аспирантуру по когнитивной лингвистике с представлением к защите.

Егор Иннокентьевич – любящий отец взрослых сыновей и дочери, мудрый дедушка, он и сейчас полон молодого задора, живо интересуется всеми событиями в культурной и общественной жизни республики, страны.

Многолетний плодотворный труд Е.И. Оконешникова отмечен многими заслуженными наградами: медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1947), знаком «Отличник народного просвещения РСФСР» (1962), званием «Заслуженный ветеран СО РАН» (2009), Благодарностью Государственно собрания РС (Я) «Ил Түмэн», Почетной грамотой Главы РС (Я) (2015).

От всей души желаем Егору Иннокентьевичу доброго здоровья на долгие годы, творческой жизни, заботы и внимания близких и окружающих, благополучия во всем.

Дьячковский Федор Николаевич

*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН
e-mail: fedjatschkov0801@mail.ru*

Наиболее значимые труды Е.И. Оконешникова

- Э.К. Пекарский как лексикограф / отв. ред. П.А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. – 140 с. – Библиогр.: с. 116–141. {E.K. Pekariskiy as a lexicographer / Executive editor P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, Siberian department, 1982. – 140 pp. – Bibliography: PP. 116–141.}
- Лингвистические аспекты терминологии языка саха: (на материале общей и отраслевой лексикографии) / отв. ред. П.А. Слепцов. – Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. фил., 2004. – 195 с. {Linguistic aspects of terminology of the Sakha language: (on the data of general and sectoral lexicography) / Executive editor P.A. Sleptsov. – Yakutsk: Publishing house of Siberian Department of Russian Academy of Sciences, Yakut Branch, 2004. – 195 pp.}
- Лингвистические аспекты терминологии якутского языка (на материале общей и отраслевой лексикографии): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005. – 52 с. {Linguistical aspects of terminology of Yakut language (on the data of general and sectoral lexicography): Ph.D. diss. abstract. – Yakutsk: Yakut State University Publishing house, 2005. – 52 pp.}
- Якутский феномен Эдуарда Карловича Пекарского: к 150-летию со дня рождения / отв. ред. И.Е. Алексеев. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 155 с. {Yakut phenomenon of Eduard Karlovich Pekariskiy: to his 150th anniversary / Executive editor I.Ye. Alekseyev. – Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, 2008. – 155 pp.}
- Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии: сборник научных статей / отв. ред. Н.И. Данилова, Ф.Н. Дьячковский, А.М. Николаева. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. – 210 с. {Sakha language: problems of lexicography and terminography: a collection of scientific articles / Executive editors N.I. Danilova, F.N. Diyachkovskiy, A.M. Nikolayeva. – Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, 2015. – 210 pp.}

Словари

- Якутско-русский словарь: 25300 слов / сост. Е.И. Коркина, К.Н. Корякина, С.П. Кылатчанов и др.; под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 606 с. – Из содерж.: Е.И. Оконешников – с (вторая половина), т (вторая половина), ы. {Yakut-Russian dictionary: 25300 word /

- comp. by Ye.I. Korkina, K.N. Koryakina, S.P. Kylatchanov *et al.*; ed. by P.A. Sleptsov. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. – 606 pp. – From the table of contents: Ye.I. Okoneshnikov – s (the second part), t (the second part), y.}
- Русско-якутский словарь общественно-политических терминов / под ред. П.С. Афанасьева, П.А. Слепцова (отв. ред.), Г.С. Сыромятникова. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1989. – 176 с. {Russian-Yakut dictionary of social and political terms / ed. by P.S. Afanasiyev, P.A. Sleptsov (executive editor), G.S. Syromyatnikov. – Yakutsk: Yakutian publishing house, 1989. – 176 pp.}
- Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии: словарь для студ. очного и заоч. обучения: в 11 разд. / науч. рук. А.П. Оконешникова. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1992. – 32 с. – Раздел «Возрастная психология» / пер. Е.И. Оконешников. {Conceptual and terminological Russian-Yakut dictionary of psychology: a dictionary for students of full-time and distance education: in 11 sections / scientific supervisor A.P. Okoneshnikova. – Yakutsk: Yakut State University Publishing house, 1992. – 32 pp. – Section «Developmental psychology» / translation by Ye.I. Okoneshnikov.}
- Русско-саха общественно-политический словарь. – Якутск: ООО «Литограф», 1998. – 154 с. {Russian-Sakha social and political dictionary. – Yakutsk: LLC «Litograph», 1998. – 154 pp.}
- Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под общ. ред. П.А. Слепцова. Т. II: (Буква Б): около 7000 слов и фразеологизмов / Е.И. Оконешников (Б – бaryannhalaа) и др. – Новосибирск: Наука, 2005. – 910 с. {Explanatory dictionary of Yakut language = Саха tylyn byhaaryyлах тылдьыта / general edition by P.A. Sleptsov. Vol. 2: (Letter B): circa 7000 words and phrasemes / Ye.I. Okoneshnikov (B – baryannhalaа) *et al.* – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 910 pp.}
- Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии = Уйулҕа үөрэҕин тустаах нууччалыы-сахалыы тылдьыта / науч. рук. А.П. Оконешникова. – Якутск: Бичик, 2006. – 186 с. – Из содерж.: Оконешников Е.И. Возрастная психология. – С. 53–66. {Conceptual and terminological Russian-Yakut dictionary of psychology = Ujulga үөрөҕин тустаах нууҕчалыу-сахалыу тылдьыта / scientific supervisor A.P. Okoneshnikova. – Yakutsk: Bichik, 2006. – 186 pp. – From the table of contents: Ye.I. Okoneshnikov. Developmental psychology. – PP. 53–66.}
- Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / под общ. ред. П.А. Слепцова. Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П): около 3400 слов и фразеологизмов / Е.И. Оконешников (ньирилэс I – ньээнһэлээ) и др. – Новосибирск: Наука, 2010. – 518 с. {Great Explanatory Dictionary of Yakut Language = Саха tylyn byhaaryyлаах улахан тылдьыта / general edition by P.A. Sleptsov. Volume 7: (Letters Nŷ, O, Ö, P): circa 3400 words and phrasemes / Ye.I. Okoneshnikov (nŷiriles I – nŷeenŷelee) *et al.* – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 518 pp.}
- Терминологический словарь. Обществознание = Тирмин тылдьыта. Уопсастыба үөрэбэ / сост. Е.И. Оконешников; отв. ред. Н.И. Данилова, Н.И. Попова. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 108 с. {Terminological dictionary. Sociology = Tiermin тылдьыта. Uopsastyba үөрөҕө / comp. by Ye.I. Okoneshnikov; executive editors N.I. Danilova, N.I. Popova. – Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, 2013. – 108 pp.}

YEGOR INNOKENTIYEVICH OKONESHNIKOV
(TO THE 90TH ANNIVERSARY)

Diyachkovskiy Fedor Nikolayevich – Ph.D. in philology, Leading Researcher of Department of Yakut (Sakha) language, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch; e-mail: fedjatschkov0801@mail.ru

Юбиляры этого года

ПРОФЕССОРУ Р.З. КЫДЫРБАЕВОЙ – 90 ЛЕТ

Доктору филологических наук, профессору, член-корреспонденту Национальной Академии наук Кыргызской Республики, лауреату Государственной премии Кыргызской Республики в области науки и техники (1998 г.), заслуженному деятелю науки Кыргызской Республики, главному научному сотруднику отдела «Манас» Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики Раисе Зайтовне Кыдырбаевой исполнилось 90 лет.

Видный фольклорист страны проф. Р.З. Кыдырбаева родилась 30 ноября 1930 г. в г. Фрунзе Киргизской ССР.

В 1952 г. окончила обучение на филологическом факультете Кыргызского государственного университета с отличием. В 1953–1956 гг. успешно прошла очную аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького. В 1956 г. под руководством видного литературоведа, доктора филологических наук, профессора Медины Искандеровны Богдановой успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Лирика

Алыкулы Осмонова». В работе впервые на большом литературном материале исследованы особенности художественного своеобразия творчества яркого кыргызского поэта, а также вопросы формирования кыргызской поэзии. Кандидатская диссертация Р.З. Кыдырбаевой получила высокую оценку литературоведов, были отмечены новаторство, новизна темы, обоснованность выводов и обобщений. Большое влияние на всю дальнейшую творческую жизнь Р.З. Кыдырбаевой оказала Москва. Благодарность сотрудникам сектора фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького исследовательница не раз выражала впоследствии в своих монографических трудах, отмечая, что их обстоятельные и конструктивные замечания способствовали ее профессиональному росту и развитию.

В 1956 г. была принята в качестве младшего научного сотрудника в Институт языка и литературы Академии наук Киргизской ССР. За эти годы занимала такие должности, как старший научный сотрудник (1960–1986), главный научный сотрудник сектора манасоведения (1986–1987), заведующий отделом фольклористики и акынской поэзии (1987–2008). С 2009 г. – ведущий научный сотрудник вышеназванного института.

С приходом в Институт языка и литературы Академии наук Киргизской ССР Р.З. Кыдырбаева посвящает себя исследованию проблем фольклора. Начало этого периода связано с исследованием малых эпосов кыргызского народа, результатом которого стали монографии «Идейно-художественные особенности эпоса “Саринжи-Бокей”» (Фрунзе, 1959), «Народно-поэтические традиции в эпосе “Джаныл Мырза”» (Фрунзе, 1960). С середины 60-х гг. Р.З. Кыдырбаева обращается к исследованию эпоса «Манас», которому посвятит всю свою последующую творческую жизнь. Первой монографией на этом пути стала книга «К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе “Манас”» (Фрунзе, 1967).

Дальнейшие исследовательские искания Р.З. Кыдырбаевой претворились в монографию «Героический эпос “Манас” (Генезис, поэтика, сказительство)», вышедшую под общей редакцией доктора филологических наук Х.Г. Короглы в г. Фрунзе в 1980 г. Докторская диссертация была блестяще защищена в Институте языка и литературы им. А.С. Пушкина АН Узбекской ССР в 1983 г. Оппонентами выступили известные филологи – академик АН Таджикской ССР, д.ф.н., профессор Р.А. Амонов, д.ф.н. Б.У. Уахатов, д.ф.н. М.М. Мурадов. Исследование Р.З. Кыдырбаевой было справедливо оценено как важный научный вклад не только в кыргызское эпосоведение, но и в фольклористическую науку в целом. В работе раскрывается процесс становления, формирования и развития монументального эпоса кыргызского народа «Манас», рассматриваются истоки зарождения эпоса, развитие его в различные исторические эпохи, эволюция поэтики. Все эти вопросы рассматриваются на основе сопоставления с материалами эпоса тюрко-монгольских народов. Автор останавливается на таких крупных разделах исследования, как «Раннеэпические формы», «Классические формы эпоса (сюжетный состав и стилистика)», «Трансформация героико-исторического эпоса», «Позднеэпические формы эпоса».

Продолжением докторской работы явилась монография «Сказительское мастерство манасчи», которая была опубликована в 1984 г. в издательстве «Илим» Академии наук Киргизской ССР. В работе раскрываются творческие биографии

сказителей-манасчи, их место и роль в развитии и бытовании эпоса, а также является живая связь поколений сказителей в условиях устной традиции. Освещаются вопросы, связанные с закономерностями сохранения традиции, ее стабильности и допустимости вариаций. Проблеме соотношения традиционного и импровизации в сказительстве, художественной поэтике в эпосе «Манас» посвящены следующие работы Р.З. Кыдырбаевой: «Варианты эпоса “Манас”» (в соавторстве с А. Жайнаковой и К. Кырбашевым) – издана в г. Фрунзе издательством «Илим» в 1989 г., «Мезгилдер, муундар жана манасчы» («Времена, поколения, сказители») – издана в г. Фрунзе издательством «Илим» в 2004 г., «Кыргыздардын оозеки маданиятынын калыптанышындагы тарыхый көркөм өбөлгөлөр» («Художественные и исторические средства формирования устнопоэтической культуры») – издана в г. Бишкек в 2009 г.

В монографии «В начале было Слово», изданной в г. Бишкек в 2007 г., автор обосновывает особенности воспроизведения героической эстетики эпоса «Манас», способы воссоздания устного художественного слова в сравнительно-сопоставительном плане с тюрко-монгольским эпосом, рассматривает жанр кошока (причитаний) как особую архаическую форму кыргызского фольклора. Взаимоотношения кыргызского и монгольского эпоса рассматриваются в работе 2012 г. «Кыргызско-монгольские эпические параллели».

Не остались без внимания Р.З. Кыдырбаевой и вопросы акынской поэзии. Творчеству видного кыргызского акына посвящена ее работа «Токтогул Сатылганов», изданная в г. Фрунзе издательством «Илим» в 1989 г. В научно-популярном очерке автор раскрывает тесную связь его поэзии с традиционной устнопоэтической культурой народа.

Многолетние теоретические разработки Р.З. Кыдырбаевой легли в основу терминологического словаря по литературе и фольклору, созданному в соавторстве с К. Асаналиевым и изданным в г. Бишкек в 2004 г. («Кыргыз адабий илиминин терминдер сөздүгү»). Данный труд стал вкладом в формирование отечественной фольклористики и литературоведения, важным методологическим пособием на кыргызском языке.

Эти фундаментальные работы Р.З. Кыдырбаевой являются итогом многолетних исследований автором вопросов фольклора, в том числе прикладных, практических. Р.З. Кыдырбаева – филолог необычайно широкого диапазона. Трудно перечислить те области фольклористики, акынской поэзии, эпосоведения, в которых Раиса Заитовна не оставила бы заметного следа. Из-под пера Р.З. Кыдырбаевой вышло более 200 научных статей. Ее научные труды всегда отличаются глубоко продуманной теорией и методологией, обоснованными выводами и обобщениями, новыми идеями в области исследуемых явлений и анализом огромного фольклорного материала.

Под ее редакцией изданы «“Сейтек” эпосунун академиялык басылышы (С. Каралаевдин варианты)» («Академическое издание варианта С. Каралаева “Сейтек”») (Фрунзе, 1984), «“Манас” эпосунун академиялык басылышы (С. Орозбаковдун варианты)» («Академическое издание варианта С. Орозбакова “Манас”») (Бишкек, 1995), «Манас, Семетей, Сейтек» (Бишкек, 1999), «Санатнасыят жана эмгек ырлары» («Назидательные и трудовые песни») в серии «Народная литература» (24 том, Бишкек, 2003).

За участие в подготовке «Энциклопедии “Манас”» Р.З. Кыдырбаева была удостоена Государственной награды в области науки и техники в 1998 г.

За подготовку и написание предисловия к изданиям Международного фонда гуманитарного сотрудничества в серии «Фольклор и литературные памятники Киргизии» Р.З. Кыдырбаева была награждена почетной грамотой за выдающийся творческий и научный вклад в межкультурный диалог, сохранение и умножение культурного многообразия и народного творчества в художественной литературе, за участие в создании библиотеки «Классика литератур СНГ», имеющей большое прикладное значение, в сбережении многовековых духовных и филологических ценностей народов России и Киргизии (19 декабря 2011 г.).

Наряду с исследовательской работой Р.З. Кыдырбаева отдает много сил подготовке научно-педагогических кадров фольклористов – вот уже много лет профессор является научным руководителем и консультантом при написании кандидатских и докторских диссертаций. Под ее руководством защитилось 22 кандидатских и 4 докторских диссертации по фольклористике. Сегодня можно с уверенностью сказать, что создана целая школа – школа Р.З. Кыдырбаевой, которая плодотворно работает на ниве кыргызской филологии.

Р.З. Кыдырбаева принимает самое активное участие в жизни фольклористического сообщества нашей страны. На протяжении долгих лет она является членом диссертационного совета по присвоению научных степеней по специальности «Фольклористика» и «Литературоведение». Раиса Зайтовна – одна из наиболее востребованных оппонентов при защите докторских диссертаций. Общее количество написанных ею рецензий более ста, и все они представляют собой оригинальные научные произведения. Она участник многих международных конференций, симпозиумов по тюркологии, по проблемам фольклористики.

Р.З. Кыдырбаева активно участвует в разработке и утверждении государственных и международных Программ. Она участвовала в составлении номинационного файла по искусству кыргызских акынов для внесения в список шедевров устного и нематериального наследия человечества, учрежденного Генеральной дирекцией ЮНЕСКО. По заданию Министерства культуры КР ею была разработана концепция для представления эпоса «Манас» в Репрезентативный список ЮНЕСКО (2012). Принимала активное участие в разработке и принятии Закона о трилогии «Манас. Семетей. Сейтек» (2011).

Р.З. Кыдырбаева состояла членом комитета по присуждению премии им. Токтогула Сатылганова в области литературы и искусства.

Говоря о человеческих качествах Раисы Зайтовны, нельзя не отметить ее исключительное трудолюбие и скромность, высокую требовательность к себе, внутреннюю культуру и доброжелательность в общении с коллегами. Член-корреспондент Раиса Зайтовна Кыдырбаева представляет собой образец ученого-мыслителя, на которого могут равняться молодые ученые. Она по праву считается основателем научной фольклористической школы в Кыргызской Республике.

Акматалиев А.А.

*директор Института языка и литературы им. Ч. Айтматова
Национальной академии наук Кыргызской Республики, академик*

Библиография основных научных трудов Р.З. Кыдырбаевой**На русском языке**

- Кыдырбаева Р.З.* Лирика А. Осмонова. – Фрунзе: Изд. АН Киргизской ССР, 1957. – 113 с. {A. Osmonov's lyrics. – Frunze: Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR, 1957. – 113 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* Идеино-художественные особенности эпоса «Саринжи-Бокей». – Фрунзе: Изд. АН Киргизской ССР, 1959. – 43 с. {Ideological and artistic features of the epic «Sarinzhi-Bokey». – Frunze: AN Kirghiz SSR publishing house, 1959. – 43 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* Народно-поэтические традиции эпоса «Джаныл Мырза». – Фрунзе: Изд. АН Киргизской ССР, 1960. – 48 с. {Folk poetic traditions of the epic «Dzhanyl Myrza». – Frunze: AN Kirghiz SSR publishing house, 1960. – 48 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе «Манас». – Фрунзе: Илим, 1967. – 112 с. {Upon the problem of the traditional and the individual in the epic «Manas». – Frunze: Ilim, 1967. – 112 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* Генезис эпоса «Манас». – Фрунзе: Илим, 1980. – 279 с. {Genesis of the epic «Manas». – Frunze: Ilim, 1980. – 279 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* Сказительское мастерство манасчи. – Фрунзе: Илим, 1982. – 117 с. {Storytelling skill of manaschi. – Frunze: Ilim, 1982. – 117 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* Варианты эпоса «Манас» (в соавт. с А. Жайнаковой, К. Кырбашевым). – Фрунзе: Илим, 1987. – 159 с. {Variants of the epic «Manas» (co-authored with A. Zhainakova, K. Kyrbashhev). – Frunze: Ilim, 1987. – 159 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* Токтогул Сатылганов: научно-популярный биографический очерк. – Бишкек: Илим, 1989. – 144 с. {Toktogul Satylganov: popular scientific biographical sketch. – Bishkek: Ilim, 1989. – 144 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* В начале было Слово... – Бишкек, 2013. – 324 с. {In the beginning was the Word... – Bishkek, 2013. – 324 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* Голос вечности. Фольклор и литературные памятники Киргизии / Сост. и ред. Б.К. Рябухин, вступительная статья А.А. Акматалиева и Р.З. Кыдырбаевой // Классика литератур СНГ. – М.: Худож. лит., 2009. – 712 с. {The voice of eternity. Folklore and literary monuments of Kyrgyzstan / Compiled and edited by B.K. Ryabukhin, introductory article by A.A. Akmataliyev and R.Z. Kydyrbaeva // Classics of CIS literatures. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 2009. – 712 pp.}
- Кыдырбаева Р.З.* Ковры по склонам сизых гор. Фольклор и литературные памятники Киргизии / Сост. А.А. Акматалиев, вступительная статья А.А. Акматалиева и Р.З. Кыдырбаевой // Классика литератур СНГ. – М.: Худож. лит., 2011. – 616 с. {Carpets on the slopes of gray mountains. Folklore and literary monuments of Kyrgyzstan / Compiled by A.A. Akmataliyev, introductory article by A.A. Akmataliyev and R.Z. Kydyrbaeva // Classics of CIS literatures. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 2011. – 616 pp.}

На кыргызском языке

- Кыдырбаева Р.З.* Мезгилдер, муундар, жана манасчи. – Бишкек, 2004. – 113 с. {Times, generations, storytellers. – Bishkek, 2004. – 113 pp. (in Kyrgyz)}
- Кыдырбаева Р.З.* Кыргыз адабий илиминин терминдер сөздөгү (К. Асаналиев менен). – Бишкек, 2004. – 572 с. {Dictionary of literary terms (co-authored with K. Asanaliyev). – Bishkek, 2004. – 572 pp. (in Kyrgyz)}
- Кыдырбаева Р.З.* Кыргыздардын маданий калыптанышындагы тарыхый өбөлгөлөр. – Бишкек, 2009. – 108 с. {Artistic and historical means of forming oral poetic culture. – Bishkek, 2009. – 108 pp. (in Kyrgyz)}

THE 90th ANNIVERSARY OF R.Z. KYDYRBAEVA

A.A. Akmataliyev – Director of Ch. Aytmatov Institute for Language and Literature, National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic, Academician.

ВАЛИ ШАГАЛИЕВИЧ ПСЯНЧИН
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В первой половине этого, 2020 г. научная общественность Республики Башкортостан отметила 90-летие со дня рождения известного башкирского языковеда-тюрколога, педагога-методиста и общественного деятеля Вали Шагалиевича Псянчина (1930–2013)¹ в дистанционном формате². Всю свою сознательную

¹ Кильмухаметов Т. ПСЯНЧИН Вали Шагалиевич // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: Науч. изд-во «Башк. энцикл.», 1996. – С. 488; Килмөхәмәтов Т. ПСЭНЧИН Вәли Шәғәли улы // Башкортостан: Кыска энциклопедия. – «Башк. энцикл.» нәшр., 1997. – 493-сө б.; ПСЯНЧИН Вали Шагалиевич // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 5. П – Советы / Гл. ред. М.А. Ильгамов. – Уфа: Башк. энцикл., 2009. – С. 218; Псәнчин Вәли Шәғәли улы // Башкорт энциклопедияһы: 7 томда. 5-се т. П – С. / Баш. мөхәңнәр. М.Ә. Илһамов. – Өфө: Башк.энцикл., 2016. – 141-се б.; ПСЯНЧИН ВАЛИ ШАГАЛИЕВИЧ // Юдакин А.П. Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание: Энциклопедия. (Серия «Ведущие языковеды мира») / Гл. ред. К.М. Мусаев. – М., 2001. – С. 396–400.

² Самситова Л.Х., Солтанова Г.И. Исеме – халкыбыз күнелендә (телсе-ғалим В.Ш.Псәнчинден тыуыуына – 90 йыл) // Башкортостан укытыусыһы. – 2020. – № 4. – 18–20-се бб.; Шаһиев Р. Рух асылыны юл ярзы (Телсе-ғалим Вәли Псәнчинден тыуыуына – 90 йыл) // Ватандаш (Соотечественник – Compatriot). – 2020. – № 4. – 82–90-сы бб.;

жизнь он посвятил изучению актуальных проблем башкирского языкознания, методики его преподавания в школах и вузах, а также общественной работе.

Вали Шагалиевич Псянчин (башк. *Вәли Шәғәли улы Псәнчин*) родился 22 апреля 1930 г. в д. 1-е Давлеткулово Зилаирского кантона Башкирской АССР (ныне – Кугарчинского района Республики Башкортостан) в семье сельского учителя.

Глава семейства, Шагали Мухаметсакеевич Псянчин (1909–1944), в свое время окончил педагогические курсы при Башкирском педагогическом техникуме, затем и сам педтехникум, который располагался тогда в Оренбургском Караван-Сарае. В 1941 г. ушел на фронт с должности директора Верхнесанзяповской неполной средней школы Кугарчинского района. Воевал младшим политруком. Пал смертью храбрых весной 1944 г. в тяжелых боях за освобождение Одессы. Похоронен Шагали Псянчин в братской могиле в д. Петровка Одесской области. В 1944 г. посмертно награжден орденом Отечественной войны второй степени.

Мать, Шамсивара Шагадатовна (1910–1966), совершила настоящий материнский подвиг, вырастив и воспитав четверых детей, получивших образование и ставших достойными членами общества. Судьба Вали Псянчина схожа с судьбами многих детей войны, познавших нужду и лишения, выдержавших все испытания. Еще подростком он получил свою первую государственную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которой очень гордился.

Таким образом, его детство и юность пришлись на тяжелые годы Великой Отечественной войны.

В 1944 г. оканчивает Кугарчинскую семилетнюю школу и продолжает свое образование в Мраковской средней школе, затем становится учащимся Мраковского педагогического училища. После окончания в 1948 г. педагогического училища работал в Сапыковской начальной, позже – Айгай-Мурсаляевской семилетней школах родного района. В 1950–1953 гг. служил в рядах Советской армии и демобилизовался младшим лейтенантом запаса. В 1953 г. снова возвращается к учительскому труду в родном Кугарчинском районе.

В 1954 г. Вали Шагалиевич поступает на историко-филологический факультет Башкирского государственного педагогического института им. К.А. Тимирязева (ныне – ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»), который в 1957 г. преобразуется в Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября. После успешного окончания учебы в университете в 1959 г. Вали Псянчин начинает трудовую деятельность в качестве начальника отдела учебников Министерства просвещения Башкирской АССР.

Килмөхәмәтов Т. «Мырзам, һеззә телгә “чутье” бар...» // Башкортостан. – 03.04.2020. – № 25 (27727); Псәнчин Ю. Ул тоғролок һәм яуаплылык иленән ине (Көслө кешеләргә хас һызаттарға эйә булды) // Башкортостан. – 14.06.2020. – № 54 (27756); Исаков Р. Якты иштәлек калдырзы үзенән (22 апрелдә күренекле тел белгесе, төркиәтсе галим, укытыусы-методист, тынғыһыз йәмәгәт эшмәкәре Вәли Шәғәли улы Псәнчиндең тыууына 90 йыл тулды) // Йәшлек. – 24.04.2020. – (11272); Надергулов М. Свет родного языка (К 90-летию со дня рождения Вали Шагалиевича Псянчина) // Вечерняя Уфа. – 24.04.2020. – (13407); Надергулов М. Известный ученый-языковед и педагог (к 90-летию со дня рождения В.Ш. Псянчина) // Проблемы востоковедения. – 2020. – № 3 (89). – С. 69–73.

В 1961–1964 гг. В.Ш. Псянчин – аспирант очной формы обучения при кафедре башкирского языка Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября. В 1965 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «История формирования башкирского литературного письменного языка» под руководством доктора филологических наук, профессора Джалиля Гиниятовича Киекбаева (1911–1968). В своей работе В.Ш. Псянчину удалось доказать, что в основе литературного языка башкир лежит не старотюркский письменный язык, а общенародный устный литературный язык, на котором создавалось богатое башкирское устное народное творчество – героические эпосы, сказы (кубаиры), классические народные песни, сэзляу, пословицы. При этом сэзэнами, т. е. народными сказителями, на протяжении веков разрабатывался стиль башкирской народной поэзии, который усваивал особенности диалектов башкирского языка. До 1917 г., т. е. до Великой Октябрьской социалистической революции у башкир уже был общенародный устный литературный язык, отличавшийся своей обработанностью от разговорного, обиходного языка. В.Ш. Псянчин считал, что старотюркский язык, функционируя в Урало-Поволжье Российской империи до начала XX в., выполнял роль официального литературного языка как для башкир, так и для татар.

В 1964–1984 гг. Вали Шагалиевич преподает на кафедре башкирского языка Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября ассистентом, затем старшим преподавателем и доцентом. В 1970 г. утверждается в ученом звании доцента по кафедре башкирского языка. Читает лекции и ведет практические занятия по лексике, башкирской диалектологии, сравнительной грамматике тюркских языков, истории башкирского литературного языка. Читает спецкурс «Художественные средства языка», посвященный проблемам языка произведений башкирских писателей.

В своей научно-исследовательской деятельности Вали Шагалиевич Псянчин активно разрабатывал пять научных направлений. О первом направлении, т. е. об изучении им истории башкирского литературного языка, уже было сказано.

Вторым направлением следует считать вопросы грамматики башкирского языка. Вали Шагалиевич является соавтором академического труда «Грамматика современного башкирского литературного языка» (М., 1981) и учебника для пединститутов «Современный башкирский язык» (Уфа, 1986).

Третье направление его научной деятельности связано с разработкой проблем исторической грамматики башкирского языка, где основное внимание было уделено использованию и дальнейшему развитию методологии изучения категории определенности-неопределенности на примере эволюции аффиксов именных частей речи тюркских языков кыпчакской группы. Позднее исследования В.Ш. Псянчина в этой области были представлены в его монографии на башкирском языке «Историческая морфология башкирского языка» (соавтор А.М. Азнабаев; Уфа, 1976), в учебном пособии «Лекции о происхождении формообразующих аффиксов имени прилагательного башкирского языка» (Уфа, 1978) и в вузовском учебнике на русском языке «Историческая грамматика башкирского языка» (соавтор А.М. Азнабаев; Уфа, 1983), а также в ряде методических разработок, статей в ведущих журналах и сборниках.

Четвертым научным направлением было изучение им проблем лингвопоэтики и идиостиля башкирских писателей и поэтов. В результате его изысканий

увидели свет монографии «Мустай Карим – мастер слова» (Уфа, 1972), «Чудо образного слова» (Уфа, 1996), пособия для учителей «Художественные средства языка» (Уфа, 1984) «Художественные средства языка. С упражнениями» (Уфа, 2003).

Пятым направлением научно-исследовательской деятельности В.Ш. Псянчина является лингводидактика.

Впервые в истории не только башкирской лингводидактики, но и тюркской лингводидактики вообще, им были написаны учебные пособия «Основы риторики. Для 10–11 классов» (Уфа, 2001), «Основы культуры речи» (Уфа, 2004), «Башкирское художественное слово: от слова к выразительной речи» (Уфа, 2008), «Башкирский язык. Сборник упражнений для педагогических училищ, колледжей, гимназий, лицеев» (Уфа, 1997; Уфа, 2007).

В.Ш. Псянчин с 1959 по 2013 гг., т. е. на протяжении 54 лет, высокопрофессионально занимался созданием учебников по башкирскому языку в качестве родного. Им за это время в соавторстве и самостоятельно были изданы учебники для 5, 9, 10–11 классов башкирских школ. Он является автором программ, учебно-методических пособий в виде дидактических материалов и методических рекомендаций к учебникам, сборников изложений, сборников упражнений для средних школ, педагогических колледжей и вузов. Неоднократно ученый становился победителем республиканских конкурсов на лучший учебник.

Тем самым В.Ш. Псянчин смог внести большой личный вклад в повышение авторитета и уровня преподавания башкирского языка, престижа труда учителей родного языка. По его книгам и пособиям выучилось несколько поколений учащихся.

В 1984–1993 гг. Вали Шагалиевич является заведующим Башкирским филиалом НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР (с 1991 г. – Башкирский филиал Института национальных проблем образования Министерства образования РФ). За эти годы ученый оказывает большую учебно-методическую помощь башкирским школам, находящимся в сопредельных с Башкортостаном регионах, способствует открытию новых башкирских школ в Оренбургской, Курганской, Челябинской и других областях. В.Ш. Псянчин принимает активное участие в создании учебников нового поколения по башкирскому языку и литературе, русскому языку и литературе для башкирских школ. С 1993 по 2003 гг. трудится здесь же главным научным сотрудником.

Ученый вел активную общественную деятельность. Вали Шагалиевич Псянчин избирался членом-корреспондентом общественной организации «Академии педагогических и социальных наук». Являлся членом Терминологической комиссии при Президиуме Верховного Совета БАССР, Комиссии по переводу трудов классиков марксизма-ленинизма при Башкирском обкоме КПСС, Совета ректоров Республики Башкортостан, редколлегии журнала «Учитель Башкортостана», диссертационного совета при Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября. На протяжении ряда лет избирался председателем профбюро филологического факультета, более десяти лет руководил научным кружком по родному языку при кафедре башкирского языка Башгосуниверситета им. 40-летия Октября, из которого вышло много известных ученых.

С 2003 г. Вали Шагалиевич находился на заслуженном отдыхе, но все равно продолжал активно заниматься наукой. Всегда был в курсе научных новинок, вел активную общественную жизнь. Во всех делах его помощником и соратником

была супруга Лилия Габдулбареевна Кильмухаметова, уроженка д. Ибрагимово Кармаскалинского района Башкирской АССР, дочь офицера Рабоче-крестьянской Красной Армии, по профессии библиотечный работник, с которой они прожили в любви и согласии 53 года. Она сама печатала рукописи, редактировала статьи и труды Вали Шагалиевича, всегда была первым читателем и критиком его книг.

Таким образом, В.Ш. Псянчин всю свою жизнь плодотворно трудился в отечественной тюркологии и педагогике, став одним из авторитетнейших ученых в области теории и практики башкирского языка. Он глубоко исследовал проблемы стилистики художественной речи, риторики, поэтики, культуры речи и истории развития литературного языка, описательной и исторической грамматики, определил лингводидактические основы методики преподавания башкирского языка в образовательных учебных заведениях. Вали Шагалиевич является автором около 400 научных трудов, монографий, учебников, учебных пособий и программ для общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений, статей и материалов конференций.

Хотелось бы подчеркнуть и личностные качества Вали Шагалиевича Псянчина, ведь мы, авторы этих строк, очень хорошо знали его как человека с большой буквы, так как он на протяжении пяти лет, т. е. с 1967 по 1972 г. был куратором нашей группы. Его всегда отличали добродушие, ответственный подход к людям. У него было по-человечески теплое отношение к нам, он никогда не повышал голоса на студентов. При этом всегда старался помочь нам, студентам его группы. Мы тоже его уважали, отвечали на его доброту своими делами. Так, по итогам социалистического соревнования к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина наша группа по всем показателям заняла первое место на филологическом факультете Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября. Многие выпускники нашей группы стали известными в Башкортостане людьми, среди них и писатели, педагоги-новаторы, общественные деятели и ученые-филологи. В этом тоже большая заслуга нашего куратора. Сейчас, после сорока восьми лет нашего выпуска, можем говорить открыто: эти пять лет были лучшими годами нашей жизни!

Плодотворная научно-педагогическая деятельность Вали Шагалиевича Псянчина получила высокую оценку государства и общественности. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель Башкирской Советской Социалистической Республики». Он является «Отличником народного просвещения РСФСР» и «Отличником просвещения Республики Башкортостан». Был награжден многими медалями. В 1985 г. Указом Президиума Верховного Совета БАССР награжден медалью «Ветеран труда». В 2000 г. его самоотверженный труд был отмечен Почетной грамотой Республики Башкортостан. В 2005 г. награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

Скончался Вали Шагалиевич Псянчин 30 мая 2013 г. на 84-м году жизни и похоронен на Аллее трудовой славы на Южном кладбище г. Уфа.

Его дело ныне продолжают сыновья Юлай и Айбулат Псянчины, ставшие известными учеными. Юлай Валиевич, как и отец, стал языковедом, является доктором филологических наук, профессором. В настоящее время трудится в ГБУ Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан в качестве началь-

ника отдела научно-технической информации – ученым секретарем. Айбулат Валиевич – доктор географических наук, также профессор, с 2015 г. в качестве исполняющего директора, а с 2018 г. в качестве избранного директора возглавляет Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. В 2005–2011 гг. и 2018–2020 гг. работал, соответственно, заместителем председателя Уфимского научного центра РАН и Уфимского федерального исследовательского центра РАН. А.В. Псянчин долгие годы заведовал кафедрой географии, туризма и краеведения на родном географическом факультете Башкирского государственного университета, он является заслуженным деятелем науки Республики Башкортостан.

Жизнь и научно-педагогическая деятельность ученого отражены в русском (Уфа, 1996) и башкирском (Уфа, 1997) изданиях «Краткой энциклопедии “Башкортостан”», 5-м томе «Башкирской энциклопедии» на русском (Уфа, 2009) и башкирском (Уфа, 2016) языках. Информация о нем представлена в русской и башкирской редакциях «Википедии». Российский языковед А.П. Юдакин вполне справедливо включил В.Ш. Псянчина в энциклопедию «Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание» в число ведущих языковедов-алтаистов мира. Одна из улиц райцентра Кугарчинского района Республики Башкортостан с. Мраково с недавних пор носит имя Вали Псянчина.

Султанбаева Хадиса Валиевна

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры востоковедения и башкирского языкознания
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;
e-mail: sultanxv@mail.ru*

Усманова Минсылу Губайтовна

*доктор филологических наук, председатель Терминологической комиссии
при Правительстве Республики Башкортостан;
e-mail: usmanova.minsylu@mail.ru*

Библиография основных трудов В.Ш. Псянчина

- Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш.* Историческая морфология башкирского языка (опыт сравнительно-исторического исследования) / Монография (на башк. яз.). – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1976. – 176 с. {*A.M. Aznabayev, V.Sh. Psianchin.* Historical morphology of Bashkir language (an attempt of comparative and historical research) / A Monograph (in Bashkir). – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1976. – 176 pp.}
- Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш.* Историческая грамматика башкирского языка: учебное пособие. – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1983. – 244 с. {*A.M. Aznabayev, V.Sh. Psianchin.* Historical grammar of Bashkir language: a manual. – Ufa: Publishing House of Bashkir State University, 1983. – 244 pp.}
- Псянчин В.Ш.* История формирования башкирского литературного письменного языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Казань, 1965. – 24 с. {*V.Sh. Psianchin.* History of formation of Bashkir literary written language: Ph.D. diss. abstract. – Kazan, 1965. – 24 pp.}
- Псянчин В.Ш.* Мустай Карим – мастер слова (на башк. яз.). – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972. – 112 с. {*V.Sh. Psianchin.* Mustay Karim – the Master of Word (in Bashkir). – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1972. – 112 pp.}
- Псянчин В.Ш.* Лекции о происхождении формообразующих аффиксов имени прилагательного башкирского языка. – Уфа: БашГУ, 1978. – 81 с. {*V.Sh. Psianchin.* Lectures on genesis of derivational affixes of adjective in Bashkir language. – Ufa: Bashkir State University, 1978. – 81 pp.}

- Псянчин В.Ш.* Местоимение. Имя числительное // Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – С. 153–167. {*V.Sh. Psianchin. Pronoun. Numeral // Grammar of modern Bashkir language. – Moscow: Nauka, 1981. – PP. 153–167.*}
- Псянчин В.Ш.* Художественные средства языка: пособие для учителей (на башк. яз.). – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984. – 127 с. {*V.Sh. Psianchin. The art mediums of language: a manual for teachers (in Bashkir). – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1984. – 127 pp.*}
- Псянчин В.Ш.* Морфология. Части речи. Имя существительное. Имя прилагательное и их словообразование. Местоимение // Современный башкирский язык: учебник для факультетов начальных классов педагогических институтов (на башк. яз.). – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. – С. 167–188; 194–202. {*V.Sh. Psianchin. Morphology. Parts of Speech. Noun. Adjectives and their formation. Pronoun // Modern Bashkir language: manual for faculties of elementary classes of pedagogical high schools (in Bashkir). – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1986. – PP. 167–188; 194–202.*}
- Псянчин В.Ш.* Чудо образного слова (на башк. яз.). – Уфа: Изд-во «Китап», 1996. – 336 с. {*V.Sh. Psianchin. The wonder of imaginative word (in Bashkir.) – Ufa: Kitap publishing house, 1996. – 336 pp.*}
- Псянчин В.Ш.* Башкирский язык: сборник упражнений для педагогических училищ, колледжей, гимназий, лицеев (на башк. яз.). – Уфа: Китап, 1997. – 256 с. {*V.Sh. Psianchin. Bashkir language: a compendium of exercises for pedagogical secondary schools, colleges, gymnasiums and lyceums (in Bashkir.). – Ufa: Kitap, 1997. – 256 pp.*}
- Псянчин В.Ш.* Основы риторики: пособие для 10–11 классов общеобразовательной башкирской школы (на башк. яз.). – Уфа: Китап, 2001. – 200 б. {*V.Sh. Psianchin. The basics of Rhetoric: a manual for 10th and 11th grades of general Bashkir school (in Bashkir). – Ufa: Kitap, 2001. – 200 pp.*}
- Псянчин В.Ш.* Художественные средства языка. С упражнениями (на башк. яз.). – Уфа: Китап, 2003. – 192 с. {*V.Sh. Psianchin. The art mediums of language. With exercises. (in Bashkir.). – Ufa: Kitap, 2003. – 192 pp.*}
- Псянчин В.Ш., Псянчин Ю.В.* Сборник упражнений к учебнику «Родной язык». 10–11 классы. Пособие для учащихся (на башк. яз.). – Уфа: Китап, 2003. – 240 с. {*V.Sh. Psianchin, Yu.V. Psianchin. A collection of exercises for the «Mother tongue» coursebook. 10th–11th classes. A manual for students (in Bashkir.). – Ufa: Kitap, 2003. – 240 pp.*}
- Псянчин В.Ш.* Основы культуры речи: пособие для учащихся старших классов общеобразовательных школ, гимназий, лицеев, педагогических колледжей (на башк. яз.). – Уфа: Китап, 2004. – 184 с. {*V.Sh. Psianchin. The basics of speech culture: a manual for students of senior classes of general schools, gymnasiums, lyceums and pedagogical colleges (in Bashkir.). – Ufa: Kitap, 2004. – 184 pp.*}
- Псянчин В.Ш.* Башкирский язык: сборник упражнений для педагогических училищ, колледжей, гимназий, лицеев (на башк. яз.). – Уфа: Китап, 2007. – 216 с. {*V.Sh. Psianchin. Bashkir language: a collection of exercises for pedagogical secondary schools, colleges, gymnasiums, lyceums (in Bashkir.). – Ufa: Kitap, 2007. – 216 pp.*}
- Псянчин В.Ш.* Башкирское художественное слово (от слова к выразительной речи): учебное пособие по курсу «Изучение языка художественной литературы» для учащихся 10–11 классов гимназий, лицеев, общеобразовательных школ (на башк. яз.). – Уфа: Китап, 2008. – 224 с. {*V.Sh. Psianchin. Bashkir artistic word (from a word to eloquent speech): a manual for course «Study of language of fiction literature» for students of 10th–11th classes of gymnasiums, lyceums and general schools (in Bashkir.). – Ufa: Kitap, 2008. – 224 pp.*}

**VALI SHAGHALIYEVICH PSIANCHIN
(TO THE 90TH ANNIVERSARY)**

Sultanbayeva Khadisa Valiyevna – Ph.D. in philology, Docent, Professor of the Orientalistics and Bashkir language Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Bashkir State University; e-mail: sultanxv@mail.ru.

Usmanova Minsylu Gubaytovna – Ph.D. in philology, President of Commission for Terminology of the Government of Republic of Bashkortostan; e-mail: usmanova.minsylu@mail.ru.

**ДОСТОЙНЫЙ СЫН БАШКИРСКОГО НАРОДА
(К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА
МАРАТА ВАЛИЕВИЧА ЗАЙНУЛЛИНА)**

*Человек умирает – имя остается
(поговорка)*

Видный ученый, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Башкортостан Марат Валиевич Зайнуллин родился в 1935 г. в д. Верхнее Сазово Кугарчинского района Республики Башкортостан. После окончания Мраковского училища поступил на филологический факультет Башкирского педагогического института им. К.А. Тимирязева (ныне Башгосуниверситет), который в 1959 г. окончил с отличием по специальности «Филолог. Башкирский язык и литература, русский язык и литература». По предложению профессора Дж.Г. Киекбаева Марат Валиевич Зайнуллин поступил в аспирантуру, после аспирантуры с 1 октября 1962 г. работал на кафедре башкирского и общего языкознания. Огромное влияние на формирование научных взглядов Марата Валиевича оказал его научный руководитель, доктор филологических наук, профессор, выдающийся тюрколог Джалиль Гиниятович Киекбаев. В 1963 г. под его руководством Марат Валиевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке». В 1988 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Функционально-

семантическая категория модальности (на материале башкирского языка)». В 1988 г. ему присвоено звание профессора по специальности «Языкознание».

Марат Валиевич Зайнуллин внес значительный вклад в подготовку педагогических кадров для республики. С 1966 по 1991 гг. с небольшими перерывами был деканом филологического факультета, с 1989 по 2016 гг. – заведующим кафедрой башкирского и общего языкознания, с 2000 по 2014 гг. – деканом факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета. За годы работы в университете читал лекции по курсам «Теория языка», «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Современный башкирский литературный язык. Морфология», по спецкурсам «Новые научные направления в зарубежном языкознании», «Лингвокультурология», «Основные принципы современного языкознания», руководил дипломными работами.

Под научным руководством академика выполнено более 50 кандидатских и докторских диссертаций, создана научная школа по лингвокультурологии. С гордостью и уверенностью можно сказать, что он является основателем башкирской лингвокультурологии!

Многие годы он был председателем диссертационного совета Д 212.013.06 по защите диссертаций по филологическим наукам при Башкирском государственном университете. За 30 лет работы Совета защищено более 180 кандидатских и докторских диссертаций, в том числе защищены диссертации аспирантов и докторантов не только из Республики Башкортостан, но и из Чувашии, Татарстана, Якутии, Бурятии, Кабардино-Балкарии, Мордовии, Дагестана, Хакасии, Республики Алтай и др.

Научные исследования Марата Валиевича Зайнуллина посвящены изучению грамматики, лексикологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации, также ученый внес большой вклад в развитие сопоставительного изучения башкирского и русского языков. Уже один перечень этих проблем свидетельствует о необычайной широте исследований ученого. Академиком опубликовано более 450 работ, среди которых монографические исследования: «Категория модальности в современном башкирском языке» (1975), «Модальность как функционально-семантическая категория» (1986), «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (2013), «Лингвокультурология и межкультурная коммуникация» в соавторстве с Л.М. Зайнуллиной (2014); учебники и учебные пособия: «Лексико-грамматические и грамматические средства выражения модальности в современном башкирском языке» (1981), «Современный башкирский язык (глагол и его грамматические категории)» (1979), «О сущности и границах категории модальности» (Уфа, 2000), «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (Уфа, 2000, 2002, 2005), «Современный башкирский литературный язык. Личные и неличные формы глагола» (2009); «Избранные статьи» (Уфа, 2000), «Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание: избранные статьи» (2012); курс лекций «Общие проблемы лингвокультурологии» в соавторстве с Л.М. Зайнуллиной (Уфа, 2008) и др. Кроме этого труды ученого изданы в таких городах, как Москва, Пенза, Алма-Ата, Самарканд, Ташкент, Ашхабад, Бишкек.

Научная деятельность Марата Валиевича Зайнуллина началась с разработки вопросов морфологического строя башкирского языка. Ученым исследованы

грамматические категории глагола, а именно система временных форм и наклонений, где он рассматривал не только семантическое содержание категорий времени и наклонения глагола, но и тщательно проанализировал их функциональное назначение. В работах академика исследованы такие функционально-семантические категории, как модальность, темпоральность, персональность, аспектуальность и др., которые являются более общими, укрупненными категориями, чем наклонение, время, вид и т. д.

Марат Валиевич Зайнуллин был лингвистом широкого диапазона: его в равной мере интересовали проблемы морфологии и общего и сопоставительного языкознания, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. В трудах ученого исследованы проявления универсального и этноспецифичного в языке, культуре, межкультурной коммуникации, прессе, рекламе. Также широко освещены такие понятия, как «язык и культура», «языковая личность», «полилингвальная личность», «языковая картина мира», «менталитет и национальный характер», «национальная концептосфера», «поговорки и пословицы», «фразеологические единицы», «художественный текст», «афоризмы» и т. д. Как отмечает ученый, без языка как инструмента познания и общения невозможен процесс создания и передачи культурных ценностей, что позволяет рассматривать язык как явление культуры, а не просто ее составную часть, как категорию, которая отражает не только внешние свойства, но и внутренние отношения предметов и явлений действительности [Зайнуллин 2014: 3].

Марат Валиевич активно занимался организацией научно-практических конференций, семинаров и симпозиумов, систематически выступал с докладами на международных, всероссийских и республиканских конференциях. Он был участником всех тюркологических конгрессов, которые состоялись в Ташкенте, Алматы, Бишкеке, Москве, Ашхабаде, Казани, Анкаре, Уфе и др.

Нужно отметить, что Марат Валиевич относился к числу тех ученых, которые во многом определяли творческую атмосферу не только своего факультета, но и в целом университета. Он был настоящим лидером в науке.

Будучи академиком Академии наук Республики Башкортостан активно участвовал во всех мероприятиях, проводимых Академией, выступал на заседаниях отделения гуманитарных наук.

Академик Марат Валиевич Зайнуллин вел большую общественную и научно-организаторскую работу. Он долгие годы работал членом и заместителем председателя головного Совета по филологическим наукам при Госкомитете по высшему образованию Российской Федерации. Он был членом Российского комитета тюркологов при отделении историко-филологических наук РАН, членом Президиума Всемирной Ассоциации тюркологов, членом редколлегии научных журналов «Йәдкәр», «Вестник Башкирского университета», многотомной энциклопедии «Башкортостан», энциклопедии «Мустай Карим», членом Терминологической службы Комиссии Правительства, председателем комиссии по родному языку Всемирного курултая башкир, председателем землячества «Большой Ик» Кугарчинского района и т. д. Он был делегатом во Всемирных курултаях башкир (1995, 2002, 2010.). Под его руководством успешно велись исследования по госпрограммам «Языки народов Республики Башкортостан», «Башкирский язык в системе восточной культуры».

В 1970 г. профессор Марат Валиевич Зайнуллин награжден медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». За активную научную и общественную работу Марату Валиевичу в 1988 г. присуждена 2-я премия Государственного Комитета СССР по народному образованию. Он является обладателем гранта института «Открытое общество» (фонд Сороса) за исследование «Башкирский язык. Энциклопедия» (1999). Он отличник высшей школы СССР (1981), заслуженный деятель науки РБ (1992), отличник народного образования РБ (1995), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (1998), награжден почетными грамотами МО РБ, медалями, лауреат премии им. Дж.Г. Киекбаева (1996). В 2009 г. ему присуждено почетное звание «Заслуженный профессор Башкирского государственного университета».

Марат Валиевич вместе с супругой, кандидатом филологических наук Гаухар Динмухаметовной, которая в этом году отметила свое 85-летие, воспитали достойных детей. Дочь – Лилия Маратовна Зайнуллина – доктор филологических наук, профессор, заведовала кафедрой иностранных языков в Башкирском государственном университете. Сын – Мансур Маратович Зайнуллин – кандидат исторических наук, преподавал в Уфимском училище искусств. К сожалению, сейчас их нет рядом с нами. Светлая память об этих замечательных людях, талантливых ученых и педагогах навсегда останется с нами.

Хотелось бы отметить человеческие качества Марата Валиевича: интеллигентность, отзывчивость, трудолюбие, порядочность, внимательное и чуткое отношение к коллегам, доброжелательность и тактичность в отношениях с учениками, высокая требовательность к себе. Мы, его ученики, учились у него добросовестному отношению к делу, четкости, тщательности в работе. Имя выдающегося ученого-тюрколога, преданного всем сердцем отечественной науке, навсегда сохранится в истории тюркологии. Труды академика М.В. Зайнуллина остаются источником фундаментальных знаний о тюркских языках.

«Человек умирает – имя остается» – эта поговорка как нельзя лучше применима к Марату Валиевичу Зайнуллину: его имя – имя выдающегося ученого, внимательного и доброжелательного учителя, благородного человека, преданного всем сердцем науке и своему родному языку, навсегда сохранится в истории науки, в памяти всех тех, кому посчастливилось знать его и работать рядом с ним!

Самситова Луиза Хамзиновна

*доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник*

Института стратегических исследований

Республики Башкортостан

e-mail: luiza_sam@mail.ru.

Библиография основных научных трудов М.В. Зайнуллина

На русском языке

Зайнуллин М.В. Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1963. – 210 с. (защита 27.06.63, утв. 04.07.64). {*M.V. Zainullin.* Tense category of the indicative verb in modern Bashkir: Ph.D. thesis. – Kazan, 1963. – 210 pp.}

- Зайнуллин М.В.* Модальность как функционально-семантическая категория: монография. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986. – 124 с. {*M.V. Zainullin. Modality as a functional-semantic category: monograph. – Saratov: Saratov University Press, 1986. – 124 pp.*}
- Зайнуллин М.В.* Функционально-семантическая категория модальности в современном башкирском литературном языке: дисс. ... докт. филол. наук. – Уфа, 1987. – 381 с. (защищена 16.01.88, утв. 18.08.88). {*M.V. Zainullin. Functional-semantic category of modality in modern standard Bashkir: Ph.D. thesis. – Ufa, 1987. – 381 pp.*}
- Зайнуллин М.В.* О сущности и границах модальности в башкирском языке. – Уфа: БГУ, 2000. – 293 с. {*M.V. Zainullin. On the essence and boundaries of modality in Bashkir language. – Ufa: BSU, 2000. – 293 pp.*}
- Зайнуллин М.В.* Общие проблемы лингвокультурологии: курс лекций. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 206 с. {*M.V. Zainullin. General problems of cultural linguistics: a course of lectures. – Ufa: RIC BSU, 2008. – 206 pp.*}
- Зайнуллин М.В.* Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание: избранные статьи. – Уфа: Гилем, 2012. – 456 с. {*M.V. Zainullin. Bashkir, Turkic and comparative linguistics: selected Articles. – Ufa: Gilem, 2012. – 456 pp.*}
- Зайнуллин М.В., Зайнуллина Л.М.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 204 с. {*M.V. Zainullin., Zainullina L.M. Cultural linguistics and intercultural communication: Monograph. – Ufa: RIC BSU, 2014. – 204 pp.*}

На башкирском языке

- Зайнуллин М.В.* Хәзерге башкорт телендә модаллек категорияһы. – Өфө, 1975. – 165 б. {*M.V. Zainullin. The category of modality in modern Bashkir. – Ufa, 1975. – 165 pp. (In Bashkir.)*}
- Зайнуллин М.В., Ишбулатов Н.Х.* Хәзерге башкорт әзәби теле. Фонетика. Морфология. – Уфа, 1986. – 177 б. {*M.V. Zainullin., Ishbulatov N.Kh. Modern standard Bashkir. Phonetics. Morphology. – Ufa, 1986. – 177 pp. (In Bashkir.)*}
- Зайнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология: юғары уҡыу йорттарының филология факультеттары өсөн дәреслек. – Өфө: БДУ, 2002. – 388 б. {*M.V. Zainullin. Modern standard Bashkir. Morphology: textbook for philological faculties of universities. – Ufa: BSU, 2002. – 388 pp. (In Bashkir.)*}
- Зайнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология: уҡыу әсбабы. – Өфө: Китап, 2005. – 264 б. {*M.V. Zainullin. Modern standard Bashkir. Morphology: manual. – Ufa: Kitap, 2005. – 264 pp. (In Bashkir.)*}
- Зайнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле. Кылым һөйкәлештәре һәм кылым төркөмсәләре: юғары уҡыу йорттарының филология факультеттары студенттары өсөн уҡыу кулланмаһы. – Өфө: БДУ, 2009. – 212 б. {*M.V. Zainullin. Modern standard Bashkir. Verbal moods and kinds of verbs: manual for philological faculties of universities. – Ufa: BSU, 2009. – 212 pp. (In Bashkir.)*}
- Зайнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология: монография. – Өфө: БДУ, 2013. – 353 б. {*M.V. Zainullin. Modern standard Bashkir. Morphology: monograph. – Ufa: BSU, 2013. – 353 pp.*}

A WORTHY SON OF BASHKIR PEOPLE (TO THE 85th ANNIVERSARY OF THE ACADEMICIAN MARAT VALIEVICH ZAINULLIN)

*A human dies – the name rests
(saying)*

Samsitova Luiza Khamzinovna – Ph.D. in philology, Leading Researcher of Institute for Strategic Studies of Republic of Bashkortostan, e-mail: luiza_sam@mail.ru.

МНОГОГРАННАЯ ЛИЧНОСТЬ И ТАЛАНТ ОРГАНИЗАТОРА НАУКИ (К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ З.Г. УРАКСИНА)

*«Язык мой – судьба моя»
З.Г. Ураксин*

5 ноября 2020 г. исполнилось бы 85 лет известному тюркологу, доктору филологических наук, профессору, академику АН РБ Зиннуру Газизовичу Ураксину, научная деятельность которого охватывает многие направления языкознания, а общественная деятельность являет собой образец беззаветного служения Родине, языку и культуре своего народа.

Зиннур Газизович родился в 1935 г. в с. Максютово Тюльганского района Оренбургской области. После учебы в Мраковском педагогическом училище БАССР служил в армии, затем два года работал школьным учителем, в течение года проработал заведующим отделом в редакции Тюльганской районной газеты «Заря коммунизма».

В 1959 г. З.Г. Ураксин поступает на филологический факультет Башкирского государственного университета, по окончании которого начинает учиться в аспирантуре Института истории, языка и литературы БФАН СССР. С 1963 г. Зиннур Газизович работал в Институте истории, языка и литературы: младший научный сотрудник (1966–1968), с июля 1968 г. – старший научный сотрудник, с декабря

того же года – заведующий сектором языка, с 1978 г. – заместитель директора ИИЯЛ УНЦ РАН по науке, с 1988 г. – директор института, с поста которого уходит по собственному желанию в 2002 г., оставшись заведующим отделом языкознания (до 2005). С 2005 г. – главный научный сотрудник ИИЯЛ. Одновременно с 1992 г. он являлся академиком-секретарем отделения гуманитарных наук АН РБ, в 1996–2005 гг. – вице-президентом АН РБ.

Научная деятельность Зиннура Газизовича многоаспектна, многогранна. Он – автор более 300 научных трудов, посвященных проблемам лексикологии, терминологии, фразеологии, грамматики, топонимии, лексикографии, этнолингвистики, стилистики, социолингвистики, исторической грамматики, методики преподавания башкирского языка.

В самом начале научной карьеры центром его исследований становятся проблемы синонимии. Его кандидатская диссертация была посвящена вопросам изучения фразеологических синонимов в современном башкирском литературном языке [Ураксин 1966а]. Материалы этого исследования находят отражение в составленных им словарях синонимов, изданных в 1966, 1985, 2000 гг., каждый раз существенно дополняясь (2000 синонимов в 500 синонимических гнездах в словаре 1966 г., 2420 слов и фразеологических сочетаний в 600 гнездах в издании 1985 г., 3000 слов в 700 гнездах в работе 2000 г.) [Ураксин 1966б, 1985, 2000]. Словари отличаются тем, что в них не просто предложена подборка синонимов, но наблюдается стремление выявить семантическую градацию в каждом синонимическом ряду, отметить стилистические и частотные характеристики слова.

Предметом исследования в докторской диссертации Зиннура Газизовича становятся фразеологизмы [Ураксин 1975а]. Диссертация являлась первым опытом систематизированного описания фразеологии башкирского языка. На ее основе подготовлена и издана монография «Фразеология башкирского языка» [Ураксин 1975б], в которой фразеологические единицы анализируются в семантическом, грамматическом, синтагматическом, парадигматическом планах. Монография в свое время послужила образцом при изучении фразеологии других тюркских языков. Материалы исследования отображены в словарях [Ураксин и др. 1973; Ураксин 1989; Ураксин 1996, 2006].

Особенно большая работа проделана Зиннуром Газизовичем в области лексикографии. Он был и разработчиком принципов, и составителем, и редактором словарей по башкирскому языку, относящихся к периоду 1966–2007 гг. В его библиографии насчитывается более 20 лексикографических трудов, включая объемные двухтомники [СБЯ 1993; БРС 1996; РБС 2005]. За годы его работы в ИИЯЛ формируется своеобразная лексикографическая школа Ураксина, его учениками подготовлены многие отраслевые, учебные, ономастические словари по башкирскому языку. Поныне отдел языкознания Института истории, языка и литературы активно занимается проблемами терминологии, лексикографии, успешно продолжая дело наставника; лексикографические разработки, выполненные на протяжении века коллективом сотрудников отдела языкознания со дня основания ИИЯЛ, ставят Институт в ряд крупнейших центров тюркской лексикографии России.

При составлении словарей значительное внимание уделяется корректному определению грамматического статуса слова. В работах Зиннура Газизовича

данная проблема получает отражение в его статьях по междометиям, звательным словам, которые неоднозначно трактовались башкирскими лингвистами [Ураксин 1979: 88–93]. В дальнейшем его взгляды на грамматическую сущность слов находят место в академическом издании «Грамматика современного башкирского литературного языка» [ГСБЛЯ 1981], где З.Г. Ураксиным написаны разделы по именам существительным, именам прилагательным, инфинитивным формам глагола, междометиям, звательным словам, а также о связи слов и словосочетаниях.

Академик З.Г. Ураксин почти четверть века активно работал в Терминологической комиссии при Президиуме Верховного Совета БАССР: в 1966–1968 гг. секретарем, а в 1979–1992 гг. – председателем Комиссии. Наиболее злободневные вопросы из сферы терминологии публиковались им на страницах периодической печати, находя живой отклик среди населения.

Профессор З.Г. Ураксин проводит работу по популяризации, пропаганде родного языка и через подготовку учебной литературы. Прежде всего, выделяются составленные им учебные русско-башкирские словари (изданы в 1986, 1997, 2001, 1994, 2002 гг.). В практически единственном учебнике по башкирскому языку для вузов [СБЯ 1986] (переиздан в 2012 г.) им написаны основные разделы по лексикологии. Бережное отношение к слову, стремление показать красоту языка, пропагандировать родной язык отразились в учебных пособиях «Занимательная грамматика башкирского языка» [Ураксин и др. 1973, 1979, 1993] и «Краса языка» [Ураксин и др. 1980], разговорниках по башкирскому языку (2000, 2009). Эти пособия до сих пор являются настольными книгами интересующихся башкирским языком.

В научном наследии профессора З.Г. Ураксина выделяется этнолингвистика, на необходимость разработки которой в башкирском языке он одним из первых обращает внимание [Ураксин и др. 1994]. Проблемы социоллингвистики, являющейся одним из насущных разделов современного языкознания, в башкирском языкознании были подняты З.Г. Ураксиным в конце 80-х гг. Под его руководством в ИИЯЛ в 1979–1982 гг. совместно с преподавателями БГУ и БГПИ в рамках коллективной темы проводится исследование общественных функций языков народов республики. Результаты были опубликованы в тематическом сборнике [РОФБЛЯ 1987], а также нашли практическое применение в разработке программ «Возрождение и развитие башкирского народа» [Ураксин 1996] и «Языки народов Республики Башкортостана» [Ураксин 1999], составленных при его непосредственном участии.

Зиннур Газизович известен не только как ученый-исследователь. В истории науки он оставил след как отличный организатор науки. Будучи заведующим отделом языкознания и директором Института истории, языка и литературы, он много сил отдает разработке новых направлений, достижению новых высот в научных поисках коллектива Института. Действительно, его деятельность на посту директора Института приходится на сложное во многих отношениях перестроечное время – время, когда закрывались многие научные центры, происходил отток наиболее квалифицированных кадров. В этих условиях З.Г. Ураксину удалось не только сохранить Институт в структуре РАН, но и обеспечить его рост и развитие. Так, при его поддержке, по его инициативе и благодаря его стараниям в эти годы в ИИЯЛ создаются отдел культуры и педагогики (1991), отдел

энциклопедии Башкортостана (1991 г., в дальнейшем – научное издательство «Башкирская энциклопедия»), Лаборатория лингвистики и информационных технологий (в 1991 г. – группа «Автоматизация лексикографии»); в 2002 г. из отдела народов Урала образуется Центр этнологических исследований при УНЦ РАН. Велика роль З.Г. Ураксина в создании республиканской Академии наук, которая была организована в 1991 г.

Помимо лексикографической школы сформировалась целая научная школа академика З.Г. Ураксина по изучению словарного состава языка. 23 докторские и кандидатские диссертации были защищены под его научным руководством. Их проблематика охватывает различные аспекты тюркологии: лексикологию, терминологию, словообразование, морфологию, историю языка, стилистику, сопоставительное языкознание, этнолингвистику. Он также был заместителем председателя диссертационного совета Д. 212.013.06 при Башкирском госуниверситете. Кроме того, Зиннур Газизович много сил уделял подготовке научных кадров в вузах, читал лекции и проводил практические занятия.

Сильная личность ученого ярко проявляется в активной жизненной позиции. Он вел очень плодотворную общественную жизнь. Зиннур Газизович в 1995–2002 гг. был заместителем председателя исполкома Всемирного курултая (конгресса) башкир, в 1994–2004 гг. – членом Президентского Совета РБ, в 1998–2004 гг. – членом Комитета по делам ЮНЕСКО при Правительстве РБ, в 1999–2002 гг. он являлся заместителем председателя Комиссии по реализации закона «О языках народов Республики Башкортостан» при кабинете министров. Веское слово авторитетного ученого всегда было направлено на сохранение, обогащение, развитие и прогресс родного языка.

Глубокие размышления о судьбе, истории народа, о языке и сферах его функционирования отражаются в литературной деятельности З.Г. Ураксина. Первая книга его рассказов «Истоки» вышла в 1976 г. Широко известны его драма, сборники повестей и коротких рассказов, а также романы Зиннура Газизовича «Вороной» (2003) и «Караван-сарай» (2008), в которых описывается жизнь башкирского народа в период кантонной системы управления.

Языковед, писатель, общественный деятель, заслуженный деятель науки БАССР и Российской Федерации, член Союза писателей РБ, академик Зиннур Газизович Ураксин оставил яркий след в отечественной науке, в тюркологии, в памяти своих учеников и коллег. Все, что имеет отношение к родному слову, к обозначаемому и обозначающему, всесторонне проанализировано в его работах. Сам он именно так определял свой жизненный путь – только в связи с жизнью родного языка, в связи с теми глубокими истоками, что дает человеку родное слово. Один из своих сборников научных статей он так и обозначил: «Язык мой – судьба моя» (Уфа, 2002). Таким он и запомнился всем, кто когда-либо встречался с ним: личностью многогранной, дальновидным ученым-энциклопедистом, человеком с широким кругозором, талантливым организатором науки, приветливым, пронизательным, болеющим всей душой за судьбу родного народа и языка.

Гульназ Нурфаезовна Ягафарова

*доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
отдела языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН*

Литература

- БРС 1996 – Башкирско-русский словарь / Ред. З.Г. Ураксин. – М.: Дигора, Русский язык, 1996. – 884 с. {The Bashkir-Russian dictionary / Ed. by Z.G. Uraksin. – Moscow: Digora, Russian language press, 1996. – 884 pp.}
- ГСБЛЯ 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – Москва: Наука, 1981. – 496 с. {Grammar of the modern Bashkir literary language / Ed. by A.A. Yuldashev. – Moscow: Nauka, 1981. – 496 pp.}
- РБС 2005 – Русско-башкирский словарь: в 2 т. / под ред. З.Г. Ураксина. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – Т. 1 (А–О). – 808 с.; Т. 2 (П–Я). – 680 с. {Russian-Bashkir dictionary. In 2 vol. / Ed. by Z.G. Uraksin. – Ufa: Bashkir encyclopedia, 2005. – Vol. 1 (A–O). – 808 pp.; Vol. 2 (П–Я). – 680 pp.}
- РОСБЛЯ 1987 – Развитие общественных функций башкирского литературного языка / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1987. – 99 с. {Development of social functions of the Bashkir literary language / Ed. by Z.G. Uraksin. – Ufa, 1987. – 99 pp.}
- СБЯ 1986 – Современный башкирский язык / Отв. ред. З.Г. Ураксин, К.Г. Ишбаев. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. – 400 с. (на баш. яз.) {Modern Bashkir language / Ed. by Z.G. Uraksin, K.G. Ishbaev. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1986. – 400 pp. (In Bashkir.)}
- СБЯ 1993 – Словарь башкирского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1993. – I т. – 867 с.; II т. – 814 с. {Dictionary of Bashkir language. In 2 vol. – Moscow: Russian language press, 1993. – Vol. I. – 867 pp.; Vol. II. – 814 pp.}
- Ураксин 1966а – Ураксин З.Г. Фразеологические синонимы в современном башкирском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1966. – 18 с. {Z.G. Uraksin. Phraseological synonyms in modern Bashkir literary language: Ph.D. diss. abstract. – Ufa, 1966. – 18 pp.}
- Ураксин 1966б, 1985, 2000 – Ураксин З.Г. Словарь синонимов башкирского языка. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1966. – 272 с.; 1985. – 164 с.; 2000. – 208 с. (на башк. яз.) {Z.G. Uraksin. Dictionary of synonyms of Bashkir language. – Ufa: Bashkir publishing house, 1966. – 272 pp.; 1985. – 164 pp.; 2000. – 208 pp. (In Bashkir.)}
- Ураксин 1975а – Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Уфа, 1975. – 53 с. {Z.G. Uraksin. Phraseology of Bashkir language: Ph.D. diss. abstract. – Ufa, 1975. – 53 pp.}
- Ураксин 1975б – Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. – М.: Наука, 1975. – 192 с. {Z.G. Uraksin. Phraseology of Bashkir language. – Moscow: Nauka, 1975. – 192 pp.}
- Ураксин 1979 – Ураксин З.Г. О междометиях и их классификации // Исследования по грамматике современного башкирского языка. – Уфа, 1979. – С. 88–93. {Z.G. Uraksin. On interjections and their classification // Research on the grammar of modern Bashkir language. – Ufa, 1979. – PP. 88–93.}
- Ураксин 1989 – Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1989. – 405 с. {Z.G. Uraksin. Russian-Bashkir phraseological dictionary. – Moscow: Russian language, 1989. – 405 pp.}
- Ураксин 1996 – Ураксин З.Г. О проекте госпрограммы «Возрождение и развитие башкирского народа» // Ватандаш. – 1996. – № 1. – С. 38–39. {Z.G. Uraksin. About the project of the state program «Revival and development of Bashkir nation» // Vatandash. – 1996. – No. 1. – PP. 38–39.}
- Ураксин 1996, 2006 – Ураксин З.Г. Фразеологический словарь башкирского языка. – Уфа: Китап, 1996. – 289 с.; 2-е изд. – 2006. – 344 с. (на башк. яз.) {Z.G. Uraksin. Phraseological dictionary of Bashkir language. – Ufa: Kitap, 1996. – 289 pp.; 2nd ed. – 2006. – 344 pp. (In Bashkir.)}
- Ураксин 1999 – Ураксин З.Г. Башкирский язык в условиях реализации закона «О языках народов Башкортостана» // Ватандаш. – 1999. – № 8. – С. 6–9. {Z.G. Uraksin. Bashkir language in the context of implementation of the law «On the languages of the peoples of Bashkortostan» // Vatandash. – 1999. – No. 8. – PP. 6–9.}
- Ураксин и др. 1973 – Ураксин З.Г., Надршина Ф.А., Юсупов Х.Г. Башкирско-русский фразеологический словарь. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1973. – 167 с. (на башк. яз.) {Z.G. Uraksin. Bashkir-Russian phraseological dictionary. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1973. – 167 pp. (In Bashkir.)}
- Ураксин и др. 1973, 1979, 1993 – Ураксин З.Г., Ишбердин Э.Ф., Кутлубаева Г.М., Ахтямов М.Х. Занимательная грамматика. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1973. – 128 с.; 2-е изд. –

-
1979. – 150 с.; 3-е изд. – 1993. – 168 с. (на башк. яз.) {Z.G. Uraksin, E.F. Ishberdin, G.M. Kulturaeva, M.Kh. Akhtyamov. Entertaining grammar. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1973. – 128 pp.; 2nd ed. – 1979. – 150 pp.; 3rd ed. – 1993. – 168 pp. (In Bashkir.)}
- Ураксин и др. 1980 – Ураксин З.Г., Ишбердин Э.Ф. Краса языка. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. – 72 с. (на башк. яз.) {Z.G. Uraksin, E.F. Ishberdin. Beauty of language. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1980. – 72 pp. (In Bashkir.)}
- Ураксин и др. 1994 – Ураксин З.Г., Хадыева Р.Н. Этнокультурное значение слова в башкирском языке // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии: сборник научных статей. – Уфа, 1994. – С. 71–76. {Z.G. Uraksin, R.N. Khadyeva. Ethnocultural meaning of the word in Bashkir language // Actual problems of Bashkir lexicology and lexicography: collection of articles. – Ufa, 1994. – PP. 71–76.}

**VERSATILE PERSONALITY AND TALENT FOR SCIENCE ORGANIZATION
(TO THE 85TH ANNIVERSARY OF Z.G. URAKSIN)**

«My language is my destiny»

Z.G. Uraksin

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna – Ph.D. in philology, Leading Researcher of Linguistics Department, Institute for History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Sciences; e-mail: rishrinat@mail.ru.

**УЧЕНЫЙ, СКАЗИТЕЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
(К 65-ЛЕТИЮ РОЗАЛИИ АСФАНДИЯРОВНЫ СУЛТАНГАРЕЕВОЙ)**

Известный в России и дальнем зарубежье ученый-фольклорист Султангареева Розалия Асфандияровна (башк. *Солтангарәева Розалия Әсфәндиәр кызы*) родилась 28 марта 1955 г. в д. Ново-Сепяшево Альшеевского района Башкирской АССР (ныне – Республика Башкортостан).

Является выпускницей Башкирского государственного педагогического института (1978), обучалась в заочной аспирантуре Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Башкирский свадебно-обрядовый фольклор» (Алма-Ата, 1988), докторскую диссертацию на тему «Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа» (Москва, 2003) под руководством и при научном консультировании известного башкирского ученого, доктора филологических наук, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан Г.Б. Хусаинова.

Р.А. Султангареева трудится в Ордена «Знак Почета» Институте истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН с 1982 г. Свой трудовой путь она начала здесь с должности лаборанта (1982–1985), затем работала в должности младшего научного сотрудника (1985–1988), стар-

шего научного сотрудника (1988–1993), ведущего научного сотрудника (1993–2003), ныне она главный научный сотрудник ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Розалия Асфандияровна – ученый широкого профиля, активно работающий в области обрядового, игрового, хореографического, сказительского, эпического, религиозного фольклора. Она также изучает мифологию и целительские практики башкир на широком сравнительно-типологическом и национальном материале.

Первые научные проблемы, посвященные исследованиям свадебно-обрядового фольклора, нашли отражение в ее монографии «Башкирский свадебно-обрядовый фольклор» (Уфа, 1994), где ей удалось путем применения комплексного подхода раскрыть неотрывность мировоззренческих, акциональных, словесно-поэтических и напевных компонентов, семиотику функциональной связи верований и действий, мифоритуальной специфики фольклорного текста. Исследователь апробировала приоритет комплексного мифосемантического, историко-этнографического раскрытия замыслов фольклора, применив их вместо принятого литературоведческого, чисто филологического изучения синкретичного текста. Она смогла удачно привлечь арсеналы антропологии, социологии, этнологии как обязательные для фольклористической науки.

Р.А. Султангареева является автором более 500 научных трудов, десятков монографий, книг по обрядовому, танцевальному, игровому, песенному, религиозному, сказительскому, эпическому фольклору башкир. Единство фольклористического, этнографического, социокультурного подходов позволило автору создать труды, в которых архаика и поэтика тесно связаны друг с другом и при этом еще дают разгадку метафор: «Свадебно-обрядовый фольклор башкирского народа» (1994), «Башкирские обрядовые игры» (1997), «Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа» (1998), «Башкирская юрта. Сборник с комментариями» (2004), «Жизнь человека в обряде» (2006), «Башкирский народный куреш» (2009), «Башкорт халык бейеуе» (2009), «Танцевальный фольклор башкир» (2013), «Башкорт сәсэн мәктәбе» (2012), «Йола-система и нормы жизневедения башкир» (2015).

Новый этап научных исследований Р.А. Султангареевой обозначен комплексно-антропологическим, мифоритуальным, социокультурным, психолингвофольклористическим прочтением народных знаний, что позволило ей создать фундаментальный двухтомник, посвященный неизученным и малоизученным жанрам и проблемам фольклора: «Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции. Том 1» (Уфа, 2018) и «Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции. Календарный фольклор: миф и ритуал. Том 2» (Уфа, 2019).

Р.А.Султангареева – составитель, автор вступительных статей и научных комментариев томов из серии многотомного издания «Башкирское народное творчество» на башкирском и русском языках: «Йола фольклоры» (Уфа, 1995; Серия «Башкорт халык ижады»), «Обрядовый фольклор» (Уфа, 2010; Серия «Башкирское народное творчество»). Новым словом в истории башкирской фольклористики стало издание очередного тома из серии «Башкорт халык ижады» («Башкирское народное творчество») – «Мөнәжәтәр. XV том» (Уфа, 2018; «Мунаджаты», сост., авт. вступ. ст. и коммент. Р.А. Султангареева), поскольку религиозный жанр в силу ряда обстоятельств оставался вне поля зрения системного изучения и впервые комплексно представлен в фундаментальном издании.

Ученый раскрыла первородные пласты, реалии фольклора, смело отойдя от принятых, чисто филологических подходов, объяснительных стереотипов различных школ, изнутри постигала региональный, локальный этнический мифозамыслы, создала концепции изучения фольклора, этнографии, которыми ныне успешно пользуются специалисты Алтая, Татарстана, Калмыкии, Хакасии, Казахстана, Якутии, Киргизии и др. Труды получили высокую оценку видных ученых, специалистов России. Многоуровневый семиотический анализ позволил фольклористу открыть идейно-функциональные истоки, культурные коды борцовского искусства *куреш*, а также сказительства, народного танца, игр, песен (*йыр*), эпоса, мифа, также *йола* (обряд, обычай) – его семантику и даже правовой статус.

Самостоятельно значимой ипостасью научной деятельности Р.А. Султангареевой является не только мастерская практика собственного сказительства, но и глубокие научно-теоретические исследования этого феномена в проекции на древность с созданием знаковых характеристик современных исполнительских, импровизаторских традиций и отношений «Сэсэн (сказитель) – общество – мир».

Р.А. Султангареева с самого начала работы в ИИЯЛ УФИЦ РАН до сегодняшнего дня – активный собиратель фольклора, народных знаний, этнографических материалов. Она за 38 лет работы (т. е. с 1982 г.) в ИИЯЛ УНЦ РАН (ныне – ИИЯЛ УФИЦ РАН) участвовала в научных командировках и в 39 фольклорных экспедициях (в 34 как руководитель), ею исследованы районы Республики Башкортостан, также сопредельных областей РФ (Саратовская, Самарская, Пермская, Челябинская, Курганская и др.). После периода долгого затишья полевой фольклористики (в 1994–2002 гг.) Розалия Асфандияровна Султангареева на основе договоренности с администрациями районов организовала и возглавляла фольклорные экспедиции, позднее статус подобных выездов получил более высокие значения и цели – они стали комплексными ввиду участия в них этнографов, языковедов и археографов. Собранные Р.А. Султангареевой материалы хранятся в Научном архиве УФИЦ РАН (более 10 томов) и опубликованы в 15 тематических сборниках, составленных вместе с коллегами-фольклористами в 2003–2020 гг.

Особую и уникальную ценность в биографии ученой представляет тот факт, что Р.А. Султангареевой из уст сказительницы А.М. Усмановой (1930–2015) была записана (в 2011 г.) аутентичная версия великого эпоса «Урал-батыр». Событие явилось особенно важным не только в истории фольклористики, но и общечеловеческой культуры, т. к. живое исполнение эпоса передано было по канонам традиций: информант разучила его от своей бабушки Муьмины Таймасовой (1873–1978). Фиксация живого исполнения эпоса «Урал-батыр» стала свидетельством долговременного сохранения культуры эпического сказывания и непрерывности традиций башкир – коренного народа Урала.

Ей удалось обнаружить аутентичные напевные исполнения целостного эпоса «Заятуляк и Хыухылу», сюжета с мелодией «Кузыйкурпяс и Маянхылу». Доклады Р.А. Султангареевой с презентацией методики анализа визуального материала, феномена прочности эпических традиций башкир вызвали большой интерес видных ученых Москвы, Новосибирска, Кыргызстана, Казахстана и др., были апробированы на конференции по визуальной антропологии (Москва, 2019), V Конгрессе Фольклора народов России и СНГ в г. Санкт-Петербург (2020), г. Уфа (2020).

В последние годы Р.А. Султангареева ведет активную работу с геопарками, расширила сбор материалов, используя в методологии сбора арсеналы антропологии, социологии, этнографии, археографии, культурологии, этнопсихологии и др. Под ее руководством «геопарковские экспедиции» совершены в Салаватский (2 раза), Ишимбайский (2 раза), Куюргазинский (1 раз) районы, собран богатый материал.

Р.А. Султангареева участвует в развитии и осуществлении научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях высшего образования РФ. В 2003–2013 гг. совмещала научную работу с преподавательской. В 2008–2009 гг. – доцент, в 2009–2013 гг. – профессор кафедры этномузыкологии в УГИИ им. З. Исмагилова; с 2004 по 2006 гг. – профессор кафедры социально-культурной работы в Восточном институте экономики, гуманитарных наук, управления и права (с 2008 г. – Академия ВЭГУ), с 2012 г. по настоящее время – почетный профессор Актюбинского университета им. С. Баишева (Республика Казахстан).

Розалия Асфандияровна и сама является носителем редкого в наши дни сказительского искусства; она долгие годы в этом качестве активно пропагандирует поэтические жанры народного творчества. Р.А. Султангареева в ипостаси сэсна получила широкое признание в России и за ее пределами. Она успешно выступала в Москве, Элисте, Санкт-Петербурге, Ашхабаде, Смоленске, Казани, Ижевске, Чебоксарах, Якутске, Екатеринбурге и т. д., также в странах ближнего и дальнего зарубежья – в Казахстане, Венгрии, Турции, Кыргызстане, Азербайджане и др. Р.А. Султангареева сочиняет кубаиры с собственными напевами, словами, также мастерски исполняет сказания из традиционного эпического репертуара башкир; она – автор двух книг кубаиров – эпических сказаний собственного сочинения: «Кобайырым һинэ, илем!» (Китап, 1995), «Рух терәге – кобайыр» (Китап, 2005). Ею создана «Школа сэсна» при Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы, воспитанники которой стали лауреатами всероссийских (Уфа, Элиста, Горно-Алтайск) и международных (Турция, Казахстан, Татарстан, Алтай) конкурсов.

Р.А. Султангареева с 2010 по 2017 гг. успешно вела работу в должности председателя РОО «Общество башкирских женщин» Республики Башкортостан. Также она организатор и научный консультант, председатель и член жюри многих международных и республиканских фольклорных конкурсов сказителей эпоса «Урал-батыр», автор проектов «Урал-батыр байрамы», ежегодных конкурсов сэснов «Зову вас, сэсны!», проходящих на ее малой родине – в Альшеевском районе Башкортостана и мн. др. Подобные мероприятия имеют масштабные цели и вносят большой вклад в духовную жизнь общества.

Уникальное сочетание плодотворной научно-исследовательской, пропагандистской, исполнительской и сказительской, а также высоко значимой общественной деятельности Р.А. Султангареевой является неповторимо ценным достоянием не только башкирского народа. Вклад ученого-сказителя представляет собой высокий и непререкаемый пример самоотверженного, подлинного служения народу, науке и наследию предков, а значит и общечеловеческой культуре.

За многолетний, плодотворный труд и большой вклад в науку награждена Почетной грамотой Российской академии наук (2002), Почетной грамотой УНЦ

РАН (2010), Государственного собрания – Курултая РБ (2011), Почетной грамотой Республики Башкортостан (2016), орденом Салавата Юлаева (2005), Почетной грамотой Союза женщин России (2012), медалью ТЮРКСОЙ (2013).

Ее деятельность в сфере культуры отмечена званиями лауреата Международного конкурса акынов, жырчы и дастанчи (Алма-Ата, 1996), дипломанта XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов (Москва, 1985), лауреата Всероссийского конкурса исполнителей народной песни «Голоса России» (Смоленск, 1991), лауреата Международного фестиваля «Эпосы мира на земле потомков Джангара» (Элиста, 2007), дипломанта Международного фестиваля «Ашуги и поэты» (Тарсус, Турция, 2012), лауреата литературной премии имени М. Акмуллы (1990), лауреата Республиканской премии имени Г. Альмухаметова (1984), звания «Заслуженный работник культуры БАСССР» (1991).

Информация о жизни и научной деятельности Р.А. Султангареевой представлена в русском (Уфа, 1996) и башкирском (Уфа, 1997) изданиях «Краткой энциклопедии “Башкортостан”», 6-м томе «Башкирской энциклопедии» на русском (Уфа, 2009) и 5-м томе на башкирском (Уфа, 2016) языках. Дополнительная информация о ней имеется в русской и башкирской редакциях «Википедии».

Песянчин Айбулат Валиевич

доктор географических наук, профессор,

директор Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы

Уфимского федерального исследовательского центра РАН;

e-mail: psyanchin@mail.ru

Алтынбаев Ранис Раисович

кандидат филологических наук,

заместитель министра культуры Республики Башкортостан;

e-mail: mkrb@bashkortostan.ru

Библиография основных научных трудов Р.А. Султангареевой

На русском языке

- Султангареева Р.А.* Башкирский свадебно-обрядовый фольклор / УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 1994. – 191 с. {*R.A. Sultangareyeva. Bashkir bridal ceremonial folklore / Ufa Research Centre of Russian Academy of Sciences. – Ufa: Ghilem, 1994. – 191 pp.*}
- Султангареева Р.А.* Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. – Уфа: Гилем, 1998. – 243 с. {*R.A. Sultangareyeva. Domestic ritual folklore of Bashkir people. – Ufa: Ghilem, 1998. – 243 pp.*}
- Султангареева Р.А.* Мелодии памяти народной (Хәтер көйө): сборник песен, записанных Р.А. Султангареевой (в собственном исполнении и с тремя аудиокассетами). – Уфа, 2003. – 78 б. {*R.A. Sultangareyeva. Melodies of folk memory (Xäter köyö): a collection of songs recorded by R.A. Sultangareyeva (in her own performance and with three audio tapes). – Ufa, 2003. – 78 pp.*}
- Султангареева Розалия Асфандияровна:* биобиблиографический указатель. – Уфа: Гилем, 2005. – 56 с. {*Rozaliya Asfaniyarovna Sultangareyeva: a bibliographic index. – Ufa: Ghilem, 2005. – 56 pp.*}
- Султангареева Р.А.* Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. – Уфа: Гилем, 2005. – 344 с. {*R.A. Sultangareyeva. The life of a human in the rite: folklore and ethnographic research of Bashkir family rituals. – Ufa: Ghilem, 2005. – 344 pp.*}
- Султангареева Р.А.* Башкирский народный курэш. – Уфа: Китап, 2009. – 149 с. {*R.A. Sultangareyeva. Bashkir folk kuresh. – Ufa: Kitap, 2009. – 149 pp.*}

- Султангареева Р.А.* Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. Т. 12 / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Р.А. Султангареева, А.М. Сулейманов. – Уфа: Китап, 2010. – 556 с. {*R.A. Sultangareyeva. Bashkir folk arts. Ritual folklore. Volume 12 / Edition, introduction and commentaries by R.A. Sultangareyeva and A.M. Suleymanov. – Ufa: Kitap, 2010. – 556 pp.*}
- Султангареева Р.А.* Школа башкирского сказительства (Башкорт сәсэн мәктәбе). – Уфа, 2012. – 282 с. (С видеодисками). {*R.A. Sultangareyeva. The school of Bashkir stroytelling (Başqort säsän mäktäbe). – Ufa, 2012. – 282 pp. (With videodisks)*}
- Султангареева Р.А.* Танцевальный фольклор башкир. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2013. – 130 с. (С видеодисками). {*R.A. Sultangareyeva. The dance folklore of Bashkirs. – Ufa: Ghilem, Bashkirskaya Entsiklopediya Publishing House, 2013. – 130 pp. (With videodisks)*}
- Султангареева Р.А.* Йола – система и нормы жизневедения башкир – Уфа: Китап, 2015. – 216 с. {*R.A. Sultangareyeva. Yola – system and rules of liferunning of Bashkirs. – Ufa: Kitap, 2015. – 216 pp.*}
- Султангареева Р.А.* Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции. Т. 1. Миф. Обряд. Танец. Сказительство. Шаманский, религиозный, музыкальный фольклор. Современные традиции. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 520 с. {*R.A. Sultangareyeva. Bashkir folklore: semantics, functions and traditions. Volume 1. Myth. Rite. Dance. Storytelling. Shaman, religious and musical folklore. Modern traditions. – Ufa: Bashkirskaya Entsiklopediya Publishing House, 2018. – 520 pp.*}
- Султангареева Р.А.* Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции. Т. 2. Календарный фольклор: миф и ритуал. – Уфа: Башк. энцикл., 2019. – 309 с. {*R.A. Sultangareyeva. Bashkir folklore: semantics, functions and traditions. Volume 2. Calendrical folklore: myth and rite. – Ufa: Bashkirskaya Entsiklopediya Publishing House, 2019. – 309 pp.*}

На башкирском языке

- Солтангәрәева Р.Ә.* Башкорт халык ижады. Йола фольклоры. – Төз., инеш һүз, англ. авт-ры Ә. Сөләймәнов, Р. Солтангәрәева. – Өфө, Китап: 1995. – 556 бит. (Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Р.А. Султангареева, А.М. Сулейманов (на башк. яз.)). {*R.A. Sultangareyeva. Bashkir folklore. Ritual folklore / Edition, introduction and commentaries by R.A. Sultangareyeva and A.M. Suleymanov. – Ufa: Kitap, 1995. – 556 pp. (in Bashkir.)*}
- Солтангәрәева Р.Ә., Баймырзина Г.В.* Башкорт халык бейеүе. – Өфө, 2009. – 130 с. (С видеодисками). {*R.A. Sultangareyeva, G.V. Baymyrzina. Bashkir folk dance. – Ufa, 2009. – 130 pp. (With videodisks) (in Bashkir.)*}
- Солтангәрәева Р.Ә.* Башкорт халык ижады: Мөнәжәттәр. XV том / Төз., баш һүз., англ. авторы Р.Ә. Солтангәрәева. – Өфө: Китап, 2018. – 293 б. {*R.A. Sultangareyeva. Bashkir folklore: the Munajats. Volume 15 / Edition, introduction and commentaries by R.A. Sultangareyeva. – Ufa: Kitap, 2018. – 293 pp.*}

SCHOLAR, STORYTELLER AND PUBLIC FIGURE (TO THE 65TH ANNIVERSARY OF ROZALIYA ASFANDIYAROVNA SULTANGAREYEVA)

Psianchin Aybulat Valiyevich – Ph.D. in geography, Professor, Director of Badge of Honour Order Institute for History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences; e-mail: psyanchin@mail.ru.

Altynbayev Ranis Raisovich – Ph.D. in philology, Deputy Minister of Culture of Republic of Bashkortostan; e-mail: mkrb@bashkortostan.ru.

Некрологи

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ШИРОБОКОВА – ЛИНГВИСТ И ПЕДАГОГ (28.01.1946 – 13.11.2020)

13 ноября 2020 г. на 75 году завершился жизненный путь Натальи Николаевны Широбоковой – доктора филологических наук, заведующей сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН, выдающегося российского тюрколога, специалиста по сравнительно-историческому и ареальному исследованию языков народов Сибири, эффективного организатора науки и педагога.

Наталья Николаевна Широбокова родилась 28 января 1946 г. в г. Новосибирск. Интерес к гуманитарным наукам привел ее в Новосибирский государственный университет, который она успешно окончила в 1968 г. Большое влияние на формирование научного мировоззрения Натальи Николаевны оказала ее руководитель в аспирантуре профессор Е.И. Убрятова. Круг научного общения молодых исследователей того времени охватывал и других видных ученых-сибиреведов, среди них: В.А. Аврорин, В.М. Надеяев, В.И. Рассадин, Б.И. Татаринцев и др.

На конференции Объединенного института истории,
филологии и философии СО АН СССР, 1970-е годы:
(1-й ряд) Кучигашева Н.А., Патачакова Д.Ф., Убрятова Е.И., Чадамба З.Б.,
(2-й ряд) Наделяев В.М., Демьяненко З.П., Чумакаева М.Ч.,
Чиспяков Э.Ф., Широбокова Н.Н., Рассадин В.И.

Научные интересы Натальи Николаевны связаны с комплексными проблемами сравнительно-исторического изучения сибирских тюркских языков, языковых контактов на территории Сибири, исторической фонетики и грамматики якутского языка и др. Привлекая новые материалы, она последовательно развивает научные взгляды своего учителя по проблемам происхождения якутского языка, истории формирования сибирских тюркских языков. Якутский язык стал ее вторым родным языком и «точкой отсчета» «для измерения исторической глубины и направленности языковых преобразований в других тюркских языках».

Исследования Н.Н. Широбоковой выполнены в рамках сравнительно-сопоставительного языкознания, в анализ вовлечены данные тюркских (в том числе данные памятников), монгольских, тунгусо-маньчжурских языков. Результаты исследований представлены в ее кандидатской и докторской диссертациях, статьях и монографиях (Широбокова Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001; Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005).

Исследуя общесибирские изоглоссы, Н.Н. Широбокова выявляет языковые явления, противопоставляющие сибирские языки другим тюркским языкам (или

большинству из них), а также факторы, по-разному группирующие тюркские языки Сибири. Особое внимание она уделяет конвергентным процессам, взаимовлиянию сибирских тюркских языков, проблеме субстрата и т. д. Важным классификационным признаком для сибирских тюркских языков, наряду с фонетическими, Н.Н. Широбокова считает инновационные процессы в морфологии, связанные со структурированием временных парадигм, с разными типами стяжения аналитических конструкций.

Н.Н. Широбокова принимала самое активное участие в процессе создания Диалектологического атласа тюркских языков СССР (ДАТЯ). Этот проект возглавляли крупнейшие тюркологи страны А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков, Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, М.А. Бородина. Над созданием атласа работали лингвисты – представители всех тюркских языков, поделенные на четыре зоны. Е.И. Убрятова руководила исследованиями в четвертой зоне, Сибири, эта работа позже легла на плечи Натальи Николаевны.

Н.Н. Широбокова умело сочетала научную деятельность с научно-организационной и педагогической. Она внесла огромный вклад в подготовку специалистов высшей научной квалификации, в развитие гуманитарной науки в сибирских регионах. Н.Н. Широбокова возглавляла кафедру языков и фольклора народов Сибири Новосибирского госуниверситета, созданную по инициативе известных ученых М.И. Черемисиной и Н.А. Алексеева. Она разработала и читала основные теоретические курсы по тюркологии: «Введение в тюркологию», «Древняя история тюрков», «Морфонология тюркских языков Сибири», «Древнетюркские языки», «Морфология тюркских языков», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», «Тюркская диалектология». Многие выпускники этой кафедры, пройдя аспирантуру Новосибирского госуниверситета и Института филологии СО РАН, защитив диссертации, успешно работают в образовательных и научных учреждениях сибирских республик, г. Новосибирска, Республики Казахстан и Германии. Под ее непосредственным руководством были успешно подготовлены и защищены восемь кандидатских и одна докторская диссертация.

Н.Н. Широбокова много сил и времени отдавала укреплению и расширению научных связей между научно-исследовательскими центрами и ведущими вузами Сибирского региона, координации ареальных исследований.

Возглавляя сектор языков народов Сибири ИФЛ СО РАН, Наталья Николаевна участвовала в работе по проектам Фонда Сороса (руководитель проекта № Н2С708 «Новосибирская лингвистическая сибиреведческая школа»), а также ряда проектов РГНФ, РФФИ, ЕвВ, Президиума РАН. Наталья Николаевна – участник международных и всероссийских конференций, в том числе международных тюркологических конференций в г. Франкфурт-на-Майне (Германия), г. Анкара (Турция), г. Астана (Казахстан), г. Баку (Азербайджан).

Н.Н. Широбокова выступила редактором более 30 сборников научных трудов, учебных пособий, учебников, словарей, монографий сотрудников Института филологии СО РАН, других НИИ, а также вузов Сибири. Она автор более 200 работ, посвященных разным аспектам языка, в их числе пять монографий.

Н.Н. Широбокова была главным редактором журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири» (РИНЦ), членом редакционного совета журналов «Урал-алтайские исследования» (Scopus), «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» (ВАК, РИНЦ), «Российская тюркология» (РИНЦ) и др.

Н.Н. Широбокова являлась членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, экспертом РГНФ по специальности «Лингвистика», членом диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН, членом диссертационного совета Д 004.031.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск).

Наталья Николаевна щедро делилась своими фундаментальными научными знаниями, ее заботой было создание поколения исследователей – достойных преемников ученых нашего Отечества.

В знак признания ее заслуг в подготовке кадров высшей квалификации и за плодотворное сотрудничество Наталье Николаевне было присвоено звание «Почетный профессор ТувГУ». Она награждена Почетными грамотами РАН, СО РАН, правительственными грамотами, грамотами вузов и научных учреждений Республик Якутия, Алтай, Хакасия, Тыва, медалью Академии наук Республики Саха (Якутия) и др.

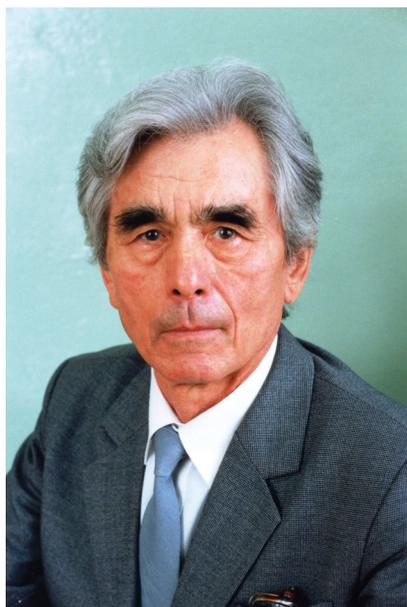
Наталья Николаевна была мудрым и принципиальным руководителем, человеком широкой души, с открытым сердцем, она была всегда готова оказать поддержку, дать верный совет.

Светлая память и благодарность Широбоковой Наталье Николаевне сохранится в сердцах ее многочисленных учеников, коллег и единомышленников.

*Сотрудники сектора языков народов Сибири
Института филологии СО РАН, г. Новосибирск*

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН, Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН и редакция журнала «Российская тюркология» выражают глубокие соболезнования родным, близким и коллегам в связи с кончиной Натальи Николаевны Широбоковой. Память о ней навсегда сохранится в наших сердцах.

МУХТАР ХУСНУЛХАКОВИЧ АХТЯМОВ
(15.01.1929 – 19.10.2020)

19 октября 2020 г. на 92-ом году жизни ушел из жизни известный ученый-лингвист, языковед-тюрколог¹, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный учитель Башкирской АССР, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный профессор Башкирского государственного университета Мухтар Хуснулхакович Ахтямов².

Мухтар Хуснулхакович Ахтямов (башк. *Мөхтәр Хөснөлхак улы*) родился 15 января 1929 г. в д. Башкирская Ургинка Зилаирского кантона Башкирской АССР

¹ Ахтямов Мухтар Хуснулхакович: биобиблиографический справочник. К 85-летию со дня рождения (на башк. яз.) / Сост. А.М. Ахтямов, Р.Я. Хуснутдинова. – Уфа: БашГУ, 2014. – 88 с.

² https://ba.wikipedia.org/wiki/Эхтәмөв_Мөхтәр_Хөснөлхак_улы (дата обращения: 08.12.2020); <http://rus.bashenc.ru/index.php/component/content/article/8-spisok/9604-akhtyamov-mukhtar-khusnulkhakovich> (дата обращения: 08.12.2020); Зэйнуллин М.В. Эхтәмөв Мөхтәр Хөснөлхак улы // Башкортостан: Кыскаса энциклопедия. – Өфө: Башкорт энциклопедияһы, 1997. – 679–680-се бб.; Ахтямов Мухтар Хуснулхакович // Кто есть кто в Башкирском государственном университете / Сост. А.Н. Чувывров. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1997. – С. 55–56.

(ныне – Зианчуринского района Республики Башкортостан) в многодетной семье. Он был старшим среди братьев и сестер. Тяжелое военное детство выработало в нем такие черты характера, как целеустремленность, трудолюбие, оптимизм. Именно трудности военной поры закалили его характер и волю. К четырнадцати годам он успел завоевать авторитет в родном селе среди ровесников и старшего поколения. После окончания в 1943 г. Ургинской неполной средней школы его назначили на должность учетчика бригады колхоза «Кызыл тан». Грамотность, честность, ответственность, бескомпромиссность нового учетчика бригады привлекли внимание к нему руководства колхоза и района. За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г. М.Х. Ахтямов был награжден своей первой медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Самой большой мечтой юноши было получение хорошего образования, поэтому в 1944–1945 учебном году, работая учетчиком бригады, он продолжал одновременно учиться в открывшемся и просуществовавшем только в этом учебном году VIII классе при Ургинской неполной средней школе. После окончания VIII класса в 1945 г. Мухтар Хуснулхакович поступил в IX класс Абзановской средней школы и окончил X класс в 1947 г. Грамотный и целеустремленный выпускник школы работает сначала учителем Мурзабаевской начальной школы, а в 1948–1950 гг. – старшим пионервожатым сначала Ургинского детского дома, затем – Ургинской средней школы. В 1950–1954 гг. служит в рядах Советской армии.

После окончания в 1959 г. историко-филологического факультета Стерлитамакского государственного педагогического института работал директором средней школы с. Исянгулово, инспектором отдела школ Министерства просвещения Башкирской АССР. В 1961–1964 гг. обучается в очной аспирантуре НИИ ИИЯЛ АН СССР. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы омонимии в современном башкирском литературном языке». В 1964–1972 гг. трудится научным сотрудником в Научно-исследовательском институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, ученым секретарем в Башкирском филиале Научно-исследовательского института национальных школ Министерства просвещения РСФСР.

С сентября 1972 г. Мухтар Хуснулхакович Ахтямов работает в Башкирском государственном университете. За время работы на кафедре башкирского и общего языкознания М.Х. Ахтямов зарекомендовал себя высококвалифицированным специалистом-филологом. Он разработал курсы «Практический курс башкирского языка», «Современный башкирский язык. Лексика» и «Сопоставительная грамматика башкирского и русского языков», которые заметно способствовали профессиональной подготовке будущих филологов-преподавателей башкирского языка и литературы и русского языка и литературы в национальной школе. Его лекции, семинарские и практические занятия проходили на высоком научно-теоретическом уровне с использованием новейшей лингвистической литературы, а также с применением разнообразных методических приемов. В 1994 г. утвердился в ученом звании профессора по кафедре башкирского и общего языкознания. Свою учебно-методическую работу в вузе Мухтар Хуснулхакович успешно совмещал с научно-исследовательской деятельностью. В 1996 г. Мухтар Хуснулхакович защитил докторскую диссертацию в виде научного доклада на

тему «Структура слова в современном башкирском языке» и был утвержден в ученой степени доктора филологических наук в том же году.

Научная деятельность М.Х. Ахтямова была посвящена проблемам лексикологии, словообразования, лексикографии башкирского языка. В работах Мухтара Хуснулхаковича «Современный башкирский язык. В 3 кн.» (Уфа, 1978–1980), «Современный башкирский язык: аффиксальное словообразование» (Уфа, 1994), «Современный башкирский язык: словообразование» (Уфа, 2000), «Современный башкирский язык: лексикология, фразеология, лексикография» (Уфа, 2002), «Современный башкирский язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия, основные понятия грамматики, морфемика, морфонология, словообразование» (Уфа, 2002) исследованы малоизученные до этого лексико-словообразовательные процессы в современном башкирском языке.

Он – автор целого ряда словарей башкирского языка, среди них: «Словарь омонимов» (Уфа, 1966; 1986; 2006); «Словарь антонимов башкирского языка» (Уфа, 1973; 1987; 2009), «Словарь морфем башкирского языка» (Уфа, 1982), «Грамматический словарь башкирского языка» (Уфа, 1994), «Грамматический словарь: словоизменение» (Уфа, 2007), «Грамматический словарь татарского языка: словоизменение» (Уфа, 2004), «Обратный словарь башкирского языка» (Уфа, 1999), «Обратный словарь татарского языка» (Уфа, 1999), «Мать. Пословицы и поговорки: словарь» (Уфа, 2002), «Словарь математических терминов» (Уфа, 1982; 1993; соавт. – М.С. Ахтямова), «Математические термины. Словарь» (Уфа, 1993; соавт. – М.С. Ахтямова, А.М. Ахтямов).

Богатый лексикографический опыт, умноженный на глубочайшее знание родного языка, любовь к традициям и творчеству башкирского народа, а также многолетний, кропотливый труд позволили Мухтару Хуснулхаковичу Ахтямову воплотить в жизнь свой великолепный «Словарь пословиц и поговорок башкирского народа» (Уфа, 2008). Это первый в мировой лексикографической практике словарь такого рода. Этот фундаментальный труд включает в себя около 13 000 башкирских пословиц и поговорок, содержит 776 страниц энциклопедического формата и значительно отличается от традиционных сборников пословиц и поговорок. Собранный в словаре материал является хорошо продуманной, логически обоснованной и строго выдержанной системой, а лингвистический подход в подаче материала и гнездовой принцип построения словаря позволяют отнести его к числу фундаментальных лексикографических трудов.

Кроме того, профессор М.Х. Ахтямов – один из составителей двухтомного толкового словаря «Словарь башкирского языка» (М., 1993); один из соавторов учебного издания «Грамматика башкирского языка. В 3 т. Т. I: Фонетика, графика, алфавит, орфография, орфоэпия, морфемика, морфонология, словообразование» (Уфа, 2018). Его исследования являются ценными методическими и познавательными пособиями для школьников, студентов, работников просвещения, а также для тех, кто интересуется лексикой тюркских языков кыпчакской группы.

Его труды всегда востребованы научным и педагогическим сообществами. Об этом свидетельствует тот факт, что многие из книг М.Х. Ахтямова неоднократно переиздавались и имели большой резонанс в научном мире. Так, 25 марта 1975 г. Комитет советских тюркологов при Отделении литературы и языка АН СССР, учитывая большое теоретическое и практическое значение его «Об-

ратного словаря башкирского языка», принял даже специальное решение всемерно содействовать скорейшему изданию данного труда и направил соответствующее письмо директору Башкирского книжного издательства Н.Н. Нуретдинову. Монографии, учебные пособия и словари Мухтара Хуснулхаковича получили высокую оценку на страницах республиканских СМИ и за пределами Башкирии. Совместно с другими учеными профессор уделял большое внимание пропаганде башкирского языка, прежде всего, проблемам его развития. Он – один из авторов увидевшей свет в 1981 г. в г. Москва в издательстве «Наука» академической «Грамматики современного башкирского литературного языка», которая весьма почитаема среди ученых-языковедов и сегодня, а также «Занимательной грамматики башкирского языка» (Уфа, 1979; 1993), которая все еще пользуется популярностью среди учащихся и учителей.

В 1983 г. за многолетнюю плодотворную работу по подготовке высококвалифицированных специалистов и активное участие в общественной жизни Мухтар Хуснулхакович был награжден Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Башкирской АССР. За многолетний добросовестный труд в 1984 г. награжден медалью «Ветеран труда». А в 1988 г. ему за значительные успехи в перестройке содержания учебно-воспитательного процесса, его обновления в свете современных достижений и перспектив развития науки, техники и культуры, создание спецкурсов по направлениям, определяющим научно-технический и социальный прогресс СССР, присуждена II премия Государственного комитета по народному образованию СССР. В 1989 г. за заслуги в подготовке педагогических кадров присвоено почетное звание «Заслуженный учитель Республики Башкортостан». В 2001 г. за большие заслуги в области образования присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». В день своего 80-летнего юбилея в 2009 г. был удостоен высокого звания «Почетный профессор Башкирского государственного университета».

Под руководством профессора М.Х. Ахтямова были защищены кандидатские диссертации, сегодня его ученики преподают в ведущих вузах нашей республики и продолжают его дело.

Мухтар Хуснулхакович Ахтямов прожил долгую и яркую жизнь, внес большой вклад в развитие региональной тюркологии на примере башкирского языкознания, но при этом всегда оставался очень скромным человеком.

Мухтар Хуснулхакович – наш старший коллега и учитель – навсегда останется в нашей памяти олицетворением мудрости, честности и доброты!

Султанбаева Хадиса Валиевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры востоковедения и башкирского языкознания
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Альмухаметов Рашид Валиахметович
кандидат педагогических наук, профессор,
заслуженный учитель Башкирской АССР,
заслуженный деятель науки Республики Башкортостан

Псянчин Юлай Валиевич
доктор филологических наук, профессор,

*начальник отдела научно-технической информации,
ученый секретарь Государственного бюджетного учреждения
Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии
Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан*

Султакаева Раушания Абдулхаевна

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры башкирского языка и литературы ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»*

Сибгатова Рамиля Юмадиловна

*кандидат филологических наук, заведующий Научной библиотекой
Уфимского федерального исследовательского центра РАН*

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН, Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН и редакция журнала «Российская тюркология» выражают глубокие соболезнования родным, близким и коллегам в связи с кончиной Мухтара Хуснулхаковича Ахтямова. Светлая память ему!

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- И.В. Кормушин* (Москва). Почему в классификации А.Н. Самойловича язык орхоно-енисейской письменности отнесен им к юго-восточной (уйгуро-карлукской), а не к юго-западной (огузской) группе тюркских языков?.....5
- И.Л. Кызласов* (Москва). К познанию нерасшифрованного письма9

ОНОМАСТИКА

- З.Г. Аминев* (Уфа). Башкирские топонимы *Утаган* и их отношение к священной горе древних тюрков *Ötükkän*.....23
- М.Д. Каракетов* (Москва). Из карачаево-балкарской христианской календарной терминологии.....31

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Б.Т. Койчурев* (Бишкек). Историко-культурное и эстетическое своеобразие древних тюркских и японских литератур50

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Н.А. Маничкин* (Москва). Традиционная сакральность и новая религиозная практика бата чыгаруу в Кыргызстане58

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

- А.В. Дыбо* (Москва). Тюркологические исследования Е.Д. Поливанова68

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

- Х.Ч. Алишина* (Тюмень). Рецензия на книгу:
Рассадин В.И. Картинный словарь сойотского языка.....89

ПЕРСОНАЛИИ

К 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Посвящается тюркологам – участникам ВОВ

- Людмила Петровна Атанова – воин, ученый, фольклорист
(к 100-летию со дня рождения).....95
- О жизни и творчестве Сазона Саймовича Суразакова (к 95-летию со дня рождения).....100
- Егор Иннокентьевич Оконешников (к 90-летию со дня рождения).....106

Юбиляры этого года

- Профессору Р.З. Кыдырбаевой – 90 лет.....111

Вали Шагалиевич Псянчин (К 90-летию со дня рождения)	116
Достойный сын башкирского народа (к 85-летию со дня рождения академика Марата Валиевича Зайнуллина).....	123
Многогранная личность и талант организатора науки (к 85-летию со дня рождения З.Г. Ураксина)	128
Ученый, сказитель и общественный деятель (к 65-летию Розалии Асфандияровны Султангареевой).....	134

Некрологи

Наталья Николаевна Широбокова	140
Мухтар Хуснулхакович Ахтямов	145

CONTENTS

LANGUAGE STRUCTURE AND HISTORY

- I.V. Kormushin* (Moscow). Why A.N. Samoylovich classified the language of the Orkhon-Yenisei monuments as a South-Eastern (Uighur-Karluk) and not the South-Western (Oghuz) group of Turkic languages?.....5
- I.L. Kyzlasov* (Moscow). Upon the issue of undecrypted writings.....9

ONOMASTICS

- Z.G. Aminev* (Ufa). Bashkir toponyms «Utagan» and their relation to the sacred mountain of ancient Turks Ötükän.....23
- M.D. Karaketov* (Moscow). From the Christian calendar terminology of Karachay and Balkaria.....31

LITERARY CRITICS

- B.T. Koichuev* (Bishkek). Historical, cultural and aesthetic originality of ancient Turkic and Japanese literatures.....50

FOLKLORE STUDIES

- N.A. Manichkin* (Moscow). Traditional sacrality and new religious practice of Bata Chygaruu in Kyrgyzstan.....58

SCIENCE HISTORY, DOCUMENTS

- A.V. Dybo* (Moscow). E.D. Polivanov's turkological researches.....68

REVIEWS

- Kh.Ch. Alishina* (Tyumen).
Review of V.I. Rassadin's «Picture dictionary of the Soyot language».....89

PERSONALIA

To the 75th anniversary of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. To the honor of Turkologists — participants of the Second World War

- L.P. Atanova – warrior, scholar, folklorist (to the 100th anniversary of L.P. Atanova's birth)....95
- Life and work of Sazon Saymovich Surazakov (to the 95th anniversary)100
- Yegor Innokentiyevich Okoneshnikov (to the 90th anniversary)106

Anniversaries of this year

- The 90th anniversary of R.Z. Kydyrbaeva.....111
- Vali Shaghaliyevich Psianchin (to the 90th anniversary).....116

A worthy son of Bashkir people (to the 85th anniversary of the academician Marat Valievich Zainullin).....	123
Versatile personality and talent for science organization (to the 85th anniversary of Z.G. Uraksin)	128
Scholar, storyteller and public figure (to the 65th anniversary of Rozaliya Asfandiyarovna Sultangareyeva)	134
Obituaries	
Natalya Shirobokova	140
Mukhtar Akhtyamov	145

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Журнал «Российская тюркология» выходит 4 раза в год и печатает материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований. Исключение может составить идентичная статья автора, опубликованная: а) в нецентральной научной печати (не Москва и Санкт-Петербург, а также не в журналах, аттестованных в системах Scopus, WoS и подобных – Новосибирск, Томск), б) за границей на иностранном языке. При этом автор обязан дать полную ссылку на эту первичную статью. Статьи в журнал «Российская тюркология» принимаются по рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ Сообщения и обзоры
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности
- ◆ проблемности
- ◆ научной новизны
- ◆ доказательности
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят двойное слепое рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Журнал издается в двух версиях – бумажной и электронной. 120 печатных экземпляров предназначены для предоставления обязательных экземпляров в Книжную палату, библиотекам ряда родственных институтов и журналов, а также для бесплатной раздачи по одному экземпляру членам Российского комитета тюркологов, авторам напечатанных в данном номере материалов и членам редколлегии. Журнал индексируется в РИНЦ и на-

ходится там в открытом доступе, также, как он находится в открытом доступе на сайте Российского комитета тюркологов: <http://www.turcologica.org>.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: gosturcology@yandex.ru с безличным обращением «Уважаемая редакция».

Объем статьи – от 0,7 до 1 а.л. (28 тыс. – 40 тыс знаков с пробелами), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РТ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру. Дополнительные буквы к стандартным алфавитам русского и английского языков берутся из касс Юникода.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние – “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Букву «ё» использовать только в смысловоразличительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а фонт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди).

На следующей строке после фамилии светлым курсивом указывается город.

К заголовку статьи, если требуется для отчетности, дается ссылка в конце страницы, где можно указать о финансовой поддержке исследования.

К фамилии автора дается еще одна ссылка в конце страницы со сведениями об авторе: ФИО – полностью, должность и место работы, ученая степень и звание, личный e-mail.

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**, а также, возможно, и нестандартный шрифт. *Ссылка* приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *постраничные сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по приведенным ниже образцам.

Итак, еще раз кратко о порядке расположения материала статьи:

Название на русском языке

ФИО автора; нижняя ссылка – сведения об авторе на русском языке: фамилия имя отчество – полностью, место работы и должность, ученое звание

Город

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на английском языке

Список литературы

Вводится заголовком *Литература* – полужирным курсивом. Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы автора (всех авторов), название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

ВНИМАНИЕ: С 2019 года вводятся дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям: литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках; также необходимо перевести на английский язык данные о месте и годе издания. В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Эмба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*

Отпечатано в ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Рождественка, д. 12/1, стр. 1, офис 8, 9, 10, 11
тел.: (495) 7263169; (495) 9682416; (495) 6234554; (495) 6253813
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Подписано в печать 30.12.2020. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 г/м². Формат 70×108¹/₁₆.
Усл.печ.л.13,5.
Тираж 120 экз. Заказ № 1026